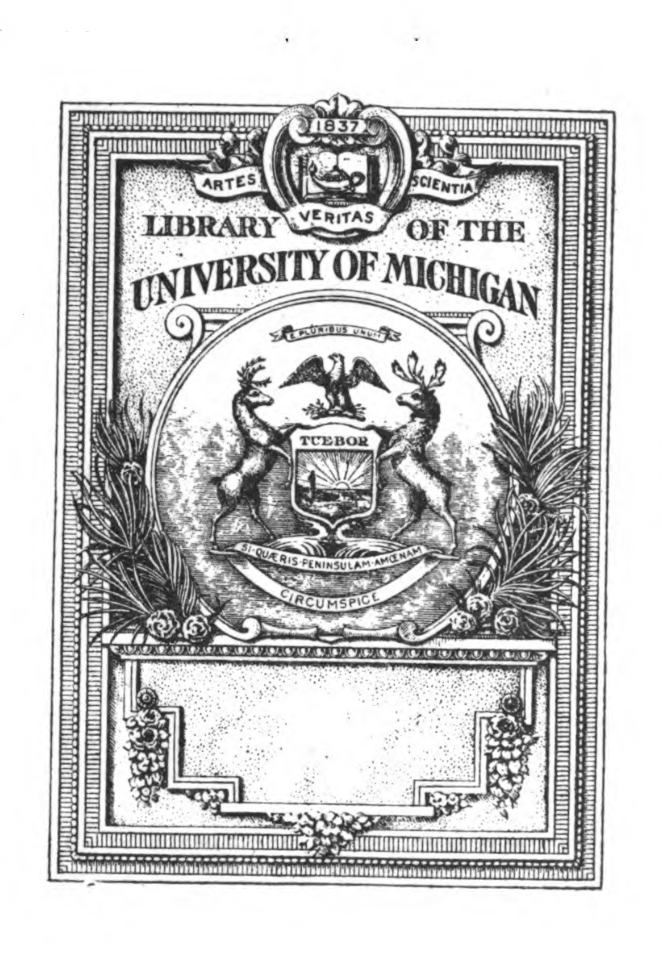

469912

1837
ARTES
VERITAS
SCIENTIA
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
E PLURIBUS UNUM
TUEBOR
SI QUÆRIS PENINSULAM AMŒNAM
CIRCUMSPICE

В. БРУСЯНИНЪ

МУЖЧИНА

МОСКОВСКОЕ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

Б. ТАККЕ.

В. В. БРУСЯНИНЪ.

МУЖЧИНА.

РОМАНЪ.

РАЗСКАЗЫ:

ОНИ ЖИЛИ ВТРОЕМЪ.
КОЛЯСОЧКА.
ОТЕЦЪ.
ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СКВЕРНАГО ЧЕЛОВѢКА.

„МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО“.

В. БРУСЯНИНЪ

МУЖЧИНА

МОСКОВСКОЕ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

Б. ТАККЕ.

В. В. БРУСЯНИНЪ.

МУЖЧИНА.

РОМАНЪ.

РАЗСКАЗЫ:

ОНИ ЖИЛИ ВТРОЕМЪ.
КОЛЯСОЧКА.
ОТЕЦЪ.
ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СКВЕРНАГО ЧЕЛОВѢКА.

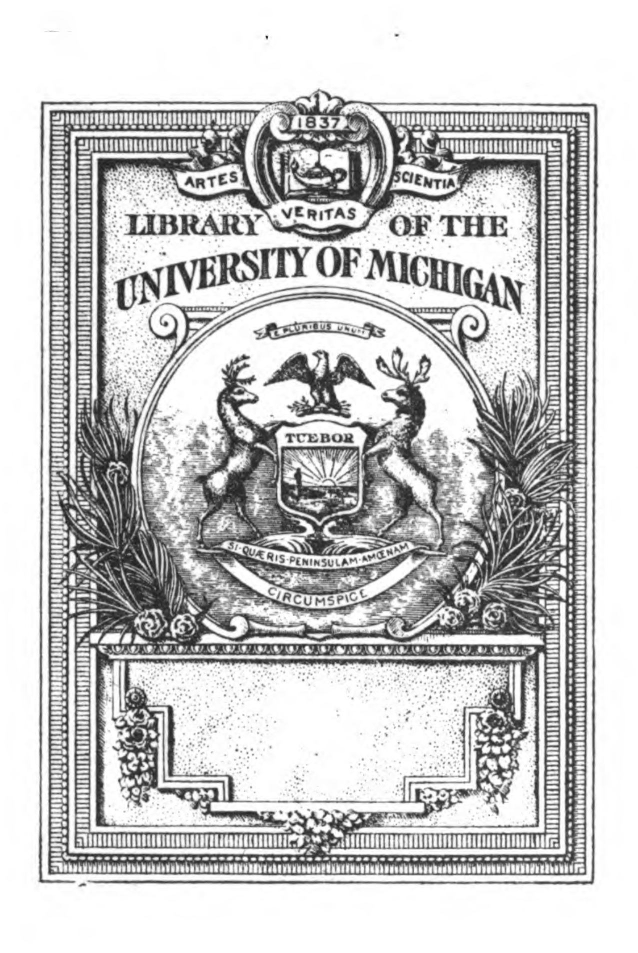
„МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО“.

Типографія „ЗЕМЛЯ", 1-я Мѣщанская, домъ № 5.
МОСКВА.

Женѣ моей посвящаю

эту исповѣдь мужчины.

1837
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
E PLURIBUS UNUM
TUEBOR
SI QUÆRIS PENINSULAM AMŒNAM
CIRCUMSPICE

В. БРУСЯНИНЪ

МУЖЧИНА

МОСКОВСКОЕ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

Б. ТАККЕ.

В. В. БРУСЯНИНЪ.

МУЖЧИНА.

РОМАНЪ.

РАЗСКАЗЫ:

ОНИ ЖИЛИ ВТРОЕМЪ.
КОЛЯСОЧКА.
ОТЕЦЪ.
ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СКВЕРНАГО ЧЕЛОВѢКА.

„МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО".

Типографія „ЗЕМЛЯ“, 1-я Мѣщанская, домъ № 5.
МОСКВА.

Женѣ моей посвящаю

эту исповѣдь мужчины.

МУЖЧИНА.

РОМАНЪ.

I.

Сегодня опять съ ранняго утра идетъ дождь. Хмурое небо, смоченныя дождемъ кровли домовъ, дымовыя трубы... Вотъ и все, что я вижу въ окно моей мастерской. Раннія осеннія сумерки, воспоминанія о вчерашнемъ кутежѣ съ женщинами, которыя продаютъ свое тѣло, сожалѣніе о послѣднихъ растраченныхъ деньгахъ... Вотъ все, о чемъ я думаю, сидя у окна и смотря на осеннее небо...

Безъ этихъ мерзостей жизни — мнѣ скучно жить. Скучно жить! А если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ: «умри», я содрогнулся бы отъ суевѣрнаго чувства и крикнулъ бы: «Я жить хочу!..»

Я хочу яркаго солнца, яснаго неба и тихихъ ласкающихъ звуковъ... Я хочу тихой, нѣжной, вкрадчивой рѣчи и милой улыбки безъ словъ и нѣжнаго любовнаго шопота... Гдѣ тотъ счастливый человѣкъ, у котораго все это въ избыткѣ?

Я дни и ночи мечтаю о ясной улыбкѣ ея темно-сѣрыхъ глазъ. Много обѣщаетъ эта улыбка и ничего не даетъ. Я вспоминаю многообѣщающую улыбку темно-сѣрыхъ глазъ, и мнѣ кажется, что только въ выраже-

ніи этихъ глазъ я нахожу отвѣтъ всѣмъ моимъ настроеніямъ...

Улыбнутся мнѣ ея глаза—и я, какъ будто, познаю себя и самъ себѣ кажусь счастливѣйшимъ человѣкомъ. Посмотритъ она на меня холодно или только равнодушно—и сѣрый, холодный туманъ, какъ кисея дождя, заслонитъ отъ меня блескъ яркаго солнца моей жизни. Сердце опахнетъ холодомъ, и опять знакомая мнѣ тоска опутаетъ меня, какъ темное, вязкое покрывало...

Темное, вязкое покрывало... Это сравненіе мнѣ нравится. Тоска, дѣйствительно, похожа на темное, вязкое покрывало. Окутаетъ она руки, ноги, голову, грудь, запечатаетъ уста, занавѣситъ глаза, и кругомъ станетъ безмолвно и темно...

Яркое солнце моей жизни—искусство!..

По небу тянутся сѣрыя, тяжелыя тучи. Рѣзкій, холодный вѣтеръ мчитъ ихъ изъ далекихъ, невѣдомыхъ мнѣ странъ. Тучи оплакиваютъ скучную, холодную землю. Тучи хмуро глядятъ на людей. И снова ихъ уноситъ вѣтеръ къ какимъ-то другимъ, невѣдомымъ мнѣ, странамъ, къ невѣдомымъ людямъ...

Ужели тамъ, гдѣ-то, есть еще такой же, или, хотя бы отчасти похожій на меня, человѣкъ? Привѣтъ тебѣ, мой печальный товарищъ! Мнѣ кажется, людей съ такой болѣзненной душой немного. Мнѣ кажется, никого не гнететъ такъ скудость бытія, какъ меня.

Впрочемъ, быть можетъ, все это я преувеличиваю...

Въ дѣтствѣ меня прозвали «Орленкомъ» за дальнозоркость. И, помнится, мнѣ льстило это прозвище, и я часто представлялъ себя высоко парящимъ въ синевѣ неба, на большихъ, сильныхъ крыльяхъ. Буйный вѣтеръ несется мнѣ навстрѣчу, наваливается на мои крылья, упирается мнѣ въ грудь... Но могучія крылья разсѣкаютъ цѣпкія руки буйнаго вѣтра, и я несусь надъ пустынными, зеленѣющими полями. А подо-мной ле-

житъ земля съ маленькими людьми, и я разсматриваю землю зоркими орлиными глазами...

Какъ хорошо тогда было! Я жилъ въ вольной башкирской степи, любовался бѣлесоватой кисеей ковыля, провожалъ глазами грустныя зори заката, а по вечерамъ носился по степи на рѣзвыхъ башкирскихъ лошадяхъ верхомъ, одинъ, и, какъ «Орленокъ», купался въ волнахъ степного вѣтра. Я любилъ слушать печальныя башкирскія пѣсни. Эти пѣсни монотонны и однообразны, но какъ много въ нихъ грусти,—нашей степной грусти, о которой поютъ степныя травы и бѣлый пушистый ковыль...

Степь сдѣлала меня грустнымъ на всю жизнь. Пѣсни степныя покорили мою душу. И вотъ, я живу и слушаю грустные мотивы моей души.

Время прошло. Мои орлиныя крылья опустились. Взоръ притупился... Бодрое, молодое, влекущее было въ юности, но никогда я «Орленкомъ» не былъ. Это только такъ, нарочно, люди прозвали меня царственнымъ скитальцемъ далекаго синяго неба. Люди часто говорятъ нарочно и умѣютъ дѣлать это такъ, что имъ вѣришь. Въ дѣтствѣ мнѣ также о многомъ говорили нарочно, чтобы только я повѣрилъ. И я вѣрилъ, а вотъ теперь, когда мои орлиныя крылья опустились, взоръ потускнѣлъ, мнѣ жутко подчасъ вѣрить даже и въ то, что есть на самомъ дѣлѣ.

Я помню любопытный эпизодъ изъ моего дѣтства.

Бродя по степи, мы съ братомъ подстрѣлили молодого орленка. До выстрѣла онъ гордо носился надъ нами, расправивъ свои могучія крылья, и, казалось, не замѣчалъ насъ. Братъ выстрѣлилъ—и орленокъ сѣрымъ комомъ упалъ наземь. Мы долго искали его въ густой степной травѣ, а когда нашли, онъ былъ еще живъ.

Крупной дробью ему раздробило крылья, на груди сочилась кровью рана, но онъ былъ еще живъ. Братъ

хотѣлъ поднять его за крыло, но онъ вытянулъ лапу, насторожился, дерзко и смѣло глянулъ на насъ своими большими, злыми, великолѣпными глазами и хищнымъ клювомъ вцѣпился въ руку брата. Въ началѣ мнѣ было жаль орленка, поверженнаго наземь, но, когда я увидѣлъ, какъ онъ умѣетъ нападать, умирая, я восхитился величественной птицей и благословилъ небо, воспитавшее въ немъ широту размаха его злобы и мести.

Я отошелъ, а братъ долго еще боролся съ подстрѣленной птицей, пока удалось ему наступить ей на шею. Братъ задушилъ орленка, но я видѣлъ, что это стоило ему порядочныхъ усилій.

Такъ умираютъ скитальцы высокаго неба. Когда мнѣ представляется, что я могу умереть такъ же, мнѣ становится смѣшно. Думая такъ, мнѣ кажется, что я самому себѣ говорю что-то нарочно въ утѣшеніе.

Съ нѣкоторыхъ поръ я ненавижу это слово «утѣшеніе». Оно кажется мнѣ пошлымъ, потому что напоминаетъ мнѣ о моей слабости воли. Если бъ на одно мгновеніе я могъ вообразить себя орленкомъ, я улетѣлъ бы изъ Петербурга... Я унесъ бы съ собой только одну свою грусть, но... но я былъ бы самимъ собою. А развѣ я принадлежу себѣ? Развѣ я—«Я», то гордое человѣческое «Я», о которомъ люди сложили красивые гимны?

II.

Въ часъ дня Марья Ильинична, моя хозяйка, подала мнѣ кофе, хлѣбъ съ масломъ и два яйца. Она вошла въ комнату и тихо сказала:

— Я забыла сказать вамъ. Вчера вечеромъ безъ васъ заходила эта барышня.

— Ну, и что же?

— Просила васъ зайти сегодня около трехъ. Она нездорова немного... Такъ и сказала, чтобы вы зашли...

«Эта барышня»—на языкѣ моей хозяйки—Галина Николавна Блавадская.

Какъ недальновидна Марья Ильинична! Да развѣ я могу прожить день, чтобы не повидаться съ Галиной Николавной?

Не сомнѣвается въ этомъ и она, моя милая Галина Николавна.

Мнѣ кажется, я никогда не обратился бы къ Блавадской съ прибавленіемъ страннаго слова **«милая»**. Оно утратило для меня всякое значеніе или, по крайней мѣрѣ, то содержаніе, какое люди вливаютъ въ это слово. Хорошо, когда «милая», «милый» употребляются въ интимной обстановкѣ. На людяхъ же это слово, какъ рукопожатіе, привычное и выцвѣтшее.

Недавно Галина Николавна сказала мнѣ:

— Милый Евгеній Александровичъ, помогите мнѣ надѣть жакетъ...

Эту фразу слышали и другіе, и слово «милый», быть можетъ, и дорогое для другихъ, утратило для меня всякое значеніе, выцвѣло, поблѣднѣло...

Есть особой цѣнности слова. Яркія и сильныя, они украшаютъ жизнь, какъ листья украшаютъ темный стволъ дерева. Въ лучахъ вешняго солнца, въ ласкахъ теплаго вешняго вѣтра, эти слова шелестятъ нѣжно, какъ шопотъ листвы. Въ холодныхъ лучахъ осенняго солнца, нѣжныя слова, какъ поблекшіе листья, падаютъ мертвыми, падаютъ тихо, лѣниво, и погребаютъ подъ собою радости жизни...

III.

Галина Николавна, дѣйствительно, больна.

Она полулежала на кушеткѣ подъ пледомъ, когда я пришелъ къ ней. Она улыбнулась мнѣ, протянула горячую руку, крѣпко сжала мнѣ пальцы и сказала:

— Простите, я вытащила васъ въ такую погоду... Но, право, я... Я всегда боюсь быть одинокой, когда мнѣ нездоровится... Вчера вечеромъ я заходила къ вамъ, потому что было тошно одной... Вы гдѣ вчера были?

— Да такъ, собственно, бродилъ по Невскому, заходилъ къ Сидоренкѣ.

— Я слышала, ему удалась его «Греза»... Я очень рада за него. Онъ такой милый!

Опять это слово. Я въ смущеніи закурилъ папиросу.

— Вы не видѣли его картины?—спросила она, поправляя пряди волосъ на вискѣ.

— Видѣлъ, но я не его поклонникъ...

— Трудно назвать кого-нибудь, кому бы вы поклонялись...

Это замѣчаніе смутило меня. Ужели она разгадала мою тайну? Впрочемъ, не разгадала: вѣдь, она же не знаетъ, что я поклоняюсь ей.

Я дѣланно засмѣялся и сказалъ:

— Иногда я ищу того, чему мнѣ хотѣлось бы поклониться.

— То-есть, какъ это?

— А такъ, хожу и ищу. Вотъ и вчера бродилъ по улицамъ и искалъ идола, ну, хотя бы въ образѣ захудалой уличной женщины.

Иногда во мнѣ поднимается какая-то непонятная злоба, и тогда мнѣ хочется сказать Галинѣ Николавнѣ что-нибудь грубое. Я умышленно упомянулъ о своихъ ночныхъ скитаніяхъ по Невскому. Вышло цинично. Развѣ Галина Николавна не знаетъ, какіе объекты мужского вниманія бродятъ по улицамъ поздней ночью?

Она сдѣлала видъ, что не замѣтила моего признанія.

— Недавно я обѣдала у Сидоренка,—сказала она.— Говорили о васъ... Я высказала мнѣніе, что ваши художественные замыслы глубже, чѣмъ его... Грубый хохолъ обидѣлся.

— И, навѣрное, обругалъ меня и назвалъ бездарностью,—перебилъ я.

— Онъ страшно самомнителенъ, чего не хватаетъ вамъ.

— А развѣ о недостаткѣ самомнѣнія надо жалѣть такъ же, какъ о недостаткѣ доблести?

— Самомнѣніе—реклама собственному «я». Это, въ своемъ родѣ, сила!

Звонокъ прервалъ нашу бесѣду. Къ Галинѣ Николавнѣ пришла ея подруга, курсистка Лужская.

По обыкновенію, онѣ крѣпко обнялись и долго цѣловались.

Я не люблю, когда дѣвушки долго и горячо цѣлуются. Что-то приторное въ этомъ, противное и даже противоестественное. Мужчины рѣдко цѣлуются, а женщины... Какъ имъ не жаль расточать поцѣлуевъ? Вѣдь, и поцѣлуи опошляются, если ими злоупотреблять.

— Евгеній Александровичъ,—сказала Галина Николавна, — если вамъ надо итти, то...Лида побудетъ со мной... Да, Лидокъ?

Она сказала это холоднымъ тономъ, а въ глазахъ ея я прочелъ даже что-то насмѣшливое.

Бродя по набережной около Николаевскаго моста, я вспоминалъ холодное, безстрастное лицо Галины Николавны, какимъ видѣлъ его въ тотъ моментъ, когда мы прощались, и душу мою опахнуло холодомъ. Она позвала меня только потому, что не любитъ быть въ одиночествѣ, когда ей нездоровится. Пришла Лидочка, эта противная «лижущаяся» женщина,—и я ей не нуженъ...

Что-то большое и злобное выростаетъ во мнѣ всякій разъ, когда я ловлю Блавадскую въ неискренности. Зачѣмъ одѣвать эти холодныя цѣпи на сердце? Зачѣмъ засорять умъ этой трухой? А люди привыкли къ неискрен-

ности. Двуликіе люди! И я знаю, какое лицо принять за даръ неба, какое за зеркало ада.

Она говорила, что во мнѣ мало самоувѣренности. Это правда, но что же я подѣлаю съ собою? Самому себѣ я представляюсь сильнымъ, а людямъ кажусь слабымъ. Когда-нибудь я покажу свою силу!..

Завтра ни за что не пойду къ Галинѣ Николавнѣ. Какъ было бы хорошо, если бы она прислала за мною, а я не послушался бы ея призыва.

IV.

Ночью вѣтеръ и дождь не давали мнѣ покоя...

Моя комната въ пятомъ этажѣ большого дома на 5-й линіи.

Окна мои высоко, и изъ нихъ открывается великолѣпный видъ на городъ. Внизу—кровли съ темными трубами. Зимою изъ трубъ выползаютъ косматыя волны дыма, и синеватая пелена снѣга на кровляхъ напоминаетъ мнѣ мои милыя степи забытой родины.

Когда вѣтеръ съ моря, я слышу его дыханіе за стеклами оконъ. Въ кровлю барабанитъ дождь... И темная ночь смотритъ на меня снаружи. Въ квартирѣ тихо. Спитъ хозяйка... Сегодня годовщина смерти ея мужа... Давно умеръ ея Павелъ Романычъ, а она каждый годъ въ день смерти печетъ блины и кормитъ ими жильцовъ. Печальная язычница! Она вѣритъ въ загробную жизнь и часто говоритъ о томъ, какъ она встрѣтится съ мужемъ въ мірѣ тѣней... Должно быть, хорошо вѣрить въ загробную жизнь? Если бы и я вѣрилъ, мнѣ легче бы было вспоминать мою милую мать. И мы встрѣтились бы съ нею. Подошла бы она ко мнѣ, обласкала бы меня, прижала бы къ своей теплой груди и сказала бы: «Женичка... Женичка...» Поцѣловала бы меня и заплакала... Почему-то она всегда плакала, когда ласкала меня...

Точно чуяла мою печальную жизнь... Я невѣрю въ загробную жизнь, и мать никогда не придетъ ко мнѣ... никогда... Милая моя, гдѣ ты?

Часъ тому назадъ сосѣдъ мой по комнатѣ, студентъ Лозовъ, игралъ на гитарѣ, потомъ долго ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ. Онъ часто такъ ходитъ по комнатѣ, и мнѣ всегда хочется угадать, о чемъ онъ думаетъ? Не можетъ быть, чтобы о своей математикѣ? Вѣдь, это такъ странно: думать о математикѣ, когда въ ушахъ еще не замеръ послѣднiй аккордъ печальной пѣсни.

Лозовъ почти всегда играетъ на гитарѣ меланхолическiя пьесы. Впрочемъ, гитара уже такой плакучiй, тоскливый инструментъ. Инструментъ для одинокихъ душъ, для тоскующихъ. Чеховъ любилъ гитару, иначе онъ не научилъ бы своихъ героевъ играть на этомъ инструментѣ для одинокихъ...

О чемъ тоскуетъ Лозовъ? Ужели и онъ скучаетъ по комъ-нибудь?

Онъ всегда хмурый, и въ глазахъ его какая-то разсѣянность... Вѣроятно, и онъ влюбленъ въ кого-нибудь, и влюбленъ безнадежно. Иначе онъ не сталъ бы играть на гитарѣ печальныхъ мотивовъ.

А въ окна комнаты барабанитъ дождь. Шумятъ его мутные потоки въ водосточной трубѣ. По временамъ вѣтеръ бросаетъ въ окна дождевыя капли, и онѣ струятся по темнымъ стекламъ. А за окнами темно. Лампа горитъ какъ-то печально, точно прислушивается къ звукамъ ночи и боится, какъ бы вѣтеръ не ворвался въ окна и не затушилъ ея вздрагивающаго пламени.

Голоса ненастной ночи—музыка! Я ясно различаю въ этихъ голосахъ печально-тревожные мотивы. Глубокая тоска слышится въ нихъ, и то замираетъ, уносимая вѣтромъ, то возвращается и смотритъ къ комнату черезъ темныя стекла мистически-черными глазами.

Кто не сумѣетъ различить въ голосахъ ненастной

ночи мотивовъ тоски, тотъ не отгадаетъ и того, что отражаетъ въ своихъ глазахъ темная ночь. А въ этой ночной тьмѣ—люди, тоскующіе, бѣдные люди...

И души ихъ—темныя ночи... И слышу я голоса этихъ темныхъ, ненастныхъ ночей...

V.

Утромъ получилъ письмо отъ Бурина. Счастливый онъ, живетъ въ Ялтѣ и зоветъ меня отдохнуть въ его уютной виллѣ на берегу моря.

«Закиснете вы въ Питерѣ,—пишетъ онъ.—На что похожа ваша весна, сдѣланная дворниками? Какая охота подвергать себя скукѣ, вліянію дождливаго неба и хандрить? Я знаю, что вы хандрите, угадываю это по вашему послѣднему письму. Пріѣзжайте же, другъ мой, право».

Счастливый Буринъ. Жаль только, что онъ не спросилъ меня, на какія средства я поѣду? Марья Ильинична уже напоминала мнѣ о платѣ за комнату. Завтра роковой седьмой день, а она не платила за квартиру. Лозовъ тоже не при деньгахъ.

Подавая кофе, масло и булки, она вздыхала и бранила домовладѣльцевъ, которые не хотятъ ждать денегъ дольше семи дней. Вспоминала покойнаго мужа, онъ всегда платилъ аккуратно.

Сегодня ѣду въ Лѣсное. Хочется посмотрѣть, какъ выглядитъ лѣсъ, опушенный крошечными зелеными листочками... Вспоминаются орѣховыя рощицы въ милыхъ степныхъ балкахъ...

Странно: въ вагонѣ трамвая встрѣтилъ даму, съ пышными волосами на вискахъ. Когда она всматривается въ человѣка, глаза ея прищуриваются.

Какъ она напоминаетъ мнѣ ту, о которой я такъ долго думалъ...

Это было въ провинціи. У насъ, въ двухъ переднихъ комнатахъ нашего дома, жилъ казачій сотникъ. Забылъ его фамилію, кажется, Черновъ или Глазовъ, что-то въ этомъ родѣ. Онъ былъ женатъ, но жена жила въ другомъ городѣ при дѣтяхъ, которыя воспитывались въ кадетскомъ корпусѣ.

Сотникъ жилъ съ любовницей. Это была изящная и интересная женщина. Такъ казалось мнѣ тогда. О любовницѣ сотника говорили: «Ну, ужъ не нашелъ лучше!» А я понималъ, что женщины, говорившія такъ о любовницѣ нашего квартиранта, въ сущности, завидуютъ ей: она была лучше многихъ, лучше всѣхъ... Такъ казалось мнѣ тогда.

Она возбуждала во мнѣ интересъ своей фигурой, большими голубыми глазами, тихимъ и мягкимъ голосомъ. Она умѣла какъ-то особенно осматривать каждаго мужчину, точно обжигая всего своими открытыми, голубыми глазами. И всегда выраженіе этихъ глазъ было такое, точно она никогда не видѣла мужчины и только теперь замѣтила его,—замѣтила и обласкала взглядомъ.

Мнѣ было только пятнадцать лѣтъ, но я чувствовалъ, что и на меня она смотритъ такъ, особенно. Это возвышало меня въ собственныхъ глазахъ и самому себѣ я казался взрослымъ.

Она, эта загадочная, обаятельная женщина, разбудила во мнѣ мужчину. Разбудила своей тайной, разбудила своимъ любопытствомъ. Она, по-своему особенно, посмотрѣла на меня и покорила. Всѣ въ домѣ называли ее «Женькой», а я тайно называлъ ее Женей. Я ходилъ за нею по пятамъ, когда она уходила отъ офицера, и, помнится, тосковалъ, когда она перестала ходить къ офицеру. Пріѣхала жена офицера, Клара Казиміровна, и я перенесъ на нее свое вниманіе, а о Женѣ, какъ будто, забылъ.

Почему-то Клара Казиміровна особенное вниманіе

обратила на меня. Всегда внимательная и ласковая, через недѣлю по пріѣздѣ, она ворошила своей тонкой рукой мои волосы и говорила:

— Какія чудныя кудряшки!

И часто, захвативъ горсть моихъ волосъ, сжимала руку и дѣлала мнѣ больно... Это была какая-то особая боль. И щурила она большіе темные глаза и обдавала меня горячимъ дыханіемъ. Темной осенней ночью мы повстрѣчались съ ней въ полутемныхъ сѣняхъ... Она, какъ хищникъ, увлекла меня за собою. И, помню я, это была первая ночь моихъ упоеній женскими ласками...

Два мѣсяца мы видѣлись каждый день, и каждый день этого жгучаго періода моей жизни я вспоминаю, какъ день хмельного угара... Клара Казиміровна мстила своему мужу, но кому же она мстила, втащивъ меня въ сладкій омутъ чувственности... Зачѣмъ такъ рано она разбудила во мнѣ звѣря? Зачѣмъ?..

Она уѣхала, а я долго грустилъ и ожесточался, плакалъ и проклиналъ...

Скоро боль души замолкла... И теперь осталось во мнѣ одно смутное воспоминаніе...

VI.

Сегодня опять заходилъ ко мнѣ Сидоренко и восхищался своей картиной, которая недѣлю назадъ въ кружкѣ товарищей была объявлена законченной. Счастливый онъ человѣкъ и довольный собою художникъ, но я почему-то не завидую ему.

Никогда онъ не терзался муками творчества, никогда не болѣлъ душой за свое дѣтище, какъ я, и никогда въ часы одиночества, съ глухой сдавленной злобой не проклиналъ жизни.

Жизнь мнѣ кажется нераздѣльной съ моими настроеніями, думами, съ планами моихъ работъ и тѣми му-

ками, съ которыми я выполняю задуманное, по цѣлымъ часамъ высиживая около полотна. Насъ, художниковъ, окружаетъ хаосъ жизни. Надо разобраться въ немъ, чтобы имѣть смѣлость воплощенія.

Удастся мнѣ работа—и жизнь снова пріобрѣтаетъ для меня цѣну, и я боюсь смерти, боюсь потому, что мнѣ кажется, что я не закончу работы. Неудача отражается въ душѣ моей тяжкимъ страданіемъ, и тогда я равнодушенъ къ тому, «блеснетъ» ли «заутра лучъ денницы», встрѣчу ли я съ улыбкой радости разсвѣтъ грядущаго дня или буду нѣмымъ, похолодѣвшимъ, а мои друзья удивятся моей смерти, быть можетъ, пожалѣютъ и забудутъ...

Счастливый Сидоренко! Реализировалъ онъ свои «Грезы» и доволенъ. Впрочемъ, картина его мнѣ нравится. Особенно удалась ему чаща лѣса, причудливымъ узоромъ обрисовывающаяся на ярко-красномъ фонѣ заката. Въ верху картины виднѣется клочокъ голубого неба. Такое небо я видѣлъ надъ нашими степями... Отъ зрителя въ глубину картины уходитъ юная дѣвушка. Она свернула съ тропы и удаляется въ чащу, подобравъ руками складки платья и осторожно ступая по травѣ, словно опасаясь потоптать цвѣты, пестрѣющіе на лугу. Краски заката заливали ея платье, лицо и разметавшіяся пряди волосъ.

Картина Сидоренки нравится всѣмъ, кто ее видѣлъ. Сидоренко торжествуетъ. При встрѣчѣ со мной онъ загадочно улыбается, а порой, какъ кажется мнѣ, ехидная улыбка не сходитъ съ его лица. Онъ, навѣрное, думаетъ: «Что, братъ! Твои страдающіе люди все еще только въ замыслѣ, а мои «Грезы» уже обѣщаютъ мнѣ приличный заработокъ».

И онъ правъ, думая такъ: мои страдающіе люди, дѣйствительно, только еще въ замыслѣ. Правъ и мой профессоръ, упрекнувшій меня за бездѣліе.

— Я ждалъ отъ васъ многаго,—сказалъ онъ мнѣ на-дняхъ,—но вы, другъ мой, все еще ищете чего-то... Смотрите на Сидоренку! Вѣдь онъ у меня былъ такъ себѣ... посредственность... а теперь наканунѣ славы...

И больше ничего не сказалъ мнѣ мой профессоръ, какъ будто всего этого я безъ него не зналъ... Удивительно, какъ они всѣ недальновидны. Если бы они заглянули мнѣ въ душу...

Противный Сидоренко! Я видѣть не могу его выхоленныхъ усовъ на красной полной физіономіи. Я не люблю его сѣрыхъ глазъ съ бѣлыми рѣсницами, щетинистыхъ, коротко остриженныхъ волосъ на шарообразной головѣ, а, главное, улыбка на его лицѣ такъ противна. Весь онъ со своими модными смокингами, разноцвѣтными галстуками—что-то пошлое, мерзкое, антихудожественное! Ужели онъ любуется собою, когда прихорашивается передъ зеркаломъ?

— Ты, Женичка (эта привычка называть меня такъ тоже мнѣ не нравится). Ты, Женичка, сегодня опять не въ духѣ?—спросилъ онъ меня входя и какъ-то особенно, «наотлетъ», неся модный цилиндръ. Послѣ успѣха «Грезъ» онъ купилъ себѣ цилиндръ и сталъ походить на рантье.

— А ты?

— Я? Сегодня утромъ у меня былъ нашъ маэстро и... обѣщалъ привести ко мнѣ покупателя до выставки.

— И ты, конечно, расцвѣлъ?

— Разумѣется! Странный вопросъ! — запротестовалъ, было, онъ и, немного помолчавъ, добавилъ:— Скажи по правдѣ, нравится тебѣ моя картина?

— Да...

— Отчего же ты только съ насмѣшкой отзываешься о ней?

— Потому, что я не въ духѣ,—отвѣтилъ я.

А Сидоренко ходилъ по комнатѣ и что-то бормоталъ.

— Понимаешь ты,—нѣсколько повысивъ голосъ, продолжалъ онъ.—Мнѣ весело! Я доволенъ! Картину мою купятъ и я поѣду въ Италію.

— Что ты будешь тамъ дѣлать?

— Странный вопросъ!.. Ты считаешь меня какимъ-то... ну, бездарнымъ, что ли. Другіе могутъ мечтать о заграничной поѣздкѣ, а я нѣтъ...

Онъ закурилъ папиросу.

— Ну, да дѣло не въ этомъ. Я вовсе не раздражать тебя пришелъ. Пришелъ къ тебѣ съ порученіемъ отъ Николая Николаевича. Онъ проситъ зайти къ нему въ шесть часовъ вечера сегодня... Какая-то тамъ работа предвидится...

— Вѣроятно, опять благотворительныя афиши или панно для купаленъ?

— Не знаю,—сухо отвѣтилъ Сидоренко.—А теперь—руку.

Онъ пожалъ мнѣ руку и молча вышелъ.

VII.

Я остался одинъ и началъ съ того же, съ чего приходилось начинать всякій разъ, когда я бывалъ недоволенъ собой. Я осуждалъ себя, и это осужденіе во мнѣ искреннѣе многаго, что другимъ кажется настоящей моей искренностью.

Я могъ бы бесѣдовать съ Сидоренкомъ и не злиться... Нервы мои положительно никуда негодны. Полѣчиться бы, что ли, или уѣхать куда-нибудь подальше отъ столичнаго шума, отъ этихъ людей, которые, въ сущности, надоѣли мнѣ.

Я часто думаю: если бы мнѣ погрязнуть, захлебнуться въ человѣческихъ мукахъ, жизнь моя была бы красочнѣе. Отчего люди такъ мало страдаютъ? Отчего только мелкія страданія мы видимъ? Когда страдаетъ

человѣкъ, онъ кажется менѣе пошлымъ. Онъ благороднѣе въ страданіяхъ и ближе къ Богу!.. И работать я не могу, потому что мало еще человѣческихъ мукъ на моей палитрѣ.

Я муки человѣка хочу смѣшать съ красками моей палитры и воплотить красоту души, ибо только страдающая душа красива! Если бы мнѣ вынести всѣ человѣческія страданія, я написалъ бы о васъ, люди, только одну правду.

«Право художника быть безталаннымъ, но онъ не смѣетъ быть бѣднякомъ. Безталанные перестаютъ писать, бѣднякъ никогда ничего не напишетъ». Такъ говорилъ мой покойный другъ Грибѣевъ. Я помню, онъ съ такой желчью высказалъ этотъ афоризмъ. На его чахоточномъ лицѣ выступилъ яркій румянецъ во всю щеку, глаза блеснули огонькомъ... Бѣдный Грибѣевъ, умеръ бѣднякомъ и ничего не написалъ значительнаго. Въ воспоминаніе о немъ вливаю въ его афоризмъ другое, свое содержаніе. Онъ говорилъ о матеріальной бѣдности, а я бѣдными художниками называю тѣхъ, у кого на палитрѣ къ краскамъ не подмѣшаны человѣческія слезы.

Бродя по Дворцовому мосту подъ частой кисеей дождя, я раздумывалъ о Николаѣ Николаичѣ. Профессоръ и старъ и слабъ. Лѣтъ десять онъ уже не пишетъ картинъ, ограничиваясь портретами знаменитостей. Въ молодости онъ написалъ десятка два картинъ, которыя хвалили, но онъ не создалъ ничего такого, что выдвинуло бы его имя въ исторіи искусствъ. «Кто знаетъ, что бы я могъ написать, если бы въ молодости не былъ бѣднякомъ»,—любитъ говорить онъ. Прекрасная иллюстрація къ афоризму Грибѣева. Онъ любитъ бѣдняковъ. Не даромъ и мы всѣ любимъ нашего стараго профессора.

Горничная провела меня въ обширный кабинетъ, съ темными обоями и съ тяжелыми драпри на окнахъ и дверяхъ.

Николай Николаичъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ мягкомъ креслѣ съ высокой спинкой. Его маленькая голова съ прядями сѣдыхъ курчавыхъ волосъ и блѣдное лицо съ остренькой бородкой обрисовывались на темной шторѣ широкаго окна. До моего появленія онъ что-то говорилъ, жестикулируя въ сторону своего собесѣдника.

По другую сторону стола, въ такомъ же креслѣ, сидѣлъ широкоплечій старикъ, съ гривою темныхъ съ просѣдью волосъ, съ лицомъ, которое, благодаря широкой сѣдой бородѣ, густымъ усамъ и бровямъ, казалось лицомъ патріарха. Впалыя желтыя щеки, голубые глаза, глубоко сидящіе въ орбитахъ, и покойное, величавое выраженіе дополняли сходство.

— Вотъ представляю вамъ господина Худобина,— началъ Николай Николаичъ и повелъ рукою въ мою сторону.—Это тотъ самый молодой художникъ, картиной котораго вы восхищаетесь...

— Адамъ Викентьевичъ Станевичъ,—назвалъ себя гость профессора, пожимая мнѣ руку.—Да, я восхищаюсь вашей картиной! Она виситъ у меня въ кабинетѣ,—добавилъ онъ съ какимъ-то особенно теплымъ чувствомъ и любовно посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.—Мнѣ очень нравится ваша картина. Вы знаете какая? «Скудость бытія»,—продолжалъ онъ, не выпуская моей руки изъ своихъ мягкихъ ладоней.

Мнѣ стало какъ-то не по себѣ отъ этихъ похвалъ и особенно отъ мягкаго и ласковаго выраженія глазъ.

Старикъ словно нечаянно разжалъ пальцы своихъ рукъ, какъ-то спѣшно отошелъ и опустился въ кресло. Я усѣлся между хозяиномъ и Станевичемъ, затрудняясь сказать что-нибудь хотя бы для приличія.

Старикъ говорилъ тихимъ, низкимъ голосомъ, посматривая то на меня, то на профессора. Онъ вспоминалъ мою картину въ мельчайшихъ подробностяхъ. Рѣчь старика перебивалъ Николай Николаевичъ, вставляя свои

замѣчанія. Я зналъ, что и ему нравится моя работа. Онъ съ какимъ-то особеннымъ воодушевленіемъ говорилъ о ней года два назадъ.

Они оба воскресили въ памяти моей мою же картину, небольшое полотно съ сѣрой скучающей фигурой солдата. Помнится, у правой стороны рамы, внизу, зарисованъ высокій земляной валъ, вдали, въ концѣ его, сѣрымъ пятномъ выдѣляется полосатая будка, налѣво расположены огородныя гряды, пестрѣющія вилками казенной капусты. Вдали, сквозь кисею дождя, неясно обрисовывается темное, невеселое съ виду зданіе казармъ. Моросить мелкій осенній дождь. Отъ сѣраго однообразнаго фона вѣетъ холодомъ и ненастьемъ, отъ одинокой скучающей фигуры солдата—чѣмъ-то безотраднымъ и скорбнымъ. Здороваго молодого человѣка нарядили въ сѣрую неуклюжую шинель, дали въ руки ему тяжелую винтовку и выгнали на черный земляной валъ сторожить казенную капусту. Цѣльность картины—въ безотрадномъ сочетаніи красокъ и въ скудныхъ, незаконченныхъ штрихахъ и линіяхъ. Эта скудость штриховъ—лучшее выраженіе «скудости бытія». Я въ дѣтствѣ видѣлъ такого солдата за чертой нашего захолустнаго городка, около казармъ, и съ тѣхъ поръ не могу забыть тусклой и жалкой его фигуры. Не могу забыть ее и теперь, хотя скучающій солдатъ уже воплощенъ въ краскахъ.

— Своей работой вы напомнили мнѣ о скудости моего бытія,—началъ послѣ паузы Станевичъ:—вы, такъ сказать, разсказали мнѣ, объяснили мнѣ, въ чемъ моя жизнь!.. Я долго, долго подыскивалъ объясненіе, и вотъ вы объяснили... Вѣдь, и я жилъ и сторожилъ какіе-то огороды... иносказательно говоря... И бытіе мое скудно!

Онъ опустилъ глаза и провелъ рукою по своему широкому лбу, изборожденному морщинами. Я повернулъ лицо въ сторону профессора и встрѣтился съ его глубо-

кимъ взоромъ, по которому могъ судить, въ какой мѣрѣ и для него оказалось неожиданнымъ признаніе Станевича. Да и самъ Станевичъ, повидимому, неожиданно высказалъ то, что, быть можетъ, хранилъ какъ тайну.

— Вотъ, вотъ... запомните этотъ случай воздѣйствія искусства на жизнь,—рѣзкимъ голосомъ проговорилъ хозяинъ, обращаясь ко мнѣ.—Подумайте объ этомъ... и вы поймете, въ чемъ тутъ гвоздь... И вотъ вы должны принять предложеніе Адама Викентьевича.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я.

— А вотъ, видите ли, я задумалъ у себя въ храмѣ подновить живопись и хотѣлъ бы просить васъ поѣхать ко мнѣ въ усадьбу.

Сердце у меня сжалось. Я плохой иконописецъ, хотя мнѣ уже не разъ приходилось заниматься этой работой. Писать иконы и не вѣрить въ то, что пишешь—какая это мука!

— Я долго васъ не задержу въ деревнѣ,—продолжалъ старикъ, близко придвинувшись ко мнѣ и засматривая въ глаза.

Очевидно, онъ замѣтилъ въ моемъ лицѣ перемѣну.

— Я думаю, мѣсяцъ, много-много два пробудете у меня въ деревнѣ. Но я очень бы просилъ именно васъ... Условія какія вамъ угодно.

Въ кабинетѣ профессора вспыхнуло электричество. Только теперь я разсмотрѣлъ Станевича.

Раньше, въ сумракѣ комнаты, старикъ показался мнѣ бодрымъ и моложе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Желтый, сморщенный, съ тихимъ голосомъ, и только въ глазахъ его вспыхивали искорки.

— Я согласенъ, но только я не могу надолго уѣхать изъ Петербурга.

— Отлично! Отлично! Я думаю дня черезъ два выѣхать въ деревню. До Твери мы по желѣзной дорогѣ, а тамъ на лошадяхъ верстъ шестьдесятъ.

Близость старика, его тихій и слабый голосъ, его ввалившіеся глаза съ искорками въ зрачкахъ, все выраженіе его пергаментнаго лица—останавливали мое вниманіе, но въ то же время и стѣсняли меня. Я раньше замѣчалъ, что люди, съ которыми мнѣ приходится сталкиваться какъ съ работодателями, всегда какъ-то стѣсняютъ меня. Я почему-то не довѣряю имъ и точно боюсь ихъ. Меня всегда смущаетъ мысль, что эти люди выбираютъ меня, а не я ихъ; почему для нихъ я долженъ быть такимъ, какимъ я имъ нуженъ, а они для меня могутъ быть, какими хотятъ?

VIII.

Галина Николавна нисколько не удивилась, когда я сказалъ ей о своемъ намѣреніи поѣхать въ усадьбу Станевича.

— Очень рада за васъ, голубчикъ. Поѣзжайте, заработаете кучу денегъ,—сказала она, поправляя прическу.

Она была одѣта въ нарядный темно-коричневый костюмъ. Отложной широкій воротникъ красиво оттѣнялъ ея высокую тонкую шейку и придавалъ лицу какую-то свѣжесть.

Но глаза ея? Отчего въ нихъ опять отражается не то утомленіе, не то тоска?

Я сообщилъ ей о своемъ отъѣздѣ, и мнѣ хотѣлось прочесть въ ея глазахъ сожалѣніе и даже ужасъ передъ лицомъ предстоящей разлуки. Но этого въ глазахъ ея не было. И я сказалъ ей:

— Но, подумайте, чему вы радуетесь? Вѣдь я ѣду писать иконы!

— Ну, такъ что же? Отнеситесь къ этому, какъ къ заработку.

Она лѣниво налила въ стаканъ жидкаго чаю и добавила сухимъ дѣловымъ тономъ:

— Пейте. А потомъ я скажу хозяйкѣ, чтобы она убрала посуду.

Мнѣ противно было пить жидкій и холодный чай, но я пилъ...

Часто мнѣ хочется сдѣлать наперекоръ ея желаніямъ, но изъ этого ничего не выходитъ. Я въ ея власти! Какъ будто она ничѣмъ этого не выражаетъ и даже не старается поработить меня, а выходитъ такъ, какъ она хочетъ.

Для чего это рабство? Для чего?

Когда передо мной встаетъ этотъ вопросъ, я перестаю уважать себя. Самому себѣ я кажусь маленькимъ и ничтожнымъ.

Я допилъ стаканъ жидкаго чаю. Хозяйка убрала самоваръ и посуду...

Какъ-то странно притворилась за нею дверь. Стукнула дверь, а Галина Николавна вздрогнула. Этотъ стукъ врасплохъ засталъ ея мысли... О чемъ она думала?.. Я все стараюсь заглянуть въ глаза Галины Николавны и разгадать тайну ихъ выраженія... И знаю я, эта тайна не скажетъ мнѣ того, чего хочу я...

— А сколько времени вы пробудете у Станевича?— спросила она.

Я посмотрѣлъ въ ея глаза и подумалъ: «Она спрашиваетъ потому, что ее пугаетъ долгая разлука со мною. Она любитъ меня, любитъ... Глаза ея блеснули, но такъ, какъ будто въ нихъ загорѣлись слезы, незримыя, тайныя слезы».

— Я и самъ не знаю,—отвѣтилъ я,—можетъ быть, мѣсяцъ, два или полтора...

— Ну, вотъ видите, какую уйму денегъ заработаете, а вы еще колеблетесь.

Мнѣ показалось даже, что она усмѣхнулась. Я всталъ и прошелся по комнатѣ, и мнѣ хотѣлось быстро уйти и сказать ей что-нибудь дерзкое и обидное. Пусть лучше

она ненавидитъ меня, гонитъ отъ себя, только бы не видѣть въ ея глазахъ холоднаго равнодушія...

— Какая-то вы странная сегодня!—сорвалось у меня съ языка.

— Почему?—спросила она.

— Да такъ... можетъ быть, я не во-время пришелъ?..

— Ха-ха!—разсмѣялась она, и мнѣ показалось, что этотъ смѣхъ былъ дѣланнымъ.— Если бы это было такъ, я откровенно сказала бы: уходите!

Мы помолчали нѣсколько секундъ. Она ходила по комнатѣ съ заложенными за спину руками и какъ-то странно блуждала взглядомъ вдоль стѣнъ.

— Я немного устала, еще не оправилась отъ этой инфлуэнцы... Не обращайте на меня вниманія и сидите, если вамъ хочется...

Въ ея словахъ звучали мертвящая холодность и равнодушный покой.

Вѣдь можно бы было отыскать милліоны людей, и каждому изъ нихъ она могла бы сказать то же: «сидите, если вамъ хочется». Я теряюсь и блѣднѣю въ этомъ потокѣ людей. А этого я и не хочу... Я хочу, чтобы она выдѣлила меня, какъ единственнаго!..

Когда я уходилъ, она крѣпко пожала мнѣ руку и сказала:

— Можетъ быть, напишете, какъ тамъ устроитесь?

— Напишу.

— А вернетесь—заходите!

— Зайду...

Я точно случайно обронилъ эти слова въ маленькой прихожей съ коптящей лампочкой. Я посмотрѣлъ на жалкую жестяную лампочку, горящую скупо. Я посмотрѣлъ и на узенькое желтое пламя, и на душѣ стало холодно и больно. Когда я уйду, хозяйка дунетъ на это пламя, и лампочка потухнетъ... И Галина Николавна своимъ прощальнымъ, равнодушнымъ взглядомъ точно

потушила меня, и я затерялся въ сумракѣ жизни, въ милліонѣ тѣхъ людей, до которыхъ Галинѣ Николавнѣ нѣтъ никакого дѣла...

Моя жизнь—тусклая жалкая лампочка!..

IX.

Я долго бродилъ по улицамъ въ эти поздніе часы ночи и смѣялся надъ собою сквозь слезы.

— Моя жизнь—жалкая странная лампочка! Эти слова выражаютъ все мое содержаніе. Кто-то засвѣтилъ во мнѣ блѣдный желтенькій огонекъ. Огонекъ долго свѣтилъ и озарялъ маленькую прихожую... Кто-то пришелъ, равнодушно дунулъ и огонекъ потухъ.

Развѣ же это не странно? Развѣ же я не жалкій человѣкъ? И что же удивляться тому, что Галина Николавна смотритъ на меня, какъ на жалкаго человѣка?

Въ дѣтствѣ люди въ насмѣшку называли меня «Орленкомъ». Пошлые, лживые люди! Для чего имъ понадобился мой позоръ?

На углу Морской и Гороховой какая-то женщина, одна изъ многихъ и милыхъ созданій, задѣла меня локтемъ и, когда я обернулся, сказала:

— Мужчина, дайте мнѣ папиросочку!..

Стою около нея и смотрю ей въ глаза. И она тоже жалкій человѣчекъ. И жизнь ея, какъ жалкая тусклая лампочка. Какой-то злой человѣкъ засвѣтилъ эту лампочку и она тускло горитъ, но вотъ, придетъ нѣкій человѣкъ и дунетъ на лампочку и померкнетъ эта лампочка.

У меня были папиросы, но я не далъ ей.

— Нѣтъ у меня,—сказалъ я.

— Купите! Вонъ на углу разносчикъ,—сказала она и кокетливо улыбнулась.—А то, пойдемте ко мнѣ, у меня есть папиросы, коньякъ... Душка мужчина, проводите меня!..

Повисла она на мою руку и задорно глядѣла на меня своими темными углевыми глазами.

Много страсти въ «углевыхъ» глазахъ. Загоралась и во мнѣ страсть при видѣ этой женщины, но я поборолъ себя.

— Нѣтъ у меня папиросы, чего же вы прицѣпились?

— Мужчина, проводите меня до дому!.. Миленькій мужчина... А?..

Я отстранилъ ея руку и въ эту минуту мнѣ хотѣлось ее унизить, растоптать, оттолкнуть. Пусть она почувствуетъ всю горечь отчужденія и униженія! Пусть почувствуетъ, только тогда она пойметъ—какъ ужасна жизнь. И пусть пойметъ! Это хорошо, когда поймешь ужасъ жизни и или кончишь самоубійствомъ, или пойдешь озлобленнымъ и на жизнь и на всѣхъ людей.

Хорошо быть озлобленнымъ на всю жизнь и на всѣхъ людей. Только тогда и побѣдишь!..

— Какой вы жадный!..—упрекнула она меня и только послѣ этого замѣчанія я замѣтилъ, что мы съ нею идемъ по панели, рука объ руку, идемъ, какъ два сходныхъ человѣка.

Она не угадывала этого сходства, потому что, если бы она знала, что и я такой же жалкій, какъ и она,—она не приставала бы ко мнѣ... Жалкіе люди не любятъ жалкихъ!

— Проклятые мужчинишки! Никто меня сегодня не беретъ!..

Это сказала она, отставши отъ меня шага на три.

Вотъ она пріостановилась, пристально поглядѣла на меня и что-то пробормотала. А я шелъ впередъ и оглядывался и все чего-то ждалъ... Я ждалъ, не попроситъ ли она у меня еще папиросочку, не унизится ли она? Если бы она унизилась, я вернулся бы къ ней, я повезъ бы ее въ ресторанъ, напоилъ и накормилъ бы ее.

Какъ хорошо это—поить и кормить жалкаго и не-

счастнаго человѣка. Если бы я это сдѣлалъ, я пересталъ бы считать себя жалкимъ. Пусть я—жалкій, съ вашей точки зрѣнія, моя милая Галина Николавна, а вотъ есть человѣкъ, въ обществѣ котораго и я могу ощущать себя не жалкимъ...

О! какъ бы я унизилъ эту самую Галину Николавну, если бы она хоть на секунду показалась мнѣ жалкой! Я отомстилъ бы ей за всѣ тѣ униженія, какими она оскорбляетъ меня за то, что я люблю ее.

Можетъ быть, природа присматривается къ поведенію каждаго изъ насъ. Галина унижаетъ меня и вотъ природа высылаетъ на мой путь человѣка, котораго я могъ бы унизить. Жалкая и несчастная уличная проститутка, какое примѣненіе сдѣлала изъ тебя природа, а ты еще любишь эту природу. Если бы ты не любила, ты перестала бы ее ощущать, то-есть, пошла бы да и бросилась съ Дворцоваго моста въ Неву... Пойди, жалкій, несчастный человѣкъ на Дворцовый мостъ и бросься въ Неву! Вотъ онъ, этотъ длинный деревянный мостъ. Какой-то многоногой каракатицей протянулся онъ съ одного берега на другой, поблескиваетъ въ темнотѣ ночи фонарями и лежитъ мрачнымъ и чернымъ чудищемъ.

Пойди же несчастная женщина, упади за перила и умри... Не принимай проклятой природы, которая изъ тебя сдѣлала такое унизительное примѣненіе.

Долго стоялъ у перилъ и смотрѣлъ на темныя волны. И думалъ о тѣхъ, кто уходитъ изъ жизни черезъ эти перила. Подойдетъ человѣкъ къ периламъ вотъ такъ же, какъ я сейчасъ. Подойдетъ съ такимъ же адомъ въ душѣ, какъ и во мнѣ. Подойдетъ... Кто вѣритъ въ Бога, тотъ перекрестится и бултыхъ въ воду, кто не вѣритъ въ Бога, а вѣритъ въ дьявола и его хулу, тотъ въ послѣдній разъ пошлетъ людямъ и міру проклятія и уйдетъ изъ жизни.

Если это возможно, винить некого.

А вотъ если останешься въ жизни съ адомъ въ душѣ, то это—доблесть! Это достойно прославленія!

Я неспособенъ на самоубійство. Я не могу уйти изъ міра зла, не отмстивъ этому злу. И не уйду, пока не отмщу...

Я шелъ по пустынной университетской набережной, а темное небо густѣло надо мною.

Закутанное въ темныя тучи, темное небо представлялось мнѣ темнымъ ликомъ природы...

Гляжу я въ этотъ темный ликъ и спрашиваю: ну, что жъ, поборемся?..

Кто-то окрикнулъ меня.

— Женичка, какого ты дьявола тутъ ходишь?

Передо мной стоялъ товарищъ по академіи «Ваничка». Такъ всѣ звали Ивана Семеныча Козлова.

— Пойдемъ пиво дуть въ «Золотой якорь»,—говорилъ онъ заплетающимся языкомъ, крѣпко сжималъ мнѣ руку и увлекалъ меня за собою.

Ваничка—сынъ деревни. Какимъ-то деревенскимъ символомъ живетъ онъ среди насъ. Отъ него, что называется, пахнетъ деревней. Говоритъ онъ просто, съ «провинціализмами», водку пьетъ, какъ любой гаваньскій рабочій. Волосы зачесываетъ по-мужицки.

Я люблю Ваничку: онъ—цѣльный человѣкъ. Въ его жанровыхъ картинахъ всегда живая деревня. Онъ не любитъ веселенькихъ сюжетовъ, не рисуетъ деревенскихъ идиллій съ красивыми барашками. Пейзажи его—мрачны или печальны, жанры—деревенскія драмы. Можетъ быть, это вредная односторонность, но я знаю—онъ вливаетъ въ свои произведенія всю любовь свою къ деревнѣ. Вотъ за это-то я его и люблю.

Онъ хорошо кончаетъ академію. Ему прочатъ заграничную поѣздку. Но картины его не имѣютъ успѣха на выставкахъ, хотя работы его всегда признаются луч-

шими. Современное общество не любитъ деревни. Ваничка это чувствуетъ, и это переворачиваетъ его душу. Онъ пьетъ, много пьетъ! И я боюсь за его будущее. Я считаю его счастливѣйшимъ человѣкомъ, потому что онъ нашелъ себя. У него есть богъ его творчества, его деревня. А у меня ничего нѣтъ... Я бросаюсь отъ сюжета къ сюжету, мѣняю манеру письма, чего-то ищу въ себѣ и въ жизни и не нахожу... Когда-то увлекался небомъ и водой. Небо поразило меня своимъ разнообразіемъ, своими могучими красками, подвижными облаками, яркими звѣздами и тихими и печальными зорями... Слишкомъ малъ человѣкъ, чтобы побѣдить эту стихію силами своего творчества.

И море измѣнчиво, какъ небо. Оно—зеркало неба! Его бури заглушаютъ мой слухъ, его гладь такъ ласково манитъ душу. Пейзажъ меня не удовлетворяетъ. А, можетъ быть, я испугался его многообразія.

Жанръ... Но какой же я жанристъ? Если не знаю человѣка, да и не люблю его. Ваничка любитъ мужика, знаетъ его. Онъ покорилъ свою натуру, онъ подчинилъ ее паѳосу своего творчества. Онъ—художникъ, настоящій художникъ. А я? Я—плѣсень какая-то, мумія!.. Къ чорту всѣ эти мысли! Къ чорту всѣ исканія!

И я громко крикнулъ Ваничкѣ:

— Ты знаешь, я ѣду писать боговъ?

— Слыхалъ... Ха-ха-ха!—разсмѣялся онъ.— Писалъ и я года два назадъ...

— Чему же ты смѣешься?

— Надъ собой смѣюсь!.. Смѣшно у меня выходило!.. Всѣ боги вышли похожими на мужиковъ. Батюшка, настоятель церкви, находилъ, что это очень хорошо... «Потому, говоритъ, православные святые должны походить на русскихъ мужиковъ». Ну, а попечитель церкви, дворянчикъ тамъ одинъ, такъ тому мои боги не понравились.

Въ два часа ночи мы вышли изъ ресторана и распрощались...

Ночь, темная ночь, какъ вчера!.. Пустынныя улицы!.. Хорошо, когда на улицѣ мало людей. Идешь и думаешь о нихъ, и они кажутся ясными... Иду и думаю объ Адамѣ Викентьевичѣ. Никогда не зналъ я его, а вотъ угадалъ его душевную боль, угадалъ и воплотилъ... Пусть-ка Сидоренко похвалится своей побѣдой. Воплотилъ ли онъ дѣвичьи грезы?

X.

Мнѣ казалось, поѣздъ движется необыкновенно медленно, и въ купэ, гдѣ мы помѣстились съ Адамомъ Викентьевичемъ, было тѣсно и душно. Я въ первый разъ въ жизни ѣхалъ въ такой тѣсной клѣтушкѣ и съ удовольствіемъ предпочелъ бы общій вагонъ.

Люблю я общество людей на улицахъ, въ театрѣ, въ вагонахъ. Въ скопищѣ мнѣ легче оставаться одинокимъ, легче наблюдать человѣка.

Но спутникъ еще на вокзалѣ, отдавая какое-то приказаніе носильщику, обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Я всегда въ купэ ѣзжу. Не могу, знаете ли, выносить этой сумятицы, этой общественности.

И онъ повелъ рукою въ сторону пассажировъ, переполнявшихъ залъ.

Когда мы помѣстились, наконецъ, въ купэ и плотно притворили дверцу, онъ разложилъ на диванчикѣ пледъ, заложилъ за спину подушку, вытянулся, провелъ по лицу рукою, какъ бы сгоняя съ него выраженіе, навѣянное картинами столичной жизни, и сказалъ:

— Ну, слава Богу!.. Ухъ! Отдохну!..

— Васъ утомилъ Петербургъ?

— Да, не могу я выносить этой сумятицы... отвыкъ...

Мы помолчали. Адамъ Викентьевичъ повернулъ лицо къ окну, и покойный взоръ его глазъ слѣдилъ за окрестностями, пробѣгавшими мимо оконъ вагона. Моросилъ мелкій осенній дождь. Лѣски, деревеньки, поля, чахлыя березки и сосенки на болотахъ оставались позади насъ, казались завѣшенными плотной кисеей дождя, отчего и безъ того скудная ихъ окраска казалась еще болѣе унылой.

— А я вотъ сижу и думаю, какъ вы отнесетесь къ моему... ну, міросозерцанію, что ли,—заговорилъ послѣ нѣкотораго молчанія Адамъ Викентьевичъ.

Я посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Видите ли, я хотѣлъ бы въ церковной живописи того же, что мнѣ пришлось испытать при созерцаніи вашей картины... Видите ли, въ чемъ дѣло. Выстроилъ я церковь, а спросите, что меня къ этому побудило? Сразу-то я и не отвѣчу... Долго разсказывать...

Старикъ на минуту остановился и пристально посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Я религіозенъ! Да, я вѣрующій!

— Мнѣ все равно, въ кого вы вѣруете,—сказалъ я.—И «како вѣруеши», для меня тоже безразлично.

— Ага, такая вѣротерпимость мнѣ нравится! Такъ вотъ, видите ли... Моя задача была: выстроить храмъ. Если бы я могъ, я самъ выстроилъ бы весь храмъ. Я хочу, чтобы храмъ производилъ на меня извѣстное, понятное мнѣ впечатлѣніе, чтобы онъ отвѣчалъ моимъ настроеніямъ. Я не пожалѣлъ денегъ, пригласилъ лучшихъ архитекторовъ и художниковъ. И, вотъ, выстроили они храмъ, а онъ не отвѣчаетъ моимъ требованіямъ. Я боюсь, что вы не поймете меня... Можетъ быть, сочтете за умалишеннаго.. Но, понять меня нетрудно, если проникнуться моимъ міросозерцаніемъ... настроеніемъ моимъ... Дѣло вотъ въ чемъ. Изъ кирпичей, извести и красокъ не сдѣлаешь Бога, но необходимо все это сочетать такъ,

чтобы отъ сооруженнаго получилось такое же впечатлѣніе, какое вотъ я вынесъ отъ созерцанія вашей картины. Нужно отъ храма общее впечатлѣніе Бога...

— Я боюсь... но мнѣ кажется, я не оправдаю вашихъ ожиданій. Мнѣ кажется, я не сумѣю воплотить Бога такимъ, какимъ вы Его хотите себѣ представить.

— Вы? Вы можете. Вѣдь, подумайте сами, для меня вашъ этотъ солдатикъ—откровеніе! Если я понялъ скудость его бытія, стало быть, я понялъ его. Я никогда не задумывался надъ участью солдатъ, а вы заставили меня задуматься и надъ этимъ. Создайте вы такое изображеніе Бога, чтобы каждый не задумывающійся о Богѣ позналъ Его.

Станевичъ долго еще говорилъ на эту тему. Многія мѣста его рѣчи такъ и мелькнули мимо меня, не усвоенныя мною, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ казалось, что я понимаю его. Есть люди, духъ которыхъ хочетъ символовъ. Чѣмъ туманнѣе символъ, тѣмъ больше надо духовнаго напряженія, чтобы осмыслить или угадать настроеніемъ его духовную и тайную сущность... Тѣмъ больше работы напряженію души... Можетъ быть, я и ошибаюсь...

XI.

Помню холодныя, осеннія сумерки. Мы подъѣзжали къ усадьбѣ Станевича. Грязная колеистая дорога не позволяла ѣхать быстро. Усталыя лошади еле-еле втаскивали на уклонъ тяжелый тарантасъ. Сумрачный вечеръ грустно настраивалъ душу. Вспоминалось прошлое и уходило неуловимымъ призракомъ. Изъ тьмы ночи глядѣло на меня тайное будущее, и казался я самъ себѣ жалкимъ и маленькимъ. Что сдѣлаю я, чтобы вернуть прошлое, то прошлое, когда меня называли «Орленкомъ?» Что сдѣлаю я, чтобы предотвратить приходъ бу-

дущаго, а я знаю, я чувствую, какимъ будетъ это будущее. Всѣ впечатлѣнія отъ бесѣды съ Адамомъ Викентьевичемъ въ купэ,—какой-то томящей скукой отложились въ моей душѣ. Чѣмъ-то жуткимъ вѣяло отъ старика съ его исканіями Бога. Чудакъ, всю жизнь до сѣдыхъ волосъ искалъ того, чего нѣтъ, строилъ храмы тому, кого нѣтъ. Зачѣмъ такъ грубо посмѣялась надъ нимъ природа? И изъ него она, какъ и изъ той же жалкой проститутки, что повстрѣчалась мнѣ на улицѣ, и изъ него она сдѣлала недостойное примѣненіе.

Та, жалкая, уличная, ищетъ мужчину. Этотъ, благоговѣйно настроенный старичокъ, ищетъ Бога. И я прохожу въ жизни гдѣ-то тутъ же, около нихъ, и тоже ищу что-то, что по своему называю моимъ счастьемъ.

И мнѣ хотѣлось остановить лошадей, выйти изъ экипажа и уйти въ тьму ночи, чтобы никогда не возвратиться къ человѣку, съ его безплодными исканіями. И отъ самого себя мнѣ хотѣлось уйти. Уйти отъ моихъ исканій.

Такъ обужены мои исканія. Развѣ достойно личности искать расположенія Галины Николавны, а вся моя жизнь свелась къ этому. Съ тоской вспоминаю минувшіе годы. Какимъ-то стороннимъ свидѣтелемъ былъ я, наблюдая, какъ люди волновались, торжествовали, пѣли гимны свободѣ. Дѣлали люди революцію и чувствовали себя большими и сильными, а я, какъ тѣнь, блуждалъ по улицамъ Петербурга и носился съ своими гнилыми думами о Галинѣ Николавнѣ. А что такое Галина Николавна? Женщина, какихъ много. И только.

Долго жилъ русскій народъ мечтой о борьбѣ и побѣдѣ и вступилъ въ эту борьбу свою, вѣковую, нужную борьбу, а я побѣждалъ только одну Галину Николавну, капризную женщину, какихъ много.

Это было какое-то кощунство личности! Проклятіе

природы! Богомъ народа моего была революція и это былъ кровавый Богъ. Моимъ Богомъ была Галина Николавна, женщина, какихъ много. Природа накажетъ меня за такое недостойное идолопоклонство.

— Адамъ Викентьичъ, вы женаты?—спросилъ я старика, который задремалъ, пока лошади поднимались въ гору.

— А?.. Что вы?.. Виноватъ, я задремалъ...

— Вы женаты?

— Какже... У меня жена—хорошій человѣкъ, понимаетъ меня и мы такъ дружно живемъ съ ней, несмотря на разницу лѣтъ...

— Она моложе васъ?—спросилъ я, и почувствовалъ неловкость вопроса.

Онъ помолчалъ.

И ѣхали мы молча въ темнотѣ ночи... И ѣхали мы— два жалкихъ искателя. Адамъ Викентьичъ уже нашелъ женщину и теперь ищетъ Бога и строитъ храмы. Я не нашелъ женщины, и ищу расположенія Галины Николавны. Найду ее и пойду за Адамомъ Викентьичемъ и буду искать Бога.

Я разсмѣялся надъ собой, а Адамъ Викентьичъ покосился въ мою сторону, но промолчалъ.

— Вы что же это разсмѣялись?—наконецъ, спросилъ онъ меня.—Вы думаете, что разница въ лѣтахъ мужа и жены что-нибудь особенное, смѣшное?..

— Я надъ собой посмѣялся,—отвѣтилъ я.—Вы вотъ нашли женщину и успокоились, а я все ищу...

— Что же, дѣло молодое... Искать женщину пріятно... Я вдовый былъ... Жену-то схоронилъ, а потомъ и заскучалъ по семейномъ очагѣ. А тутъ вотъ повстрѣчался съ достойной особой и мы повѣнчались.

И онъ разсказалъ мнѣ всю исторію своего вторичнаго брака. Говорилъ больше о женѣ, а о себѣ упо-

миналъ, какъ о какомъ-то приложеніи къ «милой Сонечкѣ».

Это жена его—«милая Сонечка»... Воображаю, какъ онъ ласкается къ милой Сонечкѣ и тычется сѣдымъ усомъ въ ея розовыя щечки, когда они цѣлуются. Воображаю эту Сонечку. Ужели ей не противно отвѣчать на его поцѣлуи?

Впрочемъ, можетъ быть, она тоже стара... Тогда не все ли равно, кто цѣлуетъ, какъ цѣлуетъ...

По какому грязному руслу направляются мои мысли. Что бы я далъ міру, если бы онъ избавилъ меня отъ мысли о женщинѣ...

И я сказалъ, осуждая себя:

— Адамъ Викентьичъ, что вы дѣлали въ годы революціи?

Мой вопросъ, повидимому, засталъ моего спутника врасплохъ, заставивъ его съ недоумѣніемъ поглядѣть на меня.

— Не напоминайте мнѣ объ этомъ проклятомъ времени!—махнулъ онъ рукою.—Сидѣли въ усадьбѣ да и ждали, когда придутъ поджигатели... Около насъ пять усадебъ сгорѣло и дивенъ Богъ, почему моя усадьба уцѣлѣла...

— Вы боялись революціи, а я проходилъ мимо нея,—сказалъ я.

— И прекрасно сдѣлали,—подтвердилъ онъ.—Прекрасно!.. прекрасно!..

— Я любилъ женщину и ради нея забылъ о революціи,—сказалъ я.

Онъ посмотрѣлъ на меня изъ тьмы ночи загадочными глазами и спросилъ:

— Вы такъ сильно, глубоко любите женщину?

— Да.

— Это хорошо, молодой человѣкъ, хорошо!..

Въ сумракѣ ночи, на темномъ фонѣ неба вырисова-

лась колокольня церкви. Тонкая, стройная, она казалась далеко вытянувшейся къ небу. Церковь была построена на высокомъ холмѣ, обнесена низкой оградой, а у ея подножія темнѣли чахлыя деревья, съ зеленью, позолоченной осенью. Я смотрѣлъ на странный силуэтъ высокой колокольни и ждалъ, когда зазвонятъ колокола... Мнѣ показалось, что въ такую темную ночь обязательно должны звонить колокола и славить таинственнаго Бога.

Но колокольня стояла безмолвной. Шумѣла листва придорожныхъ деревьевъ. Хлюпали ноги лошадей по грязной дорогѣ и сердитый вѣтеръ срывалъ съ березъ пожелтѣвшую листву. И падали листья на грязную дорогу, и слышались въ сумракѣ ночи таинственные голоса.

Адамъ Викентьевичъ перекрестился.

— Вы знаете,—сказалъ онъ,—вѣдь я былъ раньше католикомъ, а потомъ перешелъ въ православіе.

Я не зналъ, что надо сказать, и молчалъ.

— Мнѣ кажется, что вотъ въ православіи-то я и нашелъ истиннаго Бога... Понимаете?.. Католицизмъ не удовлетворилъ моей души: въ немъ власть папы. Между мною и Богомъ стоялъ человѣкъ, котораго зовутъ «непогрѣшимымъ».

— Но и въ православіи между вами и Богомъ стоитъ священникъ,—замѣтилъ я своему спутнику.

— Ахъ, это совсѣмъ не то!..

— Нѣтъ, то же самое,—упрямо твердилъ я.—И вы никогда не найдете Бога.

— Я нашелъ его...

— Нѣтъ... Не найду и я его... Между нами, мужчинами, и міромъ стоитъ женщина...

— Ну, вы эту философію оставьте. Я лучше васъ знаю себя...

И въ голосѣ старика послышались нотки неудовольствія. Я замолчалъ, думая о Галинѣ Николавнѣ...

Что она дѣлала въ эту тоскливую минуту ночи? Можетъ быть, спала и видѣла сны. Можетъ быть, съ Рылѣевымъ въ театрѣ, а, можетъ быть, онъ сидитъ у нея и такъ близокъ къ ней?

Если бы мнѣ удалось вытравить изъ своихъ представленій ея образъ, я способенъ бы былъ увѣровать въ Бога Станевича. Я воздвигъ бы ему такую же большую колокольню. Я самъ въ ненастныя ночи сталъ бы звонить въ колоколъ и призывать всѣхъ, кто покорилъ чары женщины...

XII.

Я давно не былъ въ провинціи, и меня опахнуло чѣмъ-то забытымъ. Но къ этому забытому какъ-то не лежитъ душа. Не хочется подойти къ нему ближе...

Въ этомъ виноваты мои настроенія, думы...

Изъ Петербурга я увезъ скорбь души, я оставилъ въ сѣверной столицѣ мою радость, мою мечту. Кажется, нѣтъ ни одной свободной минуты, когда бы я не думалъ о Галинѣ. Отравленъ я ѣдкимъ ядомъ: въ головѣ пустота безъ думъ о ней, въ душѣ тьма безъ ея свѣтлаго образа. Она какъ призма, черезъ которую я смотрю на жизнь.

Какъ-то въ пути Адамъ Викентьичъ сказалъ:

— Смотрю я на ваше лицо и думаю: молодое оно, свѣжее, а какое-то тлѣніе жизни на немъ... Можетъ быть, у художниковъ всегда такъ бываетъ: живутъ они образами и идеями... Это не то, что мы, люди жизни и ея мелочей. Въ понедѣльникъ у насъ отраженіе на лицѣ понедѣльничное, а въ субботу—субботное... И такъ скучно жить!

Помолчавъ, посмотрѣлъ на меня пристально и добавилъ:

— Это хорошо! Художники всегда живутъ исканіями.

Знакомя меня со своей женой, онъ сказалъ:

— Сонечка, развесели ты нашего гостя... Ты, вѣдь, у меня мастерица!

Красивая брюнетка, съ пышнымъ бюстомъ, улыбнулась лукаво и съ кокетствомъ осмотрѣла меня съ ногъ до головы, какъ бы рѣшая вопросъ, стоитъ ли и вообще заняться мной?

Но весь вечеръ была очень внимательна ко мнѣ.

Когда мужъ вышелъ въ людскую, чтобы поговорить съ управляющимъ о хозяйствѣ, она предложила пройти въ залъ и спросила:

— Вы любите музыку?

— Да...

И она сѣла за рояль. Играла хорошо, съ душой и пьесы выбирала все меланхоличныя. Это такъ не шло къ ея лукавымъ, темнымъ глазамъ, съ той особенной искоркой, которую умѣютъ цѣнить только мужчины, тоскующіе по женскимъ ласкамъ.

Я сидѣлъ въ углу, подъ вѣтвями красиваго филодендрона и смотрѣлъ въ сторону рояли. Двѣ ярко горящія свѣчи, красивый профиль, бѣлыя, нѣжныя руки, яркія, особенныя искорки въ глазахъ. Она обаятельна! Но, сравнивая ее съ Галиной, я думалъ: Галина лучше! И я не зналъ, какое содержаніе влить въ это слово. Галина ведетъ меня за собой, какъ далекая яркая звѣзда. Я знаю, мы попутчики, но я никогда не догоню моей спутницы.

Софья Владимировна неспособна увлечь. Это я почувствовалъ сразу. Можно подойти къ ней и остаться около нея, а потомъ отойти—и только.

Она помѣшала моимъ мыслямъ. Встала, вздохнула и подошла ко мнѣ. Усѣлась невдалекѣ отъ меня въ кресло и, пристально посмотрѣвъ мнѣ въ глаза, кокетливо сказала:

— Вотъ такъ иной разъ цѣлый вечеръ проиграешь. У насъ здѣсь глухой уголокъ: знакомыхъ мало, да и тѣ неинтересны...

— Я не люблю провинціи,—сказалъ я.

Она разсмѣялась.

— А я люблю жареные каштаны и супъ съ вермишелью!

Задорно и весело расхохотавшись, она добавила:

— Былъ у насъ такой судебный слѣдователь. Бывало, скажешь ему: «Я люблю вальсы Штрауса». А онъ отвѣтитъ: «А я люблю жареные каштаны и супъ съ вермишелью». И находилъ это остроумнымъ! Что бы вы ни похвалили, онъ непремѣнно скажетъ: «А я люблю жареные каштаны и супъ съ вермишелью».

Она оперлась локтемъ на ручку кресла, положила свое красивое лицо на кисть руки и сказала:

— А вѣдь и вправду у васъ мрачное лицо. Можетъ быть, вы устали съ дороги? Можетъ быть, вамъ отдохнуть?

— А, можетъ быть, ваша меланхолическая музыка на меня такъ подѣйствовала?—сказалъ я.

— Такъ что же вы не сказали? Я могу!..

Она, какъ молоденькая дѣвушка, быстро перебѣжала къ рояли и громко и весело заиграла «Казачка».

Бурные, веселые, громкіе звуки подхватили меня, увлекли—и недавнихъ настроеній какъ не бывало.

Она закрыла рояль и громко разсмѣялась.

— Вотъ видите, что мы еще можемъ! Я люблю «Казачка»: много въ немъ веселья и темперамента. А, вѣдь, это хорошо, когда что-нибудь схватитъ въ могучія лапы да и встряхнетъ.

Она посмотрѣла на меня тѣмъ особеннымъ взглядомъ, какимъ смотрятъ женщины, истомленныя ожиданіемъ бурныхъ ласкъ.

Что-то всколыхнулось во мнѣ: кровь застучала въ вискахъ, и вдругъ захотѣлось бурнаго, свѣжаго чувства.

На прощанье я сказалъ ей:

— Какъ жаль, что я пріѣхалъ писать боговъ.

— Почему жаль?—лукаво спросила она.

— Мнѣ надо настроиться на религіозный ладъ.

— Ха-ха-ха!—разсмѣялась она.—Жаль мнѣ васъ, жаль!

И опять посмотрѣла на меня взглядомъ томительнаго ожиданія. А я подумалъ: «И тебя мнѣ тоже жаль!»

XIII.

Не буду разсказывать, какъ все это случилось... Мы сошлись... Налетѣлъ на насъ какой-то бурный вихрь, подхватилъ, овладѣлъ и унесъ. Не было желанія спросить себя: для чего это? Печальнаго вопроса, что изъ этого выйдетъ, также не возникало ни у меня, ни у нея. Напротивъ, она всегда такъ страстно шептала:

— Какъ хорошо такъ: зажмурить глаза и летѣть!

— А если ушибетесь?

— Пусть! Хорошо летѣть!

Она никогда не приходила въ церковь и не интересовалась моими работами. Какъ-то разъ только спросила:

— Вы пишете портреты?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.

— Жаль... Но какъ же... вѣдь, вы же пишете иконы?

— Пишу.

— Странно! Я хотѣла, чтобы вы написали съ меня портретъ... на память...

— Васъ я мало знаю,—уклонился я.

— Ну, а святыхъ вы знаете?

Помнится, я круто оборвалъ нашу бесѣду, обнялъ Софью Владимировну, и мы долго цѣловались.

И она забыла о портретѣ.

Живописью моей Адамъ Викентьичъ весьма доволенъ.

— Прекрасно! Прекрасно! Этого я и хотѣлъ,—бормоталъ онъ какъ-то, когда они вмѣстѣ съ настоятелемъ церкви, о. Митрофаномъ, разсматривали мою работу.

— Да, реставрація изрядная! — восторгался о. Митрофанъ, сѣденькій старичокъ, въ нарядной рясѣ.— Почти заново все вышло!

— Да это что—заново! Главное то, что въ живопись вложена идея. Вы посмотрите, батюшка, какіе апостолы грустные, а Христосъ...

— Да, настоящая «Тайная Вечеря».

— Евгеній Александровичъ вложилъ въ свою работу идею скорби. Понимаете, скорби... вотъ, что важно! А? Посмотрите въ глаза Христа: сколько въ нихъ выраженія міровой скорби! Вѣдь, это все, что осталось отъ Христа неискаженнымъ. Христосъ католичества — суровый, непреклонный, Христосъ въ толкованіи православной вѣры—скорбящій за міръ. Это прекрасно подчеркнуто вами, Евгеній Александровичъ, — обратился онъ ко мнѣ.

Признаться, я мало думалъ о своей работѣ. Писалъ почему-то съ увлеченіемъ. Можетъ быть, впрочемъ, потому, что, изъ всѣхъ новозавѣтныхъ эпизодовъ, подробности, связанныя съ событіями на Голгоѳѣ, всегда меня увлекали. Еще въ юности я проникся Голгоѳой, и Христа рисовалъ въ своихъ представленіяхъ только скорбнымъ, мученикомъ духа. Можетъ быть, безсознательно я передалъ въ своей работѣ мою проникновенность въ крестныя страданія, и картина моя вышла понятной Адаму Викентьичу, этому скорбному искателю Бога.

Страданія, мученичество, обманутыя надежды, раз-

очарованія,—всѣмъ этимъ я всегда проникаюсь съ болѣзненной внимательностью.

Вѣдь, я одинокъ, а муки сближаютъ. Людей, носящихъ мученичество какъ духовныя цѣпи, много; стало быть, я все-таки не одинъ, насъ много...

Я знаю, почему это такъ. Слишкомъ много горя вынесъ я за свою короткую жизнь.

Родныхъ у меня нѣтъ, нѣтъ и друзей, есть только пріятели. Никто и никогда не узнаетъ сокровеннаго мой души. Въ себѣ ношу я эту сокровенную боль души и чувствую, что мнѣ тяжело носить это безотрадное. Я вынашиваю въ себѣ эту боль души и стараюсь воплотить ее въ своихъ картинахъ... Быть можетъ, художнику и слѣдуетъ жить именно такъ. У меня есть небольшой набросокъ, или «нашлепокъ», какъ говорятъ художники. Мнѣ вздумалось воплотить глаза мученицы. Въ представленіи моемъ рисуется и вся картина. Я часто возвращаюсь къ ней и мысленно вынашиваю подробности, краски, линіи, и никто не видѣлъ этого наброска. Онъ со мною и теперь, я всегда таскаю его съ собою. Странно только, что дѣвушка, зарисованная мною, похожа на Галину. Галина Николавна для роли мученицы не годится, она слишкомъ жизненна, въ ней нѣтъ ни самоотреченія, ни склонности къ экстазу мученичества.

Впрочемъ, не слѣдуетъ думать о Галинѣ Николавнѣ: я только минувшей ночью ласкалъ Софью Владимировну...

Мнѣ, собственно, слѣдовало бы поддержать разговоръ объ идеѣ міровой скорби. И о. Митрофанъ, хотя и по своему, но весьма любопытно говорилъ на эту тему. Я и самъ часто думаю о міровой скорби. Но думы мои въ этомъ направленіи такъ интимны, что мнѣ не хочется выносить ихъ на показъ при каждомъ подходящемъ случаѣ. Вѣдь я—художникъ, и, если

эта идея занимаетъ меня, слѣдуетъ воплотить ее въ краскахъ.

Ищите ее въ моихъ работахъ.

XIV.

Какъ часто во мнѣ мѣшаются «грѣховныя» мысли съ тѣмъ, о чемъ я только что писалъ.

Когда я лгу передъ самимъ собою и передъ вами? Тогда ли, когда пишу «Тайную Вечерю» и въ глаза Христа и апостоловъ вливаю идею міровой скорби, или тогда, когда нѣжничаю съ Софьей Владимировной и упиваюсь обаяніемъ ея «грѣховнаго», но красиваго тѣла.

Когда я лгу передъ вами, люди? Когда я лгу передъ самимъ собою? Я не знаю. Я думаю, и не слѣдуетъ задаваться такими вопросами: все равно не разрѣшишь. Лжемъ мы поминутно, лучше не трогать этого больного вопроса человѣческой души.

На-дняхъ былъ за обѣдней въ храмѣ Адама Викентьича... Какъ-то странно звучатъ эти слова: «храмъ Адама Викентьича...» Какъ будто, онъ воздвигъ свой храмъ. Можетъ быть, когда-то Адамъ Викентьичъ считалъ своимъ храмомъ и Софью Владимировну? Если бы онъ зналъ все, что мы отъ него скрываемъ, что сталось бы съ нимъ?

Однако, какой я нечистый. Мнѣ хочется смѣяться и надъ нимъ, а имѣю ли я на это право? Вѣдь я скрываюсь отъ его вниманія, я ворую его счастье, какъ воръ, прячусь отъ него и боюсь момента, когда онъ подойдетъ ко мнѣ и скажетъ: «Я знаю, вы живете съ моей женой».

Какъ мнѣ жаль всѣхъ тѣхъ, кто исподтишка цѣлуется съ чужими женами. Какіе это смѣшные и жалкіе люди.

Впрочемъ, вернусь къ вопросу объ обѣднѣ.

Захотѣлось мнѣ посмотрѣть на свою работу при свѣтѣ лампадъ и свѣчъ, и я пошелъ въ церковь. «Тайная Вечеря» мнѣ нравится. Тона вышли нѣжные, немного сильно замалеванъ заднiй планъ, но это ничего: по контрасту фигуры вышли отчетливѣй. Христосъ великолѣпенъ: въ его глазахъ скорбь души, мiровая скорбь...

Послѣ обѣдни о. Митрофанъ говорилъ проповѣдь на тему о грѣховности плоти. Нечего сказать—удобный выбралъ моментъ, когда я въ числѣ слушателей.

Въ какой-то близъ лежащей деревнѣ, мужикъ изъ ревности убилъ свою жену. О. Митрофанъ въ основу своей проповѣди положилъ этотъ фактъ и долго проклиналъ человѣка за грѣхи плоти. Но эта проповѣдь не произвела надлежащаго впечатлѣнiя. Слова священника показались мнѣ плоскими и неубѣдительными. Не нашелъ я глубины даже въ тѣхъ текстахъ изъ поученiй святыхъ отцовъ, которыми уснащалъ о. Митрофанъ свое слово проповѣди. Мнѣ кажется, о грѣховности плоти не можетъ говорить человѣкъ, потому что онъ самъ—плоть. Можетъ ли критиковать свою физiологическую ограниченность улитка, если весь мiръ ея познанiя—только раковина, въ которую она заключена?

Идея мiровой скорби—факторъ духа. Она внѣ насъ, потому, что мы можемъ принять ее или отвергнуть. Плоти, хотя бы она была и грѣховна, мы не сумѣемъ отвергнуть. Слова о грѣховности плоти — только слова. Самъ же о. Митрофанъ говорилъ: «Могiй вмѣстити, да вмѣститъ».

Вечеромъ, когда мы остались съ Софьей Владимировной вдвоемъ, я сказалъ:

— Вотъ, вы не были въ церкви, а о. Митрофанъ проклиналъ грѣшниковъ.

— Мужъ разсказывалъ мнѣ,—усмѣхнувшись, сказала она и добавила:

— Я не боюсь грѣха. Грѣхъ—наслажденіе!

Мнѣ страшно понравилось это признаніе. Вотъ человѣкъ, признающій, что плоть его—это онъ самъ.

И мы опять, крадучись отъ Адама Викентьича, творили грѣхъ.

Утромъ, на другой день, она встала поздно. Мы встрѣтились за завтракомъ. Въ ожиданіи появленія Адама Викентьича, она, озираясь на дверь, сказала:

— Я всю ночь не спала.

— Почему?

Умышленно громко стуча блюдцами и ложками, она продолжала:

— Ты скоро уѣдешь. Чѣмъ я буду жить здѣсь одна?

Опустилась на стулъ, оперла рукой голову и задумалась.

Я смотрѣлъ въ ея печальные глаза. Въ нихъ была неподдѣльная тоска передъ лицомъ грядущаго.

И я унесъ съ собою ея выраженіе—выраженіе этой тоски, и думалъ:

«Скорбь облагородила ее. У нея даже лицо вдругъ стало одухотвореннымъ: черты щекъ, носа, разрѣзъ глазъ, лобъ—все это, какъ въ мастерской скульптора, изъ комка глины вдругъ превратилось въ идею, въ художественный образъ. А глаза вскрыли скорбь души».

И я сталъ уважать ее съ этого мгновенія.

XV.

По ночамъ я часто думаю о Галинѣ Николавнѣ. Часто бываетъ такъ: ухожу со свиданья съ Софьей Владимировной, все тѣло еще ощущаетъ пламень ея ласкъ, а придешь къ себѣ, полежишь въ постели, и опять думаешь о Галинѣ. Странно все это, и никакъ я не могу объяснить странной двойственности въ самомъ себѣ.

Сейчасъ я смотрѣлъ на карточку Галины Николавны. Эту карточку я вожу съ собою. Часто я подолгу смотрю на нее, а на меня смотрятъ большіе, добрые темно-сѣрые глаза. Прекрасное у Галины Николавны лицо: продолговатое, съ рѣзкимъ абрисомъ щекъ, съ небольшимъ прямымъ носикомъ, съ губами, плотно сжатыми... А глаза какіе у нея—задумчивые, глубокіе, а лобъ—большой, открытый, и шапка волнистыхъ темно-каштановыхъ волосъ набѣгаетъ на него сверху и непокорными прядями сползаетъ по сторонамъ головы.

Такой я увидѣлъ ее въ первый разъ.

Я познакомился съ нею при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ ея жизни, и это было всего года два назадъ.

Была такая же осень, съ вѣтрами, съ дождями, съ наводненіемъ. Я сидѣлъ у себя за вечернимъ чаемъ, какъ всегда, одинъ. Читалъ, но читалось плохо. Думалъ—и думалось какъ-то лѣниво. Пришелъ академическій товарищъ Рылѣевъ.

Онъ былъ немного взволнованъ, блѣденъ, и темные, всегда блестящіе, страстные глаза его выражали тупую усталость. Онъ быстро сбросилъ съ себя пальто, снялъ шляпу, смоченную дождемъ, и опустился на стулъ.

— Дай мнѣ чего-нибудь выпить,—началъ онъ и потомъ тихо добавилъ:—измучился я сегодня...

Я налилъ ему чаю и попросилъ разсказать, что его такъ измучило. У него, дѣйствительно, былъ видъ мученика.

— Непріятная исторія у меня! Елена Николаевна, моя квартирная хозяйка, умерла сегодня... скоропостижно... порокомъ сердца была больна она...

Посѣщая Рылѣева, я нѣсколько разъ видѣлъ сѣденькую старушку, тихо шаркающую мягкими туфлями и всегда тихо отвѣчавшую на мои вопросы.

— Но горе-то въ томъ, что дочь ея, Галина Николавна, терзаетъ мою душу!.. Ее убила эта неожидан-

ная смерть!.. Да и, дѣйствительно, вѣдь сегодня, послѣ обѣда, мы всѣ вмѣстѣ сидѣли въ ихъ зальцѣ, не думая, что близко то, что теперь выбило насъ изъ колеи. Сегодня съ Галиной Николавной собирались мы въ оперу. говорили объ артистахъ, спорили. Потомъ старушка сослалась на усталость, пошла легла... Крикъ мгновенный, слабый стонъ—и все кончено!

Рылѣевъ всталъ, прошелся по комнатѣ, и, снова занявъ свое мѣсто, продолжалъ:

— Я къ тебѣ, Евгеній, съ просьбой: помоги!.. Нельзя же бросить дѣвицу, а тутъ эти похороны... Терпѣть я не могу этихъ панихидъ и всего такого, что близко къ смерти...

Рылѣевъ посидѣлъ у меня не больше часу и, уходя, сказалъ, что пойдетъ домой, такъ какъ далъ слово осиротѣвшей дѣвушкѣ вернуться скоро.

Осиротѣвшей дѣвушки я совсѣмъ не зналъ, нигдѣ съ нею не встрѣчался, хотя отъ общихъ съ Рылѣевымъ знакомыхъ слышалъ, что дѣвушка эта—красавица. Слышалъ я также, что Рылѣевъ положительно рыцарь какой-то, эгоистически охраняющій дворецъ красавицы въ пятомъ этажѣ большого дома на Офицерской. Но друзья говорили правду: Рылѣевъ никого изъ насъ не знакомилъ со своей хорошенькой квартирной хозяйкой.

На другой день послѣ посѣщенія Рылѣева, я пошелъ къ нему на Офицерскую часовъ въ десять утра. Грустная обстановка квартиры сразу напоминала о покойникѣ. Во всемъ чувствовался запахъ смерти.

Меня провели въ комнату Рылѣева.

— А-а! Прекрасно сдѣлалъ!—встрѣтилъ онъ меня.— Пойдемъ, я познакомлю тебя съ молодой хозяйкой.

Мы вошли въ маленькую комнатку съ темно-сѣрыми обоями, съ ветхой мебелью вдоль стѣнъ, съ опущенными кисейными занавѣсями на окнахъ, отъ чего въ комнатѣ стоялъ полумракъ. Обычно были завѣшены простынями

зеркала, въ углу у иконы теплилась лампада. Дверь въ сосѣднюю комнату была притворена. Тихое чтеніе слышалось оттуда. Тамъ лежала покойница... Тамъ была смерть, ворвавшаяся въ эту квартиру и измѣнившая сразу всѣ привычки. Даже мебель была безпорядочно сдвинута. На плотно закрытомъ піанино, рядомъ съ большимъ портретомъ Чайковскаго, лежалъ дамскій жакетъ и шапочка...

Навстрѣчу намъ изъ-за большого круглаго стола съ самоваромъ и чайной посудой поднялась дама лѣтъ 50-ти, съ пучкомъ сѣдыхъ волосъ на головѣ. Рылѣевъ представилъ меня ей, и она попросила присѣсть. Это была родная сестра покойной. Не успѣли мы выпить и по стакану, какъ въ комнату вошла дѣвушка, стройная, въ простенькомъ темномъ платьѣ, съ бѣлымъ пуховымъ платкомъ на плечахъ.

Я пожалъ тонкіе, похолодѣвшіе пальцы вошедшей, и въ первый разъ посмотрѣлъ ей въ лицо. Оно было блѣдно, съ тусклыми глазами.

Дѣвушка усѣлась у стола, подперевъ рукой голову, и все время молчала. Говорили только ея тетка и Рылѣевъ, обсуждая планъ предстоящихъ похоронъ. Когда разговоръ этотъ былъ достаточно исчерпанъ, на меня были возложены нѣкоторыя порученія, и я ушелъ.

Странно, при первомъ свиданіи Галина Николавна не произвела на меня никакого впечатлѣнія, точно я совсѣмъ ея не видѣлъ.

XVI.

Съ Галиной Николавной ближе я познакомился на другой день похоронъ. Видѣлъ я ея муки, когда служились панихиды, и ее приходилось успокаивать и утѣшать. Всматривался я въ ея лицо и глаза, слышалъ ея тяжелые вздохи, и вотъ я обратилъ на нее вниманіе, и она запечатлѣлась въ моей памяти. Съ этого и на-

чалось, съ этого и началась моя любовь. Галина Николавна была одна въ той комнатѣ, гдѣ я увидѣлъ ее второй разъ. Она сидѣла у стола въ глубокомъ мягкомъ креслѣ съ листкомъ почтовой бумаги только-что распечатаннаго письма. Свѣтъ лампы, прикрытый густымъ малиновымъ абажуромъ, озарялъ ея лицо, шею, руки. Она взглянула на меня и встала.

— Я помѣшалъ вамъ?—спросилъ я, глядя на письмо въ ея рукахъ.

— Нѣтъ. Я очень рада! Тетя ушла къ себѣ и вернется не скоро, Аркадія Иваныча тоже дома нѣтъ,—проговорила она, приглашая меня сѣсть и сама опустилась въ кресло.

— Несчастный братъ, онъ не предчувствуетъ ничего!.. Телеграмма напугаетъ его.

Она разсказала мнѣ о братѣ, который служитъ гдѣ-то на югѣ въ кавалерійскомъ полку. Постоянная дума о смерти матери, очевидно, тяготила ее, и, удачно попавъ на тему о братѣ, она говорила почти безпрерывно, очень подробно остановилась на прошломъ своей семьи. Отецъ ея служилъ капитаномъ въ артиллеріи и умеръ, когда Галинѣ Николавнѣ было семь лѣтъ, а брату ея—десять. И все время дѣвушка говорила только о своемъ дѣтствѣ и юности, и я замѣтилъ, какъ, по мѣрѣ увлеченія воспоминаніями, она становилась веселѣе и веселѣе, а грустное раздумье въ глазахъ смѣнилось выраженіемъ покоя.

Наконецъ, она смолкла, подавила тяжелый нервный вздохъ и тихо проговорила:

— А теперь? Какъ далеко все это! Коля выросъ, уѣхалъ, а мама...

Она уставилась неподвижными, широко раскрытыми глазами на пламя лампы, густо заливавшее ея лицо своимъ яркимъ свѣтомъ.

Она была красива въ это мгновеніе!

— Вы давно знакомы съ Аркадіемъ Иванычемъ?— вдругъ спросила она меня, останавливая на мнѣ взглядъ.

Я кратко разсказалъ ей подробности встрѣчи съ Рылѣевымъ, разсказалъ ей и о своихъ отношеніяхъ къ нему, а, когда смолкъ, она снова меня спросила:

— Вы дружны съ нимъ?

— Да, и, вѣроятно, наши отношенія были бы еще лучше, если бы онъ былъ искреннѣй,—сорвалось у меня признаніе, и я тотчасъ же пожалѣлъ объ этомъ. Галина Николавна какъ-то особенно, вопросительно взглянула на меня и почти воскликнула:

— Какъ—искреннѣй?

— Видите ли, онъ немного замкнутъ, — поправился я, но было уже поздно—на лицо дѣвушки набѣжала легкая тучка.

— Онъ такой хорошій! Онъ такъ искренно отнесся къ моему горю, что... я... не знаю, почему вы находите его неискреннимъ?

— Можетъ быть, мы разно понимаемъ выраженіе искренности, можетъ быть, мы съ вами разно отзываемся на искренность... Я, вообще, не могу похвастаться своимъ оптимизмомъ по отношенію къ людямъ,—продолжалъ я.

Она снова глянула на меня вопросительно и спросила:

— Ужели это правда? Люди не научили васъ вѣрить имъ?

— А васъ научили?—спросилъ я.

Она промолчала.

Возвратился Рылѣевъ. Онъ молча поздоровался со мною, закурилъ папиросу и пристально и пытливо посмотрѣлъ въ лицо Галины Николавны.

— Братъ прислалъ письмо,—сказала она какимъ-то робкимъ голосомъ.

Рылѣевъ промолчалъ. Очевидно, онъ былъ чѣмъ-то

недоволенъ. Мнѣ онъ также почему-то неохотно отвѣчалъ на вопросы, и, когда я, простившись съ Галиной Николавной, прошелъ въ прихожую, онъ лѣниво, какъ бы про себя проронилъ:

— Какъ я усталъ! Какъ все это мнѣ надоѣло!

Я испугался, вѣдь, Галина Николавна могла услышать его признаніе. Черезъ дверь я посмотрѣлъ въ сторону дѣвушки.

Она съ тревогой и обидой въ глазахъ смотрѣла на него и молчала, но я видѣлъ, какъ вздрагивали ея губы.

— Я такъ хочу спать, что, право, не знаю, что говорю...—продолжалъ онъ съ видимымъ желаніемъ исправить неловкость своего восклицанія.

Я распрощался съ ними и ушелъ, и долго не могъ объяснить себѣ поведенія Рылѣева.

XVII.

Однако, меня тянетъ къ моимъ запискамъ, хотя я вчера долго засидѣлся за ними. Хорошо писать: словно другу, повѣряешь бумагѣ свои сокровенныя переживанія. Впрочемъ, это сравненіе банально!..

Я только-что перечелъ все, что написалъ вчера, и мнѣ хочется и сегодня вспоминать о Галинѣ Николавнѣ.

Дня черезъ три послѣ того, какъ я ушелъ отъ Рылѣева въ недоумѣніи отъ его поведенія, я снова зашелъ къ нему.

Отъ прислуги я узналъ, что ни жильца, ни молодой хозяйки дома не было.

— Ушедши они вмѣстѣ послѣ обѣда,—проговорила баба и затворила дверь.

Я вышелъ на улицу и замѣтилъ впереди себя идущихъ мнѣ навстрѣчу Галину Николавну и Рылѣева. Дѣвушку я узналъ только вблизи, потому что съ полей

ея шляпы свѣшивалась густая темная вуаль, скрывавшая лицо.

— Ты отъ меня?—спросилъ Рылѣевъ.

— Да,—отвѣчалъ я, пожимая руку Галинѣ Николавнѣ.

Она привѣтливо улыбнулась мнѣ и весело проговорила:

— Прекрасно! Вернемтесь назадъ! У насъ, вѣроятно, и самоваръ на столѣ. А мы гуляли. Чудный сегодня день! Были на Невѣ, въ Александровскомъ саду... Хорошо тамъ... листья блекнуть, а деревья...

Галина Николавна не закончила фразы, и, подобравъ юбки, быстро, почти бѣгомъ, начала подниматься по лѣстницѣ.

— Я люблю осень,—говорила она, когда мы втроемъ сидѣли за чайнымъ столомъ:—я люблю ее, умирающую въ тихой грусти, чтобы уступить мѣсто холодной и суровой зимѣ... У меня всегда что-то ноетъ въ душѣ осенью...

— Я не люблю осени петербургской,—вставилъ Рылѣевъ.—Дышать нечѣмъ, а глаза видятъ только сѣрое, туманное небо да публику съ флюсами... Я не знаю, что хорошаго находите вы въ этомъ саду: чугунныя рѣшетки, дорожки, похожія одна на другую, а деревья-то... точно эскизы, набросанные разными учениками съ одной и той же натуры.

Рылѣевъ говорилъ какимъ-то размѣреннымъ темпомъ, съ серьезнымъ выраженіемъ въ глазахъ, и я замѣчалъ, что всегда его слушали внимательно. Кстати, у него удивительно пріятный, мягкій баритонъ.

— А кто же часъ тому назадъ восхищался цвѣтомъ кленовой листвы?—вставила Галина Николавна, загадочно взглянувъ въ сторону Рылѣева.

— Я!.. Но, что жъ? Это исключеніе,—отвѣтилъ онъ.

— Представьте себѣ,—начала она, обращаясь ко

мнѣ,—не зная васъ, я, такъ сказать, знала васъ... Аркадій Ивановичъ сегодня сказалъ мнѣ, что «Туманный день»—картина, бывшая на прошлогодней выставкѣ,—ваша. Она мнѣ очень нравится!.. Какъ удивительно вѣрно взяли вы тонъ: широкое, ровное поле, эта дымка, разстилающаяся вдали, а тутъ дорога, пара крестьянскихъ лошаденокъ, плетушка сбоченившаяся и дѣвушка... Какъ хорошъ ея профиль! Такъ и кажется, что далеко смотритъ она въ туманную даль... И ѣдетъ она подъ пѣсни ямщика и сама не знаетъ, что готовитъ ей эта туманная даль...

— Галина Николавна большая поклонница учительницъ, фельдшерицъ, курсистокъ, — перебилъ дѣвушку Рылѣевъ.—Какъ и ты, Евгеній...

Онъ съ усмѣшкой посмотрѣлъ на меня и на нее и добавилъ, глядя уже на Галину Николавну:

— Увидѣлъ Евгеній въ провинціи гдѣ-то дѣву, рвущуюся въ деревню съ туманными цѣлями и стремленіями, и увѣковѣчилъ ее на полотнѣ.

Рылѣевъ засмѣялся нехорошимъ, дѣланнымъ смѣхомъ.

— Вы сегодня удивительно злобны!—замѣтила Галина Николавна.

— Мнѣ непонятно, почему ты такой сегодня,—сказалъ я, съ недоумѣніемъ разсматривая суровое и насмѣшливое лицо товарища.—Или у тебя опять разболѣлась душа?.. Помнишь, какъ напѣвалъ Ваничка: «Разболѣлась голова, разболѣлась душа?..»

— Теперь, братъ, у меня души нѣтъ,— перебилъ онъ меня.—Отдалъ я ее на подержаніе людишкамъ, да и жалѣю, потому—не стоятъ они такихъ жертвъ. А дашь имъ вмѣсто души что-нибудь фальшивое, они больше цѣнятъ и не зазнаются... Отдай душу, и они сдѣлаютъ изъ тебя тряпку или раба...

Я посмотрѣлъ въ лицо Галины Николавны и испу-

гался его выраженія: оно было блѣдно, а глаза, блестя, всматривались въ какую-то одну точку стола, брови были сдвинуты. Рукою она нервно сминала въ комокъ крошки хлѣба.

Послѣдовавшее за признаніемъ Рылѣева молчаніе только подтвердило мои догадки: между Рылѣевымъ и Галиной Николавной что-то произошло...

Рылѣевъ шумно отодвинулъ стулъ, выпрямился, сухо поблагодарилъ хозяйку за чай и, протянувъ мнѣ руку, сказалъ:

— Ты прости меня, Евгеній, мнѣ надо къ семи на Островъ!

— Такъ подожди, вмѣстѣ пойдемъ,—вставилъ было я.

— Я еще зайду въ одно мѣсто, а потомъ уже и на Островъ,—очевидно, солгавъ, отклонилъ онъ мое предложеніе.

Мы остались съ Галиной Николавной вдвоемъ, и я былъ затрудненъ въ выборѣ темы, чтобы не молчать послѣ непріятной сцены.

Должно быть, ей было очень трудно сдерживать свое волненіе. Она поднялась, прошлась по комнатѣ и вновь заняла прежнее мѣсто.

— Какъ вы думаете теперь устроиться?—наконецъ, спросилъ я.

Можетъ быть, этотъ вопросъ жизни больше всего и страшилъ ее, но она довольно охотно отвѣчала:

— Я къ тетѣ переѣду, здѣсь только мѣсяцъ доживу.

И весьма откровенно посвятила меня въ тайны своего бюджета, высказала предположеніе о продажѣ части обстановки, заговорила даже о поѣздкѣ на югъ къ брату, но потомъ какъ будто спохватилась, негромко и точно невзначай проронила:

— Впрочемъ!.. что это я... развѣ это возможно!..

Лицо ея снова омрачилось, глаза потухли, и она смолкла.

Мнѣ не удалось побывать еще разъ у Галины Николавны на Офицерской и посѣтилъ я ее только уже послѣ того, какъ она переселилась къ теткѣ на Гороховую. Новый адресъ ея я узналъ отъ Рылѣева.

— Она просила тебя зайти,—сказалъ онъ.—Въ четвергъ тетушка Галины празднуетъ ея новоселье...

«Галины»? Онъ называетъ ее Галиной?.. Что-то обидное показалось мнѣ въ этой фамильярности...

Рылѣевъ переселился куда-то на Островъ, адреса мнѣ не сообщилъ, точно избѣгая свиданія со мною. Въ академію онъ тоже заходилъ не часто, и мы видѣлись съ нимъ рѣдко.

Гостей на новосельѣ было немало, но я интересовался только Галиной Николавной.

Я старался держаться около нея, предупреждалъ ея желанія, старался говорить только о томъ, чѣмъ интересовалась она. А когда она отходила отъ меня, я думалъ о ней, слѣдилъ за нею глазами и задавался вопросомъ: что думаетъ она обо мнѣ?.. Мнѣ такъ хотѣлось, чтобы она думала обо мнѣ... И мнѣ хотѣлось, чтобы я былъ ближе къ ней, чѣмъ Рылѣевъ и всѣ ея родственники и знакомые. Казалось мнѣ—только я одинъ способенъ утѣшить ее въ ея сиротствѣ.

Она была почему-то задумчивѣе обыкновеннаго и почти весь вечеръ держалась около Рылѣева.

О чемъ-то серьезно говорили они, а когда молчали, на ихъ лицахъ было сосредоточенное, печальное выраженіе...

Какое интересное у Рылѣева лицо, когда онъ печаленъ!..

XVIII.

Прошло недѣли двѣ. Я не видѣлся ни съ Рылѣевымъ ни съ Галиной Николавной. Какъ-то вечеромъ, часовъ въ восемь, нашу всегда мирную квартиру переполошилъ энергичный звонокъ.

Я слышалъ, какъ торопливо мимо моей комнаты пробѣжала кухарка. Услышалъ мою фамилію, произнесенную кѣмъ-то у входной двери.

Минуту спустя ко мнѣ постучались.

На порогѣ моей комнаты появилась Галина Николавна.

— Не ожидали отъ меня такой прыти?—спросила она, крѣпко пожала мнѣ руку и принялась снимать шляпу.

— Я не спрашиваю, можно ли у васъ посидѣть, а прямо-таки сниму шляпу и сяду...

Она сѣла на стулъ, весело глянула на меня и сказала:

— Смутила я васъ?.. Идя къ вамъ, я готовила фразу за фразой, которой можно было бы васъ упрекнуть, наказать... Что же, забыли вы бѣдную сиротинку?..

Я сталъ извиняться. Придумывалъ одну отговорку глупѣе другой.

— Ну, хорошо ужъ!.. Я прощаю вамъ, если вы угостите меня чаемъ.

Я бросился къ хозяйкѣ съ просьбой о самоварѣ, а самъ, предварительно извинившись, побѣжалъ въ булочную.

Неожиданное появленіе у меня гостьи, ея веселье, непринужденность отношеній и какая-то подкупающая простота положительно взвинтили меня.

Мы пили чай, мы говорили... Галина Николавна, какъ хозяйка, угощала меня чаемъ и печеньями. И все время она говорила, смѣялась, шутила. О чемъ только мы не говорили, чего только не высмѣяли, какихъ только плановъ не настроили на предстоящую зиму! Я чувствовалъ, какъ мы все ближе и ближе знакомимся, сходимся, раскрываемъ другъ друга. Я положительно терялъ голову отъ счастья, такъ неожиданно захватившаго меня.

Часу въ одиннадцатомъ Галина Николавна стала собираться домой. Я пошелъ ее провожать. Я предложилъ

ей руку, и она охотно шла со мною рядомъ, немного склонивъ ко мнѣ голову и слегка касаясь меня плечомъ.

На Николаевскомъ мосту мы остановились около самой рѣшетки.

Рѣка покойно плескалась. Яркія полосы отраженныхъ фонарей зыбились на тихой поверхности темныхъ водъ. Было тихо, безлюдно и какъ-то сдержанно... Точно притаилось все, чтобы не тревожить моего счастья.

Хмурилось небо темными тучами, но мнѣ не было жутко! Вслушивался я въ тихій и мелодичный голосъ моей спутницы, и мнѣ было сладко...

— Тихая ночь, тихая дума... Кажется мнѣ, что душа моя отражаетъ теперь чье-то чужое счастье...—сказалъ я.

— Почему... чужое?—и она заглянула мнѣ въ глаза.

Я промолчалъ.

— Вы еще никому не отдали своей души?—спросила она и разсмѣялась.

Что-то острое кольнуло мнѣ сердце: я вспомнилъ Рылѣева.

— Вотъ Аркадій Иванычъ отдалъ кому-то свою душу и закабалилъ себя,—продолжала она, и я не могъ понять ея тона: смѣялась она или говорила серьезно.

И я молчалъ.

— Вы, что же, не хотите мнѣ отвѣчать?.. Душа ваша при васъ?..

Переспросила она и засмѣялась неопредѣленнымъ смѣхомъ.

Мы дошли до дома, гдѣ жила Галина Николавна. Она первая остановилась у подъѣзда и негромко сказала:

— Конецъ!..

— Да, конецъ этому вечеру,—сорвалось у меня съ языка.

— Нѣтъ, конецъ пути,—сказала она.—Я продолжу этотъ вечеръ... Я буду вспоминать, какъ мы съ вами сидѣли, пили чай, болтали...

Она крѣпко пожала мнѣ руку, глядя въ лицо блестящими глазами. Я невольно задержалъ пальцы ея руки, и она не протестовала.

Мы разстались.

Счастливымъ, бодрымъ вернулся я домой, и вся комната моя напоминала мнѣ мою гостью. Словно она еще была тутъ, заполняя собою все, все и мою душу...

Я долго не могъ заснуть въ эту ночь!..

Какъ все это недавно было и какъ будто давно!.. Какъ будто я успѣлъ уже все забыть... Я лгу—забыть этого невозможно!..

Я полюбилъ, а полюбивъ, развѣ я могъ отказаться отъ страданій?.. Пусть будутъ они, эти страданія—муки сердца и никому незримый плачъ души...

Мы, мужчины, часто плачемъ внутренними незримыми слезами... А потомъ... потомъ мы мстимъ за эти слезы, мстимъ тому, кого любимъ... Зачѣмъ природа создала такой суровый законъ сердца?..

XIX.

На другой день послѣ этого знаменательнаго вечера, проснувшись, я думалъ о Галинѣ Николавнѣ. Я осматривалъ свою комнату, вспоминалъ, гдѣ она стояла, гдѣ сидѣла, что говорила...

Полнымъ какой-то дѣтской радости я шелъ въ мастерскую и работалъ въ этотъ день съ увлеченіемъ. Чѣмъ шире была моя радость, тѣмъ глубже я хотѣлъ опуститься на дно моего мрачнаго сюжета.

Я писалъ одну изъ мрачныхъ моихъ работъ: «Послѣднее Іуды Искаріота»... Именно—«послѣднее»... его послѣднія думы я хотѣлъ воспроизвести на полотнѣ и сказать самому себѣ, какъ онъ великъ въ своей самодовлѣющей скорби...

Онъ, мрачный богъ предательства, ушелъ въ горы, ушелъ отъ людей, и съ нимъ одна его послѣдняя мрачная дума. Великое преступленіе совершено, пройденъ путь, назначенный Провидѣніемъ... Осталась только узкая грань между смертью и жизнью. За этой гранью мракъ, пустота и забвеніе. А дѣло Іуды не забудется, оно ушло въ вѣчность, въ будущее, еще не родившееся. Стоитъ онъ, великій творецъ проклятія, покойно смотритъ на міръ въ послѣдній разъ и говоритъ людямъ надменнымъ взоромъ: «Я ухожу, но она, моя великая дерзость, останется для твоего будущаго, суровый міръ, для будущаго, которое еще не родилось».

Въ какомъ-то кошмарѣ пишу я эту картину, и настоящее міра представляется мнѣ маленькимъ и ничтожнымъ.

Вечеромъ гулялъ по набережной, прошелъ на Гороховую, слонялся мимо дома, гдѣ живетъ Галина Николавна. Къ ней не зашелъ. Брелъ по темной набережной къ Николаевскому мосту и вмѣстѣ со мною шелъ мой Іуда, мой мрачный сынъ моихъ мрачныхъ думъ и проклятій...

На мосту вѣтеръ хотѣлъ сорвать съ меня шляпу, хотѣлось весело расхохотаться навстрѣчу дерзкому шутнику темной ночи. Какъ красива дерзость! Сколько въ ней стихійной силы, и ни одна мораль не уложитъ ее въ свои узкія рамки.

А Нева была спокойна. Небо хмуро. По темной водѣ двигались свѣтовыя отраженія. И было мрачно у меня на душѣ и радостно... Кто сочетаетъ эти два начала?

Остановился у рѣшетки моста, смотрѣлъ внизъ. И было это, какъ тогда, когда мы вмѣстѣ съ Галиной Николавной стояли у рѣшетки. И было радостно у меня на душѣ, какъ тогда... Какъ тогда...

Наступили сѣрые безпокойные дни, часы, минуты...

Черезъ день я зашелъ на Гороховую. Ни Галины Ни-

колавны, ни ея тетушки дома не оказалось. То же повторилось и на другой день.

Оба дня я ходилъ съ тоской въ душѣ. Я хотѣлъ видѣть Галину Николавну. Я хотѣлъ слышать ея голосъ, видѣть ея глаза... Я любилъ ее. Ничто въ жизни не могло бы замѣнить моего желанія быть съ нею...

И опять я пошелъ на Гороховую.

Въ маленькой голубой столовой я засталъ тетку Галины Николавны. Она встрѣтила меня съ добродушной улыбкой и принялась угощать чаемъ.

— Давненько мы васъ не видѣли.

Я разсказалъ ей о моихъ неудачныхъ визитахъ, а она разсказала мнѣ о томъ, какъ они втроемъ—она, Галина Николавна и Рылѣевъ—ежедневно ѣздили въ Павловскъ. Рылѣевъ писалъ этюды парка въ осеннемъ уборѣ.

— Когда Аркадій Иванычъ кончалъ работу, мы отправлялись въ ресторанъ и сидѣли тамъ до поздняго вечера...

— Странно, я не думалъ, что Рылѣевъ увлечется осеннимъ пейзажомъ. Онъ такъ не любитъ осени.

— Галя его просила, и долго упрашивала,—отвѣчала старушка.—Скучаетъ она, бѣдная, что съ нею подѣлаешь. Никогда, кажется, не забудетъ матери... Дружны онѣ были. Вотъ и сегодня въ театръ я ихъ прогнала: пусть развлечется немного Галя... Она любитъ оперу...

Я распрощался и ушелъ. Домой итти не могъ. Я хотѣлъ видѣть ее сегодня, сейчасъ.

Я рѣшилъ пойти къ Маріинскому театру и дождаться, когда они выйдутъ послѣ спектакля. У меня даже созрѣлъ планъ лжи: я хотѣлъ сказать ей и Рылѣеву, что былъ въ театрѣ, но потомъ сообразилъ, что мои показанія разойдутся съ показаніями тетушки Галины Николавны,—и я отказался отъ этого безразсуднаго плана.

Бродя около театра и по ближайшимъ улицамъ въ ожиданіи конца спектакля, я думалъ о Рылѣевѣ. Я ревновалъ его. Чтобы признаться въ этомъ, у меня хватило силы воли. Я ненавидѣлъ его, и эта ненависть разрасталась, и я не хотѣлъ сдерживать ея горячей лавины.

Зачѣмъ онъ около Галины Николавны? Онъ, неискренній, холодный, суровый, разсудочный... Надо быть нѣжнымъ и любящимъ искренно, чтобы имѣть право быть около Галины Николавны.

Такъ мнѣ казалось.

Спектакль кончился. У подъѣздовъ замелькали люди. На площади въ разныхъ направленіяхъ двигались экипажи, шли пѣшеходы, группами и въ одиночку. Я стоялъ на углу улицы и, какъ сыщикъ, жадными глазами всматривался въ толпу. Фигуру Рылѣева я скоро бы узналъ, и горѣлъ отъ ожиданія неудачи, въ чемъ я почти уже не сомнѣвался, такъ какъ площадь опустѣла.

Но, вотъ, я увидѣлъ широкополую шляпу Рылѣева. Это онъ, большой и такой прямой. Около него шла Галина Николавна.

Они шли подъ руку, медленно перебираясь черезъ площадь къ углу улицы, гдѣ я стоялъ.

Злобное чувство волновало меня при видѣ идущихъ подъ руку. Какъ-то особенно близко къ Рылѣеву шла Галина Николавна, и я видѣлъ, какъ часто она вскидывала глаза на своего кавалера, прислушиваясь къ его голосу. А онъ что-то говорилъ. Я видѣлъ это.

И странныя мысли пришли ко мнѣ. Мнѣ казалось, что я знаю, что онъ говоритъ. Конечно, онъ говоритъ ей о своей любви, а она слушаетъ.

Я глубоко, зло ненавидѣлъ въ эту минуту Рылѣева и хотѣлъ быть рядомъ съ его дамой.

Сердце глубоко, остро чувствовало отчужденность и потерю всего, чѣмъ оно уже привыкло жить.

Слѣдуя за ними, я проводилъ ихъ до дома, гдѣ жила Галина Николавна.

Вотъ они остановились у подъѣзда и о чемъ-то говорятъ. Вотъ Рылѣевъ посмотрѣлъ на часы. Очевидно, она пригласила его къ себѣ. Онъ посмотрѣлъ на часы, убѣдился, что поздно и отклонилъ ея предложеніе...

Вотъ Рылѣевъ пожалъ ея руку и надолго оставилъ ее въ своей. Вотъ Галина Николавна отдалилась отъ него, еще разъ обернулась въ его сторону, уже на первой ступени подъѣзда, что-то сказала и скрылась.

Рылѣевъ пошелъ домой счастливымъ, а я долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, проклиная его и желая ему всяческихъ житейскихъ мерзостей.

А давно ли мы были друзьями?..

XX.

Я ревновалъ Галину Николавну къ Рылѣеву, я шпіонилъ за ними, я готовъ былъ выдумать что-нибудь скверное о моемъ соперникѣ, лишь бы только унизить его въ ея глазахъ. У меня не было иныхъ средствъ отбить у врага его самку... Я сознаюсь, я именно такъ думалъ тогда. И странно, мы такъ дружны были съ Рылѣевымъ и вотъ теперь враги. Стали врагами съ тѣхъ поръ, какъ я полюбилъ Галину Николавну...

Любовь породила вражду—стоитъ ли любить?..

Какъ все это гадко! Какъ скверно вспоминать о своемъ паденіи!.. Лучше ужъ безъ размышленія падать—не имѣть минуты для того, чтобы одуматься...

Я ревновалъ, а вотъ Адамъ Викентьевичъ не ревнуетъ же ко мнѣ!

Впрочемъ, онъ ничего не знаетъ... Мы скрываемъ отъ него нашу связь. Особенно озабочена этимъ Софья Владимировна. Съ большимъ искусствомъ выполняетъ она

свою роль. При мужѣ она холодна со мной, иногда даже небрежна, а когда мы вдвоемъ...

Какъ все это пошло!.. Я краду семейное счастье, какъ воръ, я тайно пользуюсь женой человѣка, который ко мнѣ такъ хорошо расположенъ. Я не смѣю сказать ему: я живу съ вашей женою...

«Семейное благополучіе — мѣщанство»... Таковъ лозунгъ нашего времени. Можетъ быть, это и правда. Но развѣ не правда и то, что скверно разрушать мѣщанство исподтишка? Если оно вредно и не въ соотвѣтствіи съ духомъ времени, такъ не лучше ли ополчиться противъ него открыто?

Въ сущности, какая странная моя связь съ Софьей Владимировной! Не буду вдаваться въ подробности того, какъ мы сошлись. Это было до того тривіально, что, право, даже стыдно вспоминать. Вѣроятно, многіе такъ сходятся. Даже въ этомъ мы ничего оригинальнаго придумать не могли.

Сошлись, наслаждаемся и обманываемъ мужа...

Часто во мнѣ вспыхиваетъ непоборимое желаніе— встать изъ-за стола, когда мы втроемъ обѣдаемъ или ужинаемъ, и признаться во всемъ Адаму Викентьевичу... Боже мой, что будетъ съ нимъ. Вѣдь, онъ такъ любитъ ее... А что будетъ съ нею?..

Но желаніе это быстро проходитъ. Я увѣренъ, что никогда не скажу ничего. Сказать ему правду, значитъ лишиться всѣхъ тѣхъ наслажденій, которыми я теперь живу. Развѣ это въ моихъ силахъ? Тѣло ея покорило меня, но только тѣло: душа ея для меня—потемки! Въ ней нѣтъ внутренняго содержанія, которое могло бы укрѣпить физическую связь. Я не могу долго любить такую женщину. Да и можетъ ли тутъ возникать вопросъ о любви?

Я часто смѣюсь надъ собою: поѣхалъ писать Боговъ, а пріобрѣлъ себѣ богиню... Можетъ быть, кто-нибудь и

проклянетъ меня за это кощунство, но что же мнѣ подѣлать, если это все же правда.

Отъ моей работы Адамъ Викентьевичъ въ восторгѣ.

— Вотъ именно этого я и хотѣлъ,—недавно сказалъ онъ мнѣ.—Ваша работа похожа на Васнецова...

— Почему же вы не пригласите Васнецова,—посмѣялся я.

— Ахъ, что вы!.. Гдѣ же я найду такія деньги!..

Бѣдный старикъ!..

Я часто жалѣю его. Можетъ быть, поэтому я и не уважаю его и краду его семейное счастье.

Что-то, однако, случилось со мною? Первые дни жизни въ усадьбѣ я рвался въ Петербургъ и не скрывалъ отъ себя, что хочу ѣхать только для того, чтобы увидѣть Галину Николавну.

А теперь она точно стушевалась въ моей памяти. Запечатлѣлъ я свои воспоминанія въ тетради и успокоился... Помнится, беллетристъ Буринъ говорилъ мнѣ, что, если у него и бывало горе, то только до того момента, пока онъ не воплотитъ его въ какомъ-либо изъ своихъ разсказовъ.

— Мое горе я вливаю въ душу моего героя,—говорилъ онъ,—ему я отдаю его, и душа моя очищена...

Но, вѣдь, то, что я вписалъ въ свою тетрадь,—не разсказъ, не выдумка... Это только моя правда!.. Въ этихъ запискахъ нѣтъ героя, кромѣ меня самого...

Съ тѣхъ поръ, какъ я люблю Галину безнадежно, я работаю рѣдко, но зато отъ моихъ работъ всѣ въ восторгѣ, потому что въ нихъ участвуетъ моя тоскующая душа.

Галина!.. Галина!.. Она приблизила меня къ искусству. Я всегда думаю о ней, когда работаю. Мнѣ кажется, что вотъ, когда я достигну всего, что мнѣ хочется, она подойдетъ ко мнѣ и скажетъ: «Теперь я твоя».

Можетъ быть, тогда я потеряю и ее, и мою тоску, и

мою способность работать. Какъ знать? Быть можетъ, природа умышленно причиняетъ художникамъ страданія.

Въ первые дни, до того, какъ сойтись съ Софьей Владимировной, меня обжигалъ ея взглядъ, ея голосъ притягивалъ меня. Я забывалъ обо всемъ, даже о Галинѣ. Я забывалъ объ иконахъ, которыя писалъ. А теперь?..

Мнѣ противно встрѣчаться съ нею. Противно говорить, слышать ея голосъ. Послѣ первыхъ дней бурной связи она точно выдохлась вся, и тѣло ея... тѣло ея мнѣ иногда ненавистно...

Впрочемъ, можетъ быть, все это и неправда?..

Сегодня въ пять часовъ утра Адамъ Викентьичъ ѣдетъ въ волостное правленіе, и я торжествую. Мы будемъ свободны съ Софьей Владимировной цѣлый день!.. Мы не будемъ прятаться! Мы будемъ свободны въ своемъ таинственномъ воровскомъ союзѣ!..

XXI.

Вчера получилъ отъ Галины Николавны открытку.

«Почему вы запропастились?—писала она.—У насъ много новостей. Ваничка совсѣмъ спился, недавно попалъ въ какую-то уличную исторію и ночевалъ въ участкѣ. Пріѣзжайте хоть на нѣсколько дней. Мнѣ хочется видѣть васъ. Галина Блавадская».

Открытку я получилъ изъ рукъ Софьи Владимировны. Очевидно, она прочла ее, потому что весь день ходитъ сумрачная, бранится съ мужемъ, а со мною холодна. Ужели она ревнуетъ меня?.. Вотъ глупая баба!..

Странно, открытка Блавадской не порадовала меня. Мнѣ было пріятно узнать, что она вспомнила обо мнѣ. Мнѣ было пріятно смотрѣть на эту открытку. Она была въ ея рукахъ, вотъ и ея почеркъ, часть ея самой. Вѣдь,

только она могла написать именно такъ. Въ этомъ почеркѣ она...

Но зачѣмъ она въ концѣ открытки приписала эти слова: «Мнѣ хочется видѣть васъ»?.. Слова эти написаны въ концѣ и ниже имени и фамиліи. Когда она писала, она не разсчитывала оставить мѣсто именно для этихъ словъ. Приписала ихъ потомъ. И почеркъ мельче и строчка искривлена... Это не ея слова... Кто-то другой приписалъ ихъ...

Зачѣмъ она солгала? Она не хочетъ меня видѣть...

Сижу у окна въ моей комнатѣ и смотрю въ садъ, а въ душѣ досада и боль.

Пушистые хлопья снѣга падали съ неба. Деревья сада стояли темныя, неподвижныя. Снѣгъ опушилъ ихъ вѣтви, придавъ всему саду какой-то сумрачный, траурный колоритъ. Ранняя заря заката умирала за сѣткою сучьевъ, точно уходила отъ насъ, грустная, молчаливая...

Проходя мимо столовой, видѣлъ Софью Владимировну. Сидѣла она у окна, смотрѣла на траурный садъ и сама была траурная. Заря заливала ее всю блѣдно-розовой грустной окраской, и лицо ея показалось мнѣ грустнымъ. У стола сидѣлъ Адамъ Викентьичъ и что-то разсказывалъ тягучимъ, скучнымъ голосомъ.

— Идите посумерничать съ нами, — сказалъ онъ мнѣ.

— Извиняюсь, иду писать письма!..

— А открыточку-то получили сегодня?—продолжалъ онъ.

— Получилъ.

Мнѣ показалось, что Софья Владимировна передернула плечами.

Когда стемнѣло, произошло объясненіе съ Софьей Владимировной.

Повиснувъ у меня на шеѣ, она цѣловала меня и шептала:

— Я чувствую — тебя скоро отнимутъ у меня. И опять я останусь одна.

Я принялся разувѣрять ее, а она еще больше цѣловала меня и шептала:

— Нѣтъ... Нѣтъ, не утѣшай. Я это знаю. Это будетъ. Вотъ кончишь работу и уѣдешь и забудешь...

Въ коридорѣ послышались шаги Адама Викентьича и она упорхнула къ себѣ въ спальню.

Вечеромъ мы съ Адамомъ Викентьичемъ усѣлись въ столовой у круглаго столика и начали партію въ шахматы.

Я смотрѣлъ на его лысую, сѣдую голову, всматривался въ выцвѣтшіе старческіе глаза, и мнѣ было жаль его.

Какъ все это пошло,—воровать чужое счастье и жалѣть!..

Если бы онъ хотя самъ догадался о моей связи съ его женою, если бы онъ ударилъ меня или выгналъ бы меня изъ своего дома, я пересталъ бы жалѣть его...

XXII.

На-дняхъ написалъ Галинѣ письмо и жду отвѣта. Я думаю, она отвѣтитъ мнѣ. Почему? Странная надежда! Что я ей, если около нея Рылѣевъ!

Иногда ухожу въ лѣсъ и долго одиноко брожу по незнакомымъ тропамъ и дорогамъ.

Лѣсъ голый, темный, но въ немъ просторно и свѣтло. Подъ ногами шуршатъ поблекшіе листья. Иногда ступишь на лужицу, на колею дороги или на чужой слѣдъ, и подъ ногами зазвенитъ тонкій ледокъ.

Рѣка замерзла. Ледъ гладкій, прозрачный и кажется голубоватымъ, отражая въ своей глади небо. Снѣга мало... Написалъ этюдъ. Вышло что-то мрачное, осеннее, но зато недурно вышла «гололедица».

Этюдъ подарилъ Софьѣ Владимировнѣ. Она очень довольна. Обѣщала заказать раму изъ золотого багета и хочетъ повѣсить этюдъ въ гостиной.

По ночамъ плохо сплю. Читаю Диккенса изъ «дѣвичьей» библіотеки хозяйки.

Софья Владимировна дѣлитъ свою жизнь на два періода: «дѣвичество» и то, что она называетъ «перемѣной фамиліи».

Дѣвичество вспоминаетъ съ какой-то захватывающей радостью и блескомъ въ глазахъ. О жизни съ мужемъ говорить избѣгаетъ.

Какъ-то недавно разсказала и объ эпизодѣ съ перемѣной фамиліи. Замужъ вышла она не любя Адама Викентьича. Она—жертва обстоятельствъ! Отецъ разорился, имѣніе отобралъ банкъ, и двѣ сестры ея и она вступили въ жизнь какъ «ходячая монета». Надо было поддержать двухъ братьевъ и сестру семилѣтку. И вотъ она вышла замужъ и дала возможность братьямъ и сестрѣ докончить образованіе.

Я молча прослушалъ печальную, простую повѣсть и пожалѣлъ мою любовницу. А какъ опасно жалѣть любовницъ! Жалость въ такихъ случаяхъ—тяжелое обязательство.

— О, если бы! Если бы вы заглянули мнѣ въ душу,—говорила она...—Иногда я хохочу, бѣшусь и дурачусь, а... вотъ тутъ, въ груди ноетъ... Радости жизни нѣтъ! И скорби, боли настоящей тоже нѣтъ! Ужъ лучше бы что-нибудь стряслось.

Она помолчала и добавила:

— Знаешь, я, кажется, сбѣгу отсюда. Хочу жить! Жить хочу! Понимаешь—жить хочу!..

Она опустилась на диванъ, закрыла платкомъ лицо. Потомъ встала и быстро вышла, не показавъ мнѣ своего лица.

Вечеромъ я долго бродилъ по берегу рѣки и съ какой-то тревогой всматривался въ сумракъ ночи.

Мерцалъ молодой мѣсяцъ, только что поднявшійся изъ-за лѣса. Свѣтились въ деревнѣ огоньки. Вырисовывался на фонѣ неба силуэтъ церковной колокольни. А направо, въ тѣни деревьевъ сада, темнѣла кровля дома Станевича.

И живетъ въ этомъ домѣ человѣкъ и кричитъ: «Я жить хочу!» и я безсиленъ помочь ему...

XXIII.

Это случилось наканунѣ моего отъѣзда.

Мнѣ страшно вспоминать, что случилось...

Дня за два передъ этимъ, мы вдвоемъ съ Софьей Владимировной гуляли въ паркѣ. Былъ яркій солнечный день. На дорожки ложились тонкія, косыя тѣни сосенъ и елей. И, помню, шелъ я рядомъ съ нею и смотрѣлъ на эти тѣни. Онѣ какъ будто преграждали намъ дорогу, а вступишь на темное изображеніе ствола—и ногѣ легко, ничто ее не задерживаетъ.

Помню я, шла она грустная, задумчивая и все твердила:

— Уѣдешь ты! Ты завтра уѣдешь! Моя радость, мой любимый! И останусь я одна...

Я нѣсколько разъ порывался сказать: «поѣдемъ»... И отгонялъ отъ себя это слово. Если бы я сказалъ: «поѣдемъ», она поѣхала бы со мною.

А она шла, смотрѣла въ поле и говорила:

— Уѣдешь ты, мой милый... Останусь я одна...

Мы сидѣли на скамьѣ въ далекомъ углу парка. Цикали синицы, порхая въ кустахъ, и тонко-печальнымъ плачемъ отзывалось въ ушахъ ихъ тонкое циканье. А она говорила:

— Я пріѣду въ Петербургъ... Ты не прогонишь меня?

— Пріѣзжай. Мы побродимъ по выставкамъ, побываемъ въ театрѣ...

Но вотъ она подняла голову и спросила:

— Скажи, а кто та, Галина Блавадская? Отъ которой ты получилъ открытку?

Что-то тревожное кольнуло мнѣ сердце.

— Это одна художница, академистка...

И я ничего больше не сказалъ, и она ничего не спросила.

Мы долго молчали...

Лежали на дорожкѣ молчаливыя тѣни сосенъ и елей. Цикали синицы въ кустахъ, и что-то печальное и вѣщее слышалось въ тонкихъ звенящихъ звукахъ ихъ непонятной рѣчи.

— Ты любишь ее?

Я молчалъ.

— Скажи мнѣ... ты любишь ее?

Молчаніе.

Она придвинулась ко мнѣ, положила на мои руки свои холодныя пальцы и прошептала:

— Скажи... любишь?

— Да,—отвѣтилъ я.

— Да-а?

И она ничего больше не сказала...

XXIV.

Вечеромъ къ Станевичамъ зашли на чашку чаю о. Митрофанъ съ женою Пелагеей Ивановной.

Пелагея Ивановна— дама полная, съ двойнымъ подбородкомъ. Когда смѣется она, ея высокая грудь колышется. Когда она молчитъ, ея лицо не въ мѣру серьезно.

Она считаетъ себя дамой образованной, такъ какъ окончила гимназію, и старается говорить книжно.

Софья Владимировна была весела, шутила надъ мужемъ и надъ Пелагеей Ивановной, разсказывала, какъ однажды Адамъ Викентьевичъ и матушка Пелагея Ивановна спасли отъ дождя куличи въ ночь на Пасху.

Куличи и пасхи были разставлены около церкви на столахъ. Пошелъ неожиданный крупный дождь. Всѣ засуетились. На обязанности Адама Викентьевича лежало спасти три кулича и двѣ пасхи. Пасхи онъ прикрылъ полами пальто, два кулича—шарфомъ, а на третій куличъ, не долго думая, одѣлъ свою большую съ наушниками шапку... А когда матушка Пелагея Ивановна, пожалѣвъ лысую голову Адама Викентьевича, набросила на него свой зимній платокъ,—хохотъ молящихся перешелъ въ какое-то неудержимое и неприличное ржанье.

— Ну, будетъ тебѣ, Соничка, вспоминать объ этой исторіи,—хмуря брови и напуская на лицо серьезность, выкрикнулъ Адамъ Викентьичъ.

Я понялъ, что ему не нравятся эти воспоминанія, а она какъ-то особенно задорно посмѣивалась, точно хотѣла его посердить.

Смѣялись батюшка и матушка. А она смѣялась какимъ-то страннымъ смѣхомъ и прятала лицо, утирая платкомъ глаза. Потомъ она долго сидѣла, немного опустивъ голову и вглядываясь въ узоръ скатерти.

Гости попрощались и ушли, а мы остались втроемъ, отгороженные другъ отъ друга тайной.

Адамъ Викентьичъ барабанилъ пальцами по столу. Я сидѣлъ и прислушивался къ шуму деревьевъ сада и представлялъ себѣ, какъ теперь, должно быть, холодно тамъ, за окнами, а у насъ за самоваромъ тепло и уютно... Страннымъ казался этотъ отдаленный стонъ голыхъ деревьевъ, точно и они дружнымъ хоромъ тянули: «Мы жить хотимъ... Мы жить хотимъ».

Она медленно встала. Я поднялъ глаза, и взгляды наши встрѣтились. Она какъ будто даже улыбнулась и пошла. У двери въ кабинетъ мужа она оглянулась, посмотрѣла на меня такъ, точно собиралась вернуться и разсказать еще какую-нибудь смѣшную исторію.

Мы сидѣли молча. За окнами шумѣли деревья. Тикали часы.

И вотъ раздался выстрѣлъ... другой...

Помню, она лежала на полу, около оттоманки... Въ рукѣ ея дымился револьверъ. Сочилась кровь изъ виска...

Трясущимися руками Адамъ Викентьичъ обнималъ ея трупъ и кричалъ:

— Помогите! Помогите! Разстегните лифъ!.. Она еще дышитъ!..

Я стоялъ надъ ними. Я видѣлъ выраженіе ея глазъ. Въ нихъ уже не было жизни. Въ нихъ не было тѣхъ жгучихъ искръ, которыя всегда зажигали мнѣ душу... Въ нихъ, расширенныхъ и тусклыхъ, отражался только свѣтъ лампы...

Три дня спустя мы ее хоронили.

Былъ ясный день. Небо чистое. Солнце веселое, свѣтлое... На кладбищенскихъ дорожкахъ лежала пелена снѣга, выпавшаго за ночь.

Помогая нести гробъ, я шелъ впереди всѣхъ... Впереди насъ шли пѣвчіе, священникъ съ дьячкомъ и еще какіе-то люди.

На пелену снѣга ложились грубые слѣды ногъ и пестрили ровный голубѣющій покровъ... Легкія тѣни березъ падали на дорогу, и, казалось, онѣ всѣмъ намъ преграждали путь къ ея могилѣ...

Изъ всѣхъ впечатлѣній этого печальнаго дня, изъ всѣхъ возгласовъ и молитвъ въ церкви и на могилѣ я не запомнилъ ни одного слова... Не помню я, плакалъ ли кто-нибудь...

Я все еще вслушивался въ ея крикъ: «Я жить хочу! Я жить хочу!»

И я опять не зналъ, что надо сдѣлать, когда человѣкъ кричитъ: «Я жить хочу».

XXV.

Сегодня хмурится небо. Въ комнатѣ сумрачно...

Утромъ заходили Сидоренко и Ваничка. Оба всю минувшую ночь кутили: Сидоренко—опаленный славой, Ваничка топилъ на днѣ бутылки свою деревенскую тоску.

Многіе товарищи зовутъ Сидоренко «прохвостомъ», потому что онъ никогда не кутитъ на «свои», всегда «пристраивается» къ кому-нибудь. Съ Ваничкой они дружны, потому что Ваничка много зарабатываетъ иллюстраціями и обложками книгъ.

Я зналъ, почему Сидоренко поспѣшилъ нанести мнѣ визитъ. Мое предположеніе оправдалось. Вошелъ ко мнѣ Сидоренко, крѣпко пожалъ руку, улыбнулся и сказалъ:

— А ты, братъ, говорятъ, уйму денегъ заработалъ?

— Много,—отвѣтилъ я.—А ты пришелъ навѣдаться, когда будутъ «вспрыски»?

— Разумѣется... Было бы безбожно не проявить товарищескихъ чувствъ!

Ваничка только улыбнулся.

Не могу я сердиться на Сидоренко. Какой-то онъ весь открытый.

Мы условились кутнуть сегодня, и они ушли.

Меня всегда тревожатъ наши кутежи. Есть въ нихъ что-то больное. Люди могли бы обойтись и безъ этого и не могутъ.

Дни проходятъ сѣрые и однообразные, а наступитъ вечеръ—и потянетъ уйти изъ своей мурьи въ крикливую и душную обстановку ресторана. Тамъ свѣтло, шумно,

слышится смѣхъ женщинъ, встрѣчаешь ихъ улыбки, взгляды... Въ однихъ ресторанахъ играютъ оркестры, въ другихъ машины... Мы и машины слушаемъ съ восторгомъ и умиленіемъ...

Сегодня я охотно кутну! Скверно и тускло на душѣ!..

Галина Николавна встрѣтила меня сухо. Сидѣлъ у нея часъ, а, можетъ быть, и больше, и, какъ дуракъ... или, нѣтъ... какъ вѣрная собака, смотрѣлъ въ ея большіе глаза...

Говорили о пустякахъ. Она, впрочемъ, больше молчала и разспрашивала меня о поѣздкѣ къ Адаму Викентьевичу. Я разсказалъ, что могъ, а о главномъ умолчалъ: я даже не упомянулъ имени Софьи Владимировны.

Я не могу вспоминать о ней. Я боюсь вспоминать о Софьѣ Владимировнѣ. Она навсегда вошла въ мою жизнь и оставила мнѣ свою тайну, и никто, кромѣ меня, никогда не узнаетъ этой тайны. Пришла нежданная и ушла, и я все еще слышу ея крикъ: «Я жить хочу!.. Я жить хочу!..»

— А я все кисну,—вдругъ сказала Галина Николавна.

Я молчалъ.

— Хочется мнѣ уйти куда-нибудь... уйти отъ людей!..—выкрикнула она.

Выкрикнула и смолкла и точно ждетъ отъ меня, что я скажу, что я посовѣтую... А я молчу... молчу...

Спросила меня:

— Отчего вы не писали?..

— Я написалъ вамъ три письма, а отъ васъ получилъ только одну открытку.

— Вы должны были писать больше!.. Какой же вы другъ?..

Она провела рукою по глазамъ и добавила:

— Впрочемъ, что я говорю!.. Не обращайте на меня вниманія... Садитесь и разскажите что-нибудь...

Я просидѣлъ у нея не болѣе десяти минутъ и ушелъ.

Вотъ всѣ подробности встрѣчи послѣ разлуки. Такъ друзья не встрѣчаются!

Я чувствовалъ, что у Галины Николавны было какое-то горе, можетъ быть, непріятность, но мнѣ не хотѣлось разгадывать, что съ нею. Такимъ отчужденіемъ пахнуло на меня отъ ея словъ.

Я ушелъ и съ облегченіемъ вздохнулъ.

Не буду описывать подробностей нашего кутежа. Пили много, переходя изъ ресторана въ ресторанъ, поили женщинъ, много болтали, много смѣялись.

Особенное вниманіе я удѣлялъ въ этотъ вечеръ женщинамъ. Почему это такъ?..

XXVI.

Сегодня утромъ получилъ отъ Галины Николавны открытку.

Пишетъ:

«Приходите, голубчикъ, пожалуйста, я больна. Кстати, не знаете ли, гдѣ Аркадій Иванычъ?.. Жду въ семь вечера»...

Меня разсмѣшила эта открытка и я бросилъ ее на окно.

«Кстати, не знаете ли, гдѣ Аркадій Иванычъ?» Какъ она осмѣлилась написать мнѣ такую циничную фразу?

Проклятыя женщины! Какъ я ненавижу васъ!..

Сегодня вечеръ приключеній.

Въ одиннадцатомъ часу познакомился въ конкѣ съ какой-то дамой.

Она рослая и полная, одѣта такъ себѣ, не модно, но прилично и даже съ золотымъ браслетомъ на жирной рукѣ и съ большими серьгами въ ушахъ.

Каждаго изъ мужчинъ она осматривала пристально... Глаза у нея большіе, черные и, кажется, подведенные. Когда я садился рядомъ съ нею, она спросила:

— Скажите, пожалуйста, этотъ трамвай на Смоленское?..

Я отвѣтилъ утвердительно.

Далѣе слѣдовалъ разговоръ о томъ, что въ эти часы трамваи переполнены. Она побранила думу, которая, по ея мнѣнію, не заботится объ удобствахъ публики. Бранила она и пассажировъ. Ей все казалось, что на ея ноги кто-то хочетъ наступить.

Меня это раздражало...

Когда публика размѣстилась, и на ноги ея уже никто не могъ покуситься, она спросила:

— Вы художникъ?

— Да.

— Не нужно ли кому-нибудь изъ вашихъ товарищей ателье? У меня въ квартирѣ свободно...

— Напечатайте объявленіе, вѣроятно, охотники найдутся...

— Да пока я не могу... У меня въ ателье вещи сложены. Видите ли, полгода назадъ у меня мужъ умеръ. Мы «врозь» жили съ нимъ, а какъ умеръ онъ, то вещи мнѣ и завѣщалъ. Я пока туда ихъ сложила...

Говорила объ ателье, о смерти мужа, о завѣщаніи, а сама все время играла глазами и кокетничала.

Она еще сохранилась, но въ ней было что-то противное. А, можетъ быть, мнѣ казалось такъ. Въ этотъ вечеръ я особенно золъ былъ на женщинъ. Ужъ одно то, что въ ателье сложены вещи, возмутительно! Художники мучаются въ тѣсныхъ мастерскихъ, а иногда и свои полутемныя комнаты обращаютъ въ мастерскія, а баба

какая-то складываетъ въ удобное помѣщеніе рухлядь, оставшуюся послѣ покойнаго мужа.

— Не хотите ли посмотрѣть мое ателье?—предложила она мнѣ.

— Сейчасъ?

— А что жъ? Только еще одиннадцатый часъ.

Какое-то странное любопытство заставило меня согласиться.

Она оказалась типичной петербургской хозяйкой. Сама ютится въ крошечной комнаткѣ, а три остальныя сдаетъ курсисткамъ. Говоритъ, что жильцовъ-мужчинъ не любитъ.

Кухарка у нея старая-престарая и противная съ виду. Открыла дверь и куда-то потонула во тьму угла въ кухнѣ.

Ателье прекрасное—въ два свѣта. Для жанриста—кладъ! Я съ сокрушеніемъ посмотрѣлъ на мастерскую, обращенную въ складъ мебели, и хотѣлъ уходить.

Удержала. Сначала пили чай, потомъ чай съ коньякомъ, а потомъ бенедиктинъ.

Ушелъ я отъ противной бабы въ четвертомъ часу ночи. На прощанье она мнѣ сказала, переходя на «ты»:

— Правда, подумай да и переѣзжай ко мнѣ! Вещи продамъ или въ складъ вывезу, и прекрасно устроишься!..

Далъ слово, что подумаю.

На прощанье поцѣловались. Противно вспоминать обо всемъ этомъ!..

Отчего такъ быстро сходишься съ самками, а женщины, которыхъ боготворишь недоступны?

Впрочемъ, все къ лучшему... Нельзя же все время барахтаться въ грязи.

XXVII.

Сегодня вечеръ я провелъ хорошо. Теперь на душѣ покойно, мысли свѣжія, свѣжія впечатлѣнія, разговоры... Новые собесѣдники... Я только удивляюсь, почему въ нихъ такъ много бодрости и свѣжести? Почему жизнь для нихъ—только комедія, достойная смѣха?.. Когда-то я прочелъ: «Жизнь—комедія для людей ума и трагедія для людей сердца». Если это правда, я—человѣкъ сердца, и жизнь моя—трагедія! А они—люди ума. Кто это «они»? Буринъ, Гуляевъ, Ростковъ... Они—холодные обозрѣватели жизни, въ нихъ много объективизма, нужнаго художникамъ. Сидоренко тоже персонажъ жизненной комедіи. О немъ можно только сказать, что онъ живетъ въ галстукѣ... Ваничка — драма, и кончитъ онъ дурно. Рылѣевъ?.. Рылѣевъ живетъ умомъ... Умъ его трезвъ.

Въ концѣ-концовъ, мы всѣ похожи другъ на друга: всѣ страдаемъ и каждый по-своему. Лѣтъ пять назадъ Гуляевъ переживалъ какую-то душевную драму, стрѣлялся, остался живъ... А посмотришь ему въ глаза— тоска въ нихъ и еще что-то, отчего порой жутко. Когда-то Гуляевъ былъ друженъ съ Рылѣевымъ, потомъ они разошлись и не подаютъ другъ другу руки.

Часовъ въ шесть вечера Гуляевъ и Ростковъ пришли ко мнѣ и внесли съ собою шумъ и веселье.

Первымъ вошелъ Ростковъ и сказалъ:

— Бѣдняжка, онъ все уединяется! Гуляевъ, ты помнишь этого урода?

— Еще бы не помнить. Ты думаешь, я цѣлую вѣчность не былъ въ Петербургѣ?..

Гуляевъ интересный человѣкъ и талантливый художникъ, хотя всѣ у насъ съ какимъ-то недоумѣніемъ разсматриваютъ его работы. Всѣ считаютъ его декадентомъ. Его работы всегда отличались отъ работъ многихъ ака-

демистовъ. Академики его не любили и едва дали ему возможность окончить. Онъ не подходитъ къ общему трафарету, а такихъ не любятъ наши профессора. Говорятъ, и на самоубійство онъ рѣшился только подъ вліяніемъ сквернаго отношенія къ нему со стороны профессоровъ. Забытая, неясная исторія!..

Гуляевъ угрюмъ, неразговорчивъ и диковатъ... Находитъ на него такая полоса, и цѣлыми недѣлями его нигдѣ не видно. Потомъ полоса проходитъ, и снова Гуляевъ—душа общества, охотно участвуетъ въ товарищескихъ попойкахъ, ухаживаетъ за женщинами...

Ростковъ всегда одинаково веселъ, всегда среди товарищей. Онъ—«народникъ». Въ его картинахъ мужики, учительницы, волостные писаря, и опять мужики, бабы, рабочіе... Считается онъ однимъ изъ талантливыхъ, и ему прочатъ окончаніе съ заграничной поѣздкой.

Ростковъ похожъ на Ваничку, хотя они и враги. Ваничка называетъ Росткова «врагомъ народа» и часто говоритъ:

— Ты—помѣщицкій сынъ, гдѣ же тебѣ понять деревню!

— А ты—вахлакъ,—отвѣчаетъ Ростковъ.

— Я вахлакъ, а потому и имѣю право считаться художникомъ изъ народа... Я о народѣ пишу, а ты изображаешь тоску разорившихся помѣщичьихъ усадебъ!

Ростковъ, дѣйствительно, любитъ писать и на тему разорившихся дворянскихъ гнѣздъ.

Когда Ваничка и Ростковъ встрѣчаются въ подвыпившей компаніи, мы всегда ждемъ скандала: такъ ненавидятъ они другъ друга.

— Голубчикъ, мы за тобою,—перебилъ Гуляева Ростковъ.

— Куда? Никуда я не пойду.

— Идемте, идемте! Сыграемъ на бильярдѣ, закусимъ,—уговаривалъ Гуляевъ.

Часовъ въ одиннадцать вечера передъ нами распахнулась дверь одного изъ ресторановъ на Васильевскомъ, гдѣ обыкновенно собираются художники, студенты...

Засѣли въ общей залѣ въ углу и начали пить... Слушали безобразную шумливую игру «оркестріона» и пили: водку, пиво, хересъ... ѣли всякую мерзость... и думали, что дѣлаемъ именно то, что надо дѣлать. Можетъ быть, Гуляевъ и Ростковъ и не думали такъ, но я думалъ.

Должно быть, я быстро опьянѣлъ, потому что то и дѣло слышался окрикъ Росткова:

— Женька, что ты молчишь? Женька, ты уснулъ?

Въ опьянѣніи я замыкаюсь, упорно молчу и въ этомъ моемъ молчаніи выражаю мою скорбь о самомъ себѣ. Такъ и кажется, стою я на краю пропасти, смотрю въ темную зіяющую стремнину, онѣмѣвъ передъ тайной моей омраченной души...

Помнится, въ началѣ вечера я складно отвѣчалъ на разспросы пріятелей. Разсказывалъ о поѣздкѣ къ Станевичу, но утаилъ о Софьѣ Владимировнѣ. Дошелъ до такого мѣста разсказа, когда надо было бы упомянуть и ея имя, и не сказалъ ничего... А потомъ захотѣлось напиться, и напился...

Заспорили объ искусствѣ. Гуляевъ съ восторгомъ говорилъ о финскомъ художникѣ Галленѣ, а Ростковъ бранилъ символистовъ.

Во мнѣ есть подлая черта характера: склонность примирить непримиримое въ людяхъ и въ себѣ. Это—наслѣдство вѣковой, роковой дряблости духа. Всѣ предки мои жили компромиссами ради примиренія противорѣчій жизни, и мнѣ завѣщали они эту слѣпую наслѣдственность.

И теперь въ спорѣ Гуляева и Росткова я сочувствовалъ Гуляеву, но, чтобы примирить спорщиковъ, осуждалъ символистовъ, а Галлена называлъ бездарнымъ аллегористомъ.

Пьяные разговоры холостыхъ мужчинъ всегда кончаются разговорами о женщинахъ.

Такъ случилось и въ этотъ вечеръ. Отъ Галлена перешли къ картинѣ Сидоренка «Грезы», заговорили о натурщицѣ Вѣрочкѣ-офицершѣ, которая позировала Сидоренку. А кто изъ художниковъ не знаетъ Вѣрочки-офицерши?..

Годъ тому назадъ сошедшій съ ума аскетъ Вахроменко призывалъ художниковъ бойкотировать Вѣрочку-офицершу, но, не успѣвъ сорганизовать бойкота, бросился подъ поѣздъ. Говорятъ, онъ былъ влюбленъ въ Вѣрочку-офицершу и сошелъ съ ума отъ безнадежной любви. Разговоры о натурщицахъ всегда почти заставляли вспоминать и о Вахроменкѣ. Въ нашемъ кружкѣ установился даже своеобразный тостъ. Кто-нибудь поднималъ бокалъ и говорилъ: «Ну, господа, эту рюмку памяти Вахроменки!»

И въ этотъ вечеръ опьянѣвшій Ростковъ поднялъ рюмку коньяку въ воспоминаніе о Вахроменкѣ, и мы выпили... И въ головѣ моей мелькнула мысль: а, вѣдь, я могъ бы выпить рюмку и въ память Софьи Владимировны... И на душѣ стало вдругъ такъ скверно!...

Меня всегда коробили эти тосты, но я никогда не противорѣчилъ предложенію пьянаго товарища и пилъ, какъ и другіе, за упокой души несчастнаго Вахроменка. Это тоже компромиссъ примиренія! Примиряю себя съ ними, а ихъ съ черной бездной ихъ паденія. Примиряю ихъ съ загадочнымъ міромъ ихъ скуднаго бытія, и самъ примиряюсь со своей скудостью...

Часто мнѣ хочется крикнуть имъ всѣмъ: «Какіе вы жалкіе, скучные, безцвѣтные людишки!..» Крикнуть и итти искать другихъ людей. Но я не дѣлаю этого потому, что примиряюсь съ ними, потому, что и самъ я—жалкій и безцвѣтный человѣкъ. Скудость ихъ бытія—моя скудость!..

Оскудѣла душа Вахроменки и ушла отъ насъ въ сферы мистическихъ переживаній. И все же душа этого человѣка стремилась къ чему-то, а къ чему стремимся мы? Что будетъ съ нашими оголтѣлыми, пьяными, безцвѣтными душами?..

Боже мой!.. какой сумбуръ лѣзетъ мнѣ въ голову.

Осматриваюсь...

Въ обширной комнатѣ шумно и чадно... Смотрю на пьяненькихъ людей и думаю: ужели и въ ваши головы лѣзетъ такой же сумбуръ?

Ростковъ хлопнулъ меня по колѣну, такъ что я расплескалъ бокалъ съ пивомъ, и крикнулъ:

— Женька, что ты молчишь? Ты пьянъ?

— Пьянъ,—отвѣчаю я.

— Онъ пьянъ не отъ вина,—перебилъ меня Гуляевъ.—Что-то въ вашихъ глазахъ, Евгеній Александровичъ, такое, что...

Онъ смолкъ и махнулъ рукой.

— Что въ его глазахъ?—перебилъ Гуляева Ростковъ.—Вѣрочка-офицерша говоритъ, что у Женьки глаза самые промасленные... Ты посмотри, Гуляевъ, сколько въ нихъ похоти! А?..

Мы всѣ втроемъ смѣялись, какъ будто рѣчь шла о комъ-то четвертомъ. Говорили о моихъ «похотливыхъ» глазахъ, а мнѣ казалось, что говорятъ о чьихъ-то чужихъ глазахъ. И я смѣялся вмѣстѣ съ ними.

И я разсказалъ имъ съ интимными подробностями исторію моей встрѣчи съ дамой, которая подыскиваетъ художника, чтобы сдать мастерскую. Должно быть, разсказъ мой произвелъ сильное впечатлѣніе на Росткова. Съ загорѣвшимися глазами онъ крикнулъ:

— Женька, дай мнѣ ея адресъ!..

И мы опять всѣ трое смѣялись.

И этотъ смѣхъ, игриво-веселый, подогрѣвалъ меня, какъ будто я выпилъ бокалъ огненнаго вина. Разговоръ

о Вѣрочкѣ-офицершѣ (она, дѣйствительно, была женою офицера и бросила мужа) натолкнулъ меня на воспоминаніе о Кларѣ Кизимировнѣ, о предметѣ моей первой любви, и я разсказалъ друзьямъ исторію моего паденія.

Въ свою очередь, я узналъ исторію первой любви Росткова. Гуляевъ скрытенъ.

Въ бильярдной мы встрѣтили большую компанію кутящихъ художниковъ и студентовъ. Мелькали знакомыя лица, меня кому-то представили, съ кѣмъ-то я пилъ на брудершафтъ. Узналъ, что часъ назадъ былъ въ бильярдной Рылѣевъ. Пожалѣлъ, что не встрѣтился съ нимъ въ этотъ вечеръ. Много непріятной правды собирался я сказать ему.

Помню курьезную сцену. Окончательно охмелѣвшій Ваничка лѣзъ ко мнѣ съ бокаломъ пива и бормоталъ:

— Выпьемъ на брудершафтъ! Выпьемъ на брудершафтъ!..

— Да, вѣдь, это Женька. Чортъ ты косолапый!— крикнулъ кто-то.

Ваничка всматривался въ меня посоловѣвшими глазами и, должно быть, не узнавалъ. Онъ, какъ баранъ, моталъ головою.

— Сволочь, Женька! Да, вѣдь, и вправду это ты!— вдругъ дико выкрикнулъ онъ.

И мы съ нимъ расцѣловались.

Послѣ двухъ часовъ, когда насъ выпроводили изъ ресторана, мы большой компаніей отправились въ «Лавочку страстей», какъ назывался одинъ домъ на Маломъ проспектѣ.

XXVIII.

Проснулся во второмъ часу дня, и странно, голова не болѣла. Лежалъ въ постели, съ какой-то странной ясностью припоминалъ, что было въ минувшую ночь.

Попытка Ванички выпить со мной на брудершафтъ на другой день показалась мнѣ особенно странной.

Тотъ фактъ, что онъ не сразу узналъ меня, показался мнѣ символическимъ. Конечно, онъ не узналъ меня. Развѣ въ ту минуту я походилъ на себя?

Глаза мои—зеркало моей души... Такъ говорится... Называли меня люди «орленкомъ» за дальнозоркость, и я думалъ, что похожу на «орленка». Пронеслась надо мною длинная полоса жизни, заглянула въ глаза мои скорбь и оставила свою печать, заглянула любовь и оставила свою, заглянуло въ душу мою преступленіе и вотъ, теперь въ глазахъ моихъ печать преступленія. И Ваничка не сразу узналъ меня...

Очевидно, у людей есть такія переживанія, которыя вдругъ измѣняютъ лицо до неузнаваемости.

Помнится, весь вечеръ меня преслѣдовалъ образъ Софьи Владимировны. Ея тѣнь не отходила отъ меня. Я гналъ отъ себя призракъ, прятался отъ него въ пьяномъ угарѣ. Къ утру, когда я уже спалъ, я видѣлъ ее во снѣ. Этотъ сонъ былъ продолженіемъ жизни...

Я совершилъ большое преступленіе: я оттолкнулъ отъ себя человѣка, когда онъ кричалъ: «Я жить хочу!» Я убилъ ее! Я! И въ тѣ минуты, когда ея призракъ преслѣдуетъ меня, на моемъ лицѣ роковой печатью всплываетъ мое преступленіе.

Ваничка не узналъ меня... Онъ считаетъ меня добрымъ товарищемъ и хорошимъ человѣкомъ. Но у меня два лица: одно Ваничка знаетъ давно, другое увидѣлъ въ бильярдной впервые... И мое преступное лицо показалось ему незнакомымъ.

О, женщины, что вы сдѣлали съ моимъ лицомъ? Въ глазахъ моихъ «похоть», на лицѣ моемъ печать преступника. Всю мою жизнь я раздѣляю на два періода: до встрѣчи съ Софьей Владимировной и послѣ ея смерти.

Былъ короткій періодъ, когда мы любили другъ друга... Потомъ началась моя новая жизнь... А ея жизнь?..

Впрочемъ, что же объ этомъ думать?.. Со старой жизнью вопросъ поконченъ, началась моя новая жизнь. На моемъ лицѣ земной, черный ликъ преступленія...

XXIX.

Сегодня весь день не могу успокоиться. Вчерашній вечеръ пьяной оргіи отравилъ меня: голова болитъ, сердце съ тревогой сжимается, точно я жду чего-то. И хочется быть празднымъ, лѣнивымъ, недумающимъ...

А воспоминанія мои не дремлютъ во мнѣ. И хочется вспоминать похожее на то, что было. Это не мои воспоминанія, а вчерашній угаръ...

Сегодня весь день вспоминаются женщины, которыхъ я зналъ въ прошломъ.

Почему-то вспоминается милая мѣщаночка Маша.

Это случилось лѣтъ пять назадъ, въ Псковской губерніи. Ѣздилъ на этюды, жилъ въ семьѣ богатаго торговца Сиволдаева. Сиволдаевъ человѣкъ стариннаго уклада, богобоязненъ и благочестивъ. У него дочка Машенька, курносенькая блондинка, съ голубыми глазами. Щечки ея розовыя, пухлыя, когда улыбается, на щечкахъ выступаютъ ямки, когда грустна—глаза затуманиваются и дѣлаются интересными. Коса у Машеньки длинная и толстая, какъ канатъ. Когда говоритъ Машенька, губы у нея бантикомъ. Когда смѣется—видны ея крѣпкіе зубы.

Когда цѣлуешь ее, она такъ плотно прижимается и цѣлуетъ крѣпко.

Ей было 17 лѣтъ, а мнѣ 26, когда мы повстрѣчались.

И мы полюбили другъ друга.

Днемъ встрѣчались въ саду, въ тѣни кленовъ и вязовъ.

Въ вечернія зори бродили по межамъ ржаного поля, рвали васильки... И похожи были глаза Машеньки на эти васильки... И щечки Машеньки горѣли, какъ вечернія зори.

Любили крадучись отъ отца и матери Машеньки, скрывала Машенька свою любовь и отъ подругъ своихъ. Не знала она, что выйдетъ изъ этого романа и потому скрывала, сама говорила объ этомъ, а я зналъ, чувствовалъ, что романъ этотъ будетъ безъ конца.

Ужъ очень такая примитивная, простая и недалекая была эта Машенька и чувствовалъ я, что скоро она надоѣстъ мнѣ.

А какіе чудесные были вечера, когда мы съ нею гуляли въ саду или по межамъ ржаного поля. Еще лучше были тѣ минуты, когда мы вдвоемъ прятались, обнимались и цѣловались.

— Люблю тебя, Женичка!.. Навѣки полюбила,—шептала она, а я слышалъ, какъ трепещетъ ея тѣло, и въ душѣ смѣялся надъ тѣмъ, что она говоритъ мнѣ о своей любви. Зачѣмъ объ этомъ говорить, если трепетъ тѣла, взглядъ, пожатіе руки краснорѣчивѣе словъ...

И я шепталъ ей:

— Люблю тебя, Маня...

Ея языкомъ говорилъ о своей любви и точно тушилъ въ себѣ эту любовь.

Была тихая, іюльская, лунная ночь. Небо прозрачное, ясное, звѣздное. Много жуткой тайны сулила эта тихая ночь... Много призывовъ молодого тѣла пьянило меня въ эту ночь... Съ вечера началось, когда потухала заря. Отецъ и мать Мани собрались въ какое-то село на богомолье, звали Маню съ собою, а та отгово-

рилась нездоровьемъ. Отецъ бранился и звалъ дочь въ село. Мать говорила:

— Помолишься угодникамъ и поздоровѣешь...

Лежала Маня въ постели и ссылалась на головную боль. Уѣхали старики на богомолье, и не прошло и полчаса, какъ Маня появилась на огородѣ, гдѣ я писалъ этюдъ съ цвѣтущихъ подсолнуховъ.

Была она въ свѣтло-розовомъ платьѣ и сама розовая, съ искрами лихорадочнаго огня въ глазахъ. Можетъ быть, и вправду она была нездорова...

— Маня, вѣдь вы больны!—воскликнулъ я.

Она смутилась. И прочелъ я въ ея глазахъ тайну ея сердца. Чтобы остаться со мною, сказалась она больной. Это желаніе видѣлъ я въ ея глазахъ, въ томъ, какъ смотрѣла она на меня, въ томъ, какъ смущенно опустила она глаза.

— Маня, встаньте вотъ такъ, къ этимъ подсолнухамъ,—сказалъ я ей, замѣтивъ, какое красивое сочетаніе тоновъ получается изъ этой комбинаціи игры цвѣта ея нѣжно-розоваго платья и цвѣта подсолнуховъ.

— Не знаю какъ... А вдругъ тятенька будетъ ругать?—задалась она вопросомъ и я видѣлъ, что она не на шутку боится.

Я уговорилъ ее и она встала въ гущу подсолнуховъ, и я написалъ ее. Писалъ, какъ никогда быстро, съ увлеченіемъ. Стала потухать заря и пришлось бросить работу. Такъ и остался незаконченнымъ этотъ интересный сюжетъ, какъ незаконченнымъ вышелъ и мой романъ съ Машенькой.

Когда всѣ въ домѣ заснули... Остались только кухарка да дворникъ, кучеръ ушелъ куда-то, воспользовавшись отсутствіемъ хозяина: у него тоже былъ романъ съ кѣмъ-то...

Остались мы одни, и, казалось мнѣ, въ этомъ было

желаніе самой природы: давно томились мы другъ около друга и не шли на путь дѣйствительной реальной любви...

И вотъ въ эту тихую, лунную ночь, мы вышли на тропу страстнаго горѣнія... Шли по межѣ ржаного поля, слушали, какъ перекликались перепела и шли все дальше и дальше, замедляя шагъ, пріостанавливаясь, и снова шли...

Я обнималъ ее за тонкую талію, цѣловалъ ея щечки, и чѣмъ ближе становилась она ко мнѣ, и чѣмъ больше она сопротивлялась, тѣмъ сильнѣе разгорались вспышки страсти.

Сидѣла она рядомъ со мною на росистой травѣ и тянулъ я ее къ себѣ... Вотъ положилъ ея голову на грудь, откинулъ лицо и цѣловалъ, цѣловалъ.

И трепетала она въ моихъ объятіяхъ трепетомъ огненнымъ, и зажигала меня...

Вдругъ вздрогнула, рванулась отъ меня, стала на колѣни, прошептала:

— Нѣтъ, нѣтъ... Женя!.. оставь меня!..

Я тянулъ ее за обѣ руки, я цѣловалъ эти руки. Я слышалъ ея жаркое дыханіе, я видѣлъ искры страсти въ ея глазахъ...

— Нѣтъ, нѣтъ... Женя!.. оставь меня! — шептала она...

Я снова привлекъ ее къ себѣ, а она шептала:

— Оставь... тятенька говорилъ, чтобы намъ раньше обвѣнчаться...

— Какъ тятенька?.. Развѣ онъ обо всемъ знаетъ?..

— Я говорила ему обо всемъ... А онъ говорилъ:

«Прокляну, коли въ грѣхъ вступишь раньше брака. Сначала повѣнчайтесь, а потомъ и любите другъ друга...»

Она бормотала еще что-то, и горѣли искры въ ея глазахъ и лежала печаль на ея лицѣ.

Два начала боролись въ ней: велѣніе отца, который далеко, и велѣніе ея крови, которая такимъ горячимъ потокомъ переливалась въ ея жилахъ.

Одно начало владѣло мною, одно желаніе сжигало меня...

И была минута, когда она могла подчиниться велѣнію крови своей, и была минута, когда моя кровь туманила мой разсудокъ...

Какъ будто остановилась во мнѣ моя кровь, охладѣвъ, остановилась...

Я всталъ съ травы и сказалъ:

— Идемте, Маня... поздно!..

Она молила меня остаться, а я уговаривалъ ее спѣшить...

И шли мы по межѣ другъ другу чужіе: она съ горящей кровью въ жилахъ, я—съ охладѣвшей кровью въ охладѣвшемъ сердцѣ.

На другой день имѣлъ объясненіе съ отцомъ Машеньки. Онъ не на шутку считалъ меня́ женихомъ своей дочки. Вотъ курьезный старикъ!..

Онъ заставилъ меня поклясться, что между мною и Машенькой ничего серьезнаго не было, и я поклялся.

Вздохнулъ старикъ и сказалъ:

— А, можетъ, все это къ лучшему... Не видно, что Господу угодно...

На другой день я уѣхалъ отъ Сиволдаева.

Избѣгалъ я свиданія съ Маней, какъ будто никогда не было на свѣтѣ межи ржаного поля, какъ будто никогда не свѣтила луна въ тихую іюльскую ночь, какъ будто никогда не трепетало у меня на колѣняхъ горящее тѣло Машеньки.

Сонъ былъ какой-то въ лунную ночь. Въ сновидѣніяхъ я видѣлъ Машеньку, мѣщанскую дочь...

За полчаса до отъѣзда, она вышла въ залъ, съ ге-

ранью на окнахъ, вышла съ темными кругами вокругъ глазъ. Слезы еще свѣтились на ея рѣсницахъ...

Стала у двери, прислонилась къ косяку плечомъ и шептала:

— Увезите меня... увезите!..

Молча связывалъ я холсты въ трубку и не глядѣлъ на нее.

— Отецъ, полюбуйся-ка, дочка-то что нашептываетъ,—услышалъ я громкій и негодующій возгласъ, и изъ сосѣдней комнаты появилась мать Машеньки, а черезъ минуту вошелъ въ зальце и самъ Сиволдаевъ.

— Послушай-ка, что она шепчетъ, — продолжала мать Машеньки:—увези, говоритъ, меня... увези... Эхъ вы, господинъ художникъ!.. Что сдѣлали съ дочкой-то моей?..

Не говоря ни слова, Сиволдаевъ взялъ за плечи дочь, и я ждалъ, что онъ будетъ ее бить, но онъ только втолкнулъ ее въ сосѣднюю комнату и плотно притворилъ двери. Потомъ обернулся ко мнѣ, пригрозилъ пальцемъ и сказалъ:

— Случится что съ ней — ты въ отвѣтѣ передъ Богомъ!..

Плакала мать Машеньки, сидя на лавкѣ, ближе къ переднему углу и бормотала:

— Нанесло навожденіе на домъ нашъ... Господи, за что такое наказаніе?..

Поднялась мать Машеньки съ лавки и подошла ко мнѣ и добавила:

— Уѣзжай, наглецъ, скорѣе!.. Уѣзжай!..

— Уѣзжай!—выкрикнулъ и самъ Сиволдаевъ и развелъ руками къ двери.

И пока я не сѣлъ въ бричку, они слѣдили за мною. Вышли на крыльцо. Не отвѣтили мнѣ и кивкомъ головы, когда я раскланялся съ ними.

Забряцали бубенцы, поднялась съ дороги пыль.

Оглядѣлъ я окна съ геранью за туманными стеклами, оглядѣлъ и палисадникъ. Хотѣлось увидѣть Маню...

Завернула бричка за уголъ сиволдаевской усадьбы. Быстро мчались кони по узкому переулку съ плетнями по сторонамъ... Вотъ кончился сиволдаевскій садъ, въ которомъ я цѣловалъ Маню. Потянулись огороды, съ грядою цвѣтущихъ подсолнуховъ... Темное пятно мелькнуло передъ глазами. У подсолнуховъ стояла Маня, въ темномъ платьѣ, съ темнымъ большимъ платкомъ на плечахъ...

Я узналъ ее, снялъ шляпу и махнулъ ею въ воздухѣ. Неподвижно стояла она, какъ мертвая или закоченѣвшая въ своей неудовлетворенной любви...

На прощанье не махнула рукою мнѣ Машенька, только глядѣла въ мою сторону, словно ждала, не позову ли я ее?

Пронеслись лошади по узкому переулку и затарахтѣла таратайка по мостику черезъ рѣчку. По этому мостику мы съ Маней ходили въ ржаное поле.

Оглянулся я... Все еще стояла Маня у подсолнуховъ, неподвижная, вся черная, нѣмая и жалкая. Замерла, окостенѣла въ своей неудовлетворенной любви и во мнѣ охладила кровь.

Зачѣмъ не послушалась она тогда голоса крови? Зачѣмъ изломала свою жизнь?..

Но что бы было, если бы я женился на Машенькѣ, мѣщанской дочкѣ?..

Не знаю я, что бы изъ этого вышло.

А что бы было, если бы я увезъ ее отъ родителей тихонько?..

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, она проиграла бы... Между мною и ею всегда былъ бы страшный, темный призракъ въ образѣ велѣнія ея отца.

Я не могу любить, когда такой призракъ со мною или съ той, которая отдастъ мнѣ себя...

Проклинайте мою мужскую гордость, мнѣ все равно! Я говорю о томъ, что такое—«я».

Откровенно сознаюсь, я не любилъ Мани, я хотѣлъ только, чтобы она принадлежала мнѣ первому...

И только...

Проклинайте мою мужскую испорченность, мнѣ все равно! Я говорю только о томъ, что такое—«я».

XXX.

Обманывалъ я Маню Сиволдаеву. Не искренна со мною Галина...

Ужели одна женщина мститъ за другую?..

Если бы я былъ мистикъ, мнѣ страшно бы было жить. Вѣдь можетъ же появиться другая женщина, которая будетъ мстить мнѣ за Софью Владимировну...

Обыкновенное событіе натолкнуло меня на эти соображенія.

Къ Галинѣ я пришелъ въ седьмомъ часу вечера. Горничная помогла мнѣ раздѣться, провела меня въ столовую и скрылась въ сосѣдней комнатѣ.

Послѣ того, какъ я не отозвался на ея открытку и не пришелъ на ея зовъ, мы еще не встрѣчались. И я не зналъ, какова будетъ у насъ встрѣча съ Галиной, но я хотѣлъ ее видѣть.

Минуты три спустя, она вышла ко мнѣ съ теплымъ платкомъ на плечахъ, но я замѣтилъ, что она была въ томъ темномъ шелковомъ платьѣ, въ какомъ обыкновенно выѣзжала въ театръ, на выставку или на концертъ.

— Простите, Евгеній Александровичъ, я сегодня что-то расклеилась,—сказала она и протянула руку.

Не взглянула на меня и добавила:

— Садитесь, минутъ пять я... могу...

Я всмотрѣлся въ ея лицо. Блѣдное, утомленное и съ синяками подъ глазами... И въ глазахъ—усталость и печаль. У здоровыхъ людей не бываетъ такихъ лицъ. И рука ея горячая и голосъ низкій, подавленный.

Я всталъ и сказалъ:

— Я пришлю къ вамъ доктора...

— Не надо, голубчикъ!.. Это такъ только... голова побаливаетъ...

Я распрощался и вышелъ въ прихожую.

Провожала она меня и, какъ тогда Маня Сиволдаева, такъ и она теперь, стояла у двери, прислонившись къ дверному косяку плечомъ и говорила:

— Заходите... Не сердитесь на меня...

У воротъ я столкнулся съ Рылѣевымъ.

Онъ пожалъ мнѣ руку съ обычнымъ равнодушнымъ молчаніемъ и вошелъ въ подъѣздъ.

Я хотѣлъ было сказать ему, что Галина Николавна больна и не принимаетъ, но воздержался, и какъ хорошо сдѣлалъ. Если бы я сказалъ, какъ бы зло онъ надо мною посмѣивался.

Она отказала мнѣ потому, что долженъ прійти онъ...

Болѣе получаса я ходилъ по противоположной сторонѣ улицы и предположенія мои оправдались. Рылѣевъ не выходилъ.

Зачѣмъ лгала Галина? Зачѣмъ она унижалась до лжи?.. А зачѣмъ я тогда унижался, когда говорилъ Манѣ Сиволдаевой, что люблю ее?

Если бы она откровенно сказала мнѣ: «сегодня я хочу быть съ Рылѣевымъ...» Знаю, мнѣ больно бы было отъ этого искренняго признанія, но...

Я ничего не могъ сказать послѣ этого «но», и продолжалъ ходить по противоположной сторонѣ улицы и ждать, не выйдутъ ли Галина и Рылѣевъ...

Странно иногда бываетъ, ходишь по улицѣ и не замѣчаешь людей. Какъ будто ты только одинъ на свѣтѣ

и есть человѣкъ, съ глубиною твоихъ переживаній. Какъ будто тѣ—не люди, а тѣни... И дома—не дома, и ночь—не ночь...

А въ душѣ—печаль или злоба, смотря по тому, какое обстоятельство жизни выгнало человѣка на мостовую въ темную и ненастную ночь.

Стоялъ я около какого-то магазина и смотрѣлъ черезъ стекло на какія-то машины. Большія стальныя колеса на толстыхъ осяхъ, трубы какія-то... Для чего это?..

Иду дальше... Окно «суровской». Кофточки за стекломъ, юбки, панталоны... тутъ же мужскія сорочки, подтяжки, вѣера, перчатки, галстуки, шарфики, которые носятъ дамы на груди...

Для чего все это перемѣшали люди на одномъ окнѣ?..

Какая-то барышня, брюнетка, подошла къ окну. Шляпа на ней темная, изъ-подъ полей шляпы выбиваются вьющіеся локоны. Глаза у барышни темные, красивыя рѣсницы, и носикъ правильный... и, какъ жаль, когда всмотришься въ ея щечки, на нихъ ясными пятнышками лежатъ неглубокія рябинки...

Оспа испортила личико барышни... Зачѣмъ злая болѣзнь испортила личико дѣвушки?..

Глянула на меня искоса, встрѣтились наши глаза и поняла дѣвушка—зачѣмъ я пожалѣлъ ея лицо, испорченное оспою, и надула губки и отошла. Хотѣлось сказать ей: не я виноватъ въ этомъ... оспа виновата!..

Иду за барышней, а она нѣтъ-нѣтъ да и оглянется... Можетъ быть, и не на меня она смотритъ, оглядываясь, а, можетъ быть,—на меня.

Можетъ быть, ее никто не любитъ и вотъ она оглядывается и думаетъ—не полюблю ли я ее съ красивымъ личикомъ, но со щечками, испорченными оспою...

И хочется мнѣ полюбить ту дѣвушку... такъ, изъ жалости полюбить...

Затерялась въ сумракѣ вечера дѣвушка въ темной шляпкѣ. Стою противъ подъѣзда Галины и жду, когда выйдетъ Рылѣевъ. Думаю о томъ, можно ли полюбить дѣвушку, съ лицомъ, испорченнымъ оспою, полюбить такъ, изъ жалости?.. Могъ ли я полюбить изъ жалости Маню Сиволдаеву?...

Хожу по панели, задаюсь этими вопросами и прохожіе кажутся мнѣ настоящими людьми. И дома—настоящіе дома, и ночь—настоящая ночь.

Вышли изъ подъѣзда Рылѣевъ и Галина.

Прошли шаговъ десять. Рылѣевъ подозвалъ извозчика и я явственно слышалъ, какъ онъ крикнулъ: «въ Александринку!..»

И они уѣхали...

Шелъ я по темной улицѣ и снова люди не казались мнѣ настоящими, живыми людьми, я просто не замѣчалъ ихъ...

На перекресткѣ большой, свѣтлой и шумной улицы остановился и ищу глазами дѣвушку, съ лицомъ, испорченнымъ оспою. Она въ эту сторону шла. Гдѣ она?.. Какъ бы мнѣ хотѣлось ее повстрѣчать.

Въ эту ночь не встрѣтилъ этой барышни и никогда ее не встрѣтилъ. Исчезла она, ждущая любви...

Но почему я думаю, что она ждетъ любви?

Можетъ быть, ее кто-нибудь и любитъ? Она недурна, несмотря на оспины...

Въ эту ночь хотѣлось мнѣ кого-нибудь любить, въ эту ночь хотѣлось мнѣ кого-нибудь ласкать, въ эту ночь хотѣлось мнѣ забыть Галину...

Въ эту ночь я повстрѣчался съ проституткой на Аничкиномъ мосту и она увезла меня къ себѣ.

XXXI.

Сегодня неожиданное событіе: часа въ три ко мнѣ пришла Галина Николавна.

Пришла, молча поздоровалась со мною и не взглянула на меня. Лицо ея было блѣдно, въ глазахъ отражалась какая-то дума.

Она разстегнула жакетъ, и какъ-то странно повела головой изъ стороны въ сторону, какъ будто воротникъ темно-коричневой блузки стягивалъ ея шею и мѣшалъ дышать.

— Вы не встрѣчали эти дни Рылѣева?—спросила она, не глядя на меня.

— Нѣтъ.

— И не знаете, что съ нимъ?

— Не знаю. Въ чемъ дѣло?

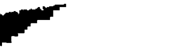
Она встала, быстро застегнула жакетъ, протянула мнѣ руку и сказала, опять не глядя на меня:

— Ну, я пойду... Мнѣ некогда!..

И ушла.

Я хотѣлъ побѣжать за ней, догнать ее, разспросить... Ея лицо показалось мнѣ безпокойнымъ. Я не видѣлъ ея глазъ, когда она прощалась, и не знаю, что они выражали, но я чувствовалъ, что было въ нихъ что-то такое, что призывало меня къ чему-то. Мнѣ казалось, если я не побѣгу за нею, не догоню ее, и не разспрошу,—что-то случится, что ляжетъ на мою душу новой мукой.

Я выбѣжалъ на улицу, осмотрѣлся... Она ѣхала на извозчикѣ, и я не могъ бы догнать ее пѣшимъ. Я хотѣлъ поѣхать вслѣдъ за ней, но, вдругъ раздумалъ. Какъ-то быстро приходили въ эту минуту мысли и быстро уплывали, создавался планъ дѣйствій и тотчасъ же отмѣнялся.

Я шелъ вдоль улицы и не зналъ, что дѣлать. Догнать ли ее или остаться на мѣстѣ, или вернуться?

Вечеромъ я узналъ все.

Рылѣевъ неожиданно уѣхалъ на югъ, бросивъ Блавадскую. Въ кружкѣ товарищей разговоровъ о Рылѣевѣ и о его романѣ съ Галиной Николавной было немало. Рылѣева называли «идіотомъ» и даже «мерзавцемъ». Всѣ мои друзья уже давно знали о романѣ Рылѣева. Какъ странно, что я только догадывался и ревновалъ, не думая, что дѣло зашло такъ далеко. Говорятъ, обманутые мужья послѣдніе узнаютъ объ измѣнѣ женъ. И я оказался похожимъ на обманутаго мужа. Проклятая слѣпота! Мнѣ все казалось, что Галина Николавна любитъ меня и только, чтобы разжечь мою страсть, кокетничаетъ съ Рылѣевымъ.

Какъ смѣшонъ былъ я все это время!

XXXII.

Когда я страдаю, когда я осуждаю себя, мнѣ всегда вспоминается моя милая, добрая мать... И когда предо мною встаетъ ея образъ, мнѣ кажется, что это—суровая жизнь посылаетъ мнѣ ласку...

Добрая, хорошая моя старушка! Я не видѣлъ какъ она умирала. Я пріѣхалъ изъ Петербурга къ ея охладѣвшему трупу. Большой каменный городъ отнялъ меня у матери. Часто она писала мнѣ грустныя письма и звала къ себѣ, но я, полюбивши искусство, какъ мать, только отписывался. Писалъ о томъ, какъ я люблю жизнь большого города. Писалъ о томъ, какъ я люблю искусство.

И она писала мнѣ: «дѣлай, какъ тебѣ лучше... Христосъ тебя сохрани...»

Когда теперь я перечитываю пожелтѣвшіе письма матери, мнѣ представляется, что я слушаю какую-то

нѣжную, загробную симфонію. Пѣсню о беззавѣтной любви, пѣсню о вѣчной неувядаемой любви.

Вспоминается мнѣ небольшая комната, съ цвѣтами на окнахъ. И кругомъ гроба были все цвѣты и цвѣты. Въ цвѣтахъ была и она, съ плотно сомкнутыми глазами. И эти глаза никогда уже не взглянутъ на меня съ нѣжной лаской...

Цвѣты, цвѣты у гроба матери...

Съ тѣхъ поръ я полюбилъ цвѣты какой-то особенной любовью.

Я съ дѣтства зналъ обстановку комнаты, въ которой стоялъ гробъ и были цвѣты около гроба. Каждую мелочь этой комнаты помнилъ я: старое фортепіано у окна и этажерку съ нотами, фикусы и филодендры у оконъ, картины на стѣнахъ, печь съ надтреснутымъ изразцомъ у мѣдной фортки...

Когда-то мама играла на фортепіано, а я слушалъ старинные вальсы. Заперто на ключъ старинное фортепіано, закостенѣли на вѣкъ руки матери, и нѣтъ больше звуковъ замолкшихъ струнъ. Во всемъ мірѣ нѣтъ больше звуковъ!..

Такъ казалось мнѣ, когда я сидѣлъ у гроба, вспоминалъ прошлое и слышалъ, какъ монахиня читала что-то грустное, значительное, нѣжное... Тихій голосъ монахини заглушилъ всѣ звуки міра. Такъ казалось мнѣ тогда...

Что-то новое было въ знакомой комнатѣ: свѣчи горѣли ярко, пахло ладаномъ... Всматривался я въ новую обстановку комнаты, вслушивался въ новые звуки и не могъ понять, что случилось?..

Помнится, въ домѣ все стихло. Можетъ быть, всѣ спали. Не зналъ я. Не спала монахиня, читавшая надъ покойницей. Не спалъ я... А вотъ и монахиня вышла отдохнуть и остался я одинъ съ матерью. И думалъ я, что завтра, когда на нашемъ Ивановскомъ кладбищѣ

выраститъ новая могила, не будетъ гроба въ комнатѣ, знакомой съ дѣтства, не будетъ матери, не будетъ цвѣтовъ.

Остался я одинъ у гроба и плакалъ... Плакалъ одинъ... И понялъ я, что вотъ съ этого момента я остаюсь одинокимъ навсегда...

Только мать любитъ беззавѣтно, неизмѣнно. И нѣтъ больше любви... Я не любилъ матери, измѣнивши ей ради искусства и жизни большого, шумнаго, каменнаго города...

Самое обыкновенное обстоятельство заставило меня сегодня думать о матери больше, чѣмъ когда-либо.

Въ десять часовъ утра шелъ я въ академію.

День былъ пасмурный. Падалъ хлопьями снѣгъ и было холодно и сыро.

Куда-то спѣшили люди. Шелъ медленно я въ мастерскую и думалъ о Галинѣ. Шелъ я въ мастерскую лѣниво, безъ охоты работать и думалъ о Галинѣ... Развѣ я любилъ искусство, ради котораго забылъ мать?..

На шестой линіи я встрѣтилъ темныя дроги съ покойникомъ. Изъ дешевыхъ больницъ возятъ такихъ покойниковъ на такихъ страшныхъ, темныхъ дрогахъ.

Усталая, хмурая лошаденка, прикрытая темной попоной, тащила дроги съ темно-коричневымъ гробомъ. Странный человѣкъ въ черномъ сидѣлъ впереди гроба, для чего-то держалъ въ рукахъ кнутъ, но не погонялъ лошади, какъ бы говоря прохожимъ всей своей фигурой и кнутомъ, безпомощно опущеннымъ въ рукахъ: «зачѣмъ торопиться на кладбище...»

Впереди печальныхъ дрогъ шла дѣвочка лѣтъ шести, съ иконой въ рукахъ. Странная дѣвочка, съ худымъ, блѣднымъ лицомъ... Сзади дрогъ, какъ-то торопливо семеня ногами, шла старушка и вела за руку мальчугана въ рыжемъ пальтишкѣ, безъ шапки и съ ушами, за-

вязанными платкомъ. Мальчуганъ, желтый съ лица и худой, торопился еще больше старухи и еще чаще семенилъ ногами.

Я вернулся и шелъ за гробомъ по панели. Помнится, я долго всматривался въ лицо мальчугана и старался разсмотрѣть его лицо и глаза. Съ испугомъ въ глазахъ онъ смотрѣлъ себѣ подъ ноги, и, кажется, все его вниманіе было сосредоточено на неровностяхъ мостовой.

Я свернулъ съ панели и старался перейти улицу такъ, что бы, поравнявшись съ гробомъ, увидѣть глаза мальчика. Старушка посмотрѣла на меня удивленными глазами, а онъ и лица не поднялъ: все смотрѣлъ на каменную, грязную мостовую...

— Кого это вы хороните?—спросилъ я старуху.

— Матку вотъ ейнаго... Сереженьки...

Взглянулъ на меня Сереженька и прочелъ я въ его глазахъ тоску.

Перешелъ я улицу, а темныя дроги съ гробомъ Сережиной матери завернули за уголъ, на Малый...

И мнѣ припомнился день, когда я хоронилъ свою мать. Впрочемъ, это только внѣшнее сходство. Тогда была студеная зима. За гробомъ шло много народа.

Мальчуганъ выглядѣлъ печальнѣе, чѣмъ я тогда.

Я скрывалъ отъ другихъ свое горе, а онъ несетъ свое горе по улицѣ неприкрытымъ. А улицы Петербурга шумны, люди торопливы. Замѣтятъ ли они горе Сереженьки?..

Какой хорошенькой этюдъ! Голое, неприкрытое горе среди шумной улицы напоказъ... Напишу эту встрѣчу... И въ моихъ представленіяхъ зарисовывалось все, что я выхватилъ изъ мутнаго потока жизни.

Одинокій Сереженька рисовался предо мною. Въ его понурой фигурѣ, съ опущенной головою — тоска. Въ его испуганныхъ глазахъ—тоска... Мы, какъ братья, одной доли, встрѣтились съ нимъ на сырой улицѣ камен-

наго города, встрѣтились съ нимъ и слились въ одно русло...

И я опять полюбилъ искусство. Тоска мальчугана вернула меня къ искусству.

Какъ я люблю людей, когда они что-нибудь потеряютъ. Утрата дорогого дѣлаетъ въ ихъ глазахъ жизнь еще цѣннѣй. Все думается, что въ жизни можно найти еще что-то новое, что замѣнитъ утраченное...

Отчего я былъ такимъ хорошимъ, когда любилъ мать?..

Когда ее хоронили, я былъ хорошимъ потому, что страдалъ. И теперь, когда воспоминанія о матери скрашиваютъ жизнь, я становлюсь лучше.

А хорошій человѣкъ—сынъ земли, сынъ міра!

А міръ прекрасенъ!

Людей люблю только страдающихъ. Люблю людей только въ ненастную ночь ихъ жизни.

И Софью Владимировну люблю въ воспоминаніяхъ о ея страданіяхъ. И Маню Сиволдаеву люблю въ ея тоскѣ неудовлетворенной любви. Люблю художника Ваничку, съ его неудачливой жизнью. Люблю и мальчугана Сереженьку, схоронившаго свою мать. Люблю и ту дѣвушку, которая стояла у окна и конфузилась за свое лицо, испорченное оспинами.

И себя я люблю, за свою неудовлетворенную любовь къ Галинѣ.

Чего же мнѣ еще надо?.. Почему я недоволенъ жизнью?..

Не знаю я...

XXXIII.

Вчера Буринъ прислалъ мнѣ открытку. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился въ «Пале-Рояль». На-завтра онъ пригласилъ меня къ себѣ, извинялся,

что не можетъ сдѣлать визитъ первымъ. Я люблю Бурина и многое ему прощаю.

Буринъ былъ одинъ, когда я постучался въ его номеръ.

— Войдите,—сказалъ онъ и я услышалъ его тихое покашливаніе. Говорятъ, у него чахотка. Зачѣмъ онъ куритъ?..

— Сижу вотъ и дымлю,—проговорилъ онъ, протягивая мнѣ руку.—Садитесь, будемъ вмѣстѣ скучать.

— Вы скучаете?

— Пріѣхалъ вотъ въ Питеръ и не знаю, съ чего начать. Привезъ рукописи, буду торговать ими, и такъ противно и скучно вдругъ стало... Ну, а вы какъ живете?

— Живу и ною.

— Ну, другъ мой, и я изъ ноющихъ... по крайней мѣрѣ, сегодня... Насъ, писателей, тутъ цѣлая колонія, въ «Палэ-Рояль». Ходимъ другъ къ другу и портимъ настроеніе. Только что вотъ выперъ одного беллетриста, все говорилъ, гдѣ и кѣмъ напечатаны о его произведеніяхъ отзывы, говорилъ и о томъ, что онъ пишетъ, что задумалъ, что будетъ писать, что будетъ задумывать... Ей-Богу, и объ этомъ говорилъ. Голова полна планами, а въ мозгу-то и стало тѣсно... а, можетъ, и нѣтъ его вовсе, мозга-то...

Должно быть, Бурину самому надоѣло говорить о беллетристѣ, перемѣнилъ тему, сказалъ:

— Не хотите ли чаю? У меня чудесный коньячекъ!

Въ ожиданіи чая, начали съ коньяку. Пили точно по принужденію.

— Вчера весь вечеръ пили: съѣхались послѣ лѣта, что называется — слетѣлись. Рукописей-то сколько у каждаго! плановъ-то сколько!.. Сидимъ, пьемъ и серьезно обсуждаемъ міровые вопросы, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ кто-то прислушивается къ тому, о чемъ говорятъ писатели, что пишутъ... Никому этого не надо!..

Рублевые томики разсказцевъ, конечно, покупаетъ публика, да и то не у всѣхъ... Ну, а какъ вы?..

— Скверное настроеніе... Избѣгаю людей...

— А какъ ваши картины?

— Стоятъ не законченными. Много начато, а толку нѣтъ.

— Это скверно! Надо взять себя въ руки... Я вотъ особенно не вѣрю въ свой трудъ, а все же хорошо творить. Могу похвастаться. Привезъ громадный романъ!

И Буринъ вкратцѣ разсказалъ мнѣ содержаніе своего романа. Только что смѣялся надъ тѣмъ беллетристомъ, который ходитъ по товарищамъ и разсказываетъ, что онъ написалъ, а теперь и самъ сбился на смѣшной путь. Жалко мнѣ стало Бурина, жалко и героя его романа, который застрѣлился, разочаровавшись въ общественномъ служеніи.

— Скажите, пожалуйста, и вы смотрите на жизнь такъ же, какъ этотъ Слуцкій, герой вашъ?—спросилъ я.

— То-есть?

— Вѣдь онъ положительно отрицалъ себя... т.-е. свое личное счастье.

— Онъ убѣдился, что погоня за личнымъ счастьемъ—напрасное занятіе. Думалъ, что любовь къ Танѣ—все, а потомъ, когда прошелъ угаръ страсти, стало скучно жить безъ настоящаго дѣла.

— Но, вѣдь, и въ этомъ дѣлѣ онъ разочаровался? Вѣдь, онъ застрѣлился же?..

— Видите, разочарованіе и здѣсь возможно, но, все же, человѣкъ, живущій для другихъ, успѣваетъ создавать, такъ сказать, объективныя цѣнности... А въ этомъ уже награда...

Мнѣ казалось, что и самъ Буринъ не вѣритъ въ то, о чемъ говоритъ.

— А если я хочу жить не ради этой отдаленной награды, а ради себя только, ради... процесса—жить?

Тогда какъ?—спросилъ я.—Однимъ словомъ, живу и кричу: я жить хочу!.. я жить хочу!.. Не мѣшайте мнѣ жить...

— Знаете, съ такимъ лозунгомъ можно дойти до свинскаго существованія.

Говоря такъ, Буринъ нахмурилъ брови. Онъ не всегда спокойно выслушивалъ противорѣчія.

— А, впрочемъ, можетъ быть, и во всемъ этомъ правда. Есть же ницшеановская проповѣдь о сильныхъ и слабыхъ... Только вотъ въ чемъ бѣда-то... Не сильные мы съ вами люди, если только кричимъ: жить хочу!.. Къ чорту этотъ крикъ слабенькихъ душенокъ. Схватить надо жизнь-то...

— А какъ схватить?

— Чортъ ее знаетъ—какъ...

Въ двѣнадцатомъ часу я сталъ собираться уходить. Буринъ вызвался меня проводить.

Шли узкой Пушкинской улицей. Почему-то меня всегда угнетаютъ узкія улицы: идешь и молчишь, точно боишься домовыхъ стѣнъ.

— Пойдемте въ литературно-артистическій клубъ,— предложилъ онъ.

— Что тамъ дѣлать?.. Я не играю...

— И я не играю, а такъ... Поскучаемъ вмѣстѣ съ другими, кого-нибудь встрѣтимъ...

— Предпочитаю скучать въ одиночествѣ,—сказалъ я, а Буринъ разсмѣялся, но мнѣ не хотѣлось спросить его, почему онъ усмѣхнулся.

Вышли на Невскій.

Шли и молчали. Много трагическаго въ томъ, когда два пріятеля идутъ по улицѣ ночью и молчатъ: или они уже все переговорили и ничего не сказали, или сказали много важнаго, но не вѣрятъ въ то, о чемъ говорили. Не знаю, о чемъ думалъ Буринъ. Я шелъ и думалъ о героѣ его романа. Буринъ толкаетъ этого че-

ловѣка на путь общественнаго служенія, а самъ хочетъ итти въ какой-то клубъ, чтобы скучать съ другими. Что же онъ самъ не служитъ другимъ? Тогда не найдется времени для скуки.

— А по моему будетъ хорошо, если всѣ будутъ кричать: я жить хочу!.. понимаете, каждый это будетъ кричать,—прервалъ я молчаніе.

Буринъ только посмотрѣлъ на меня и ничего не сказалъ.

И опять предо мною образъ Софьи Владимировны. Какъ только придетъ на память это ея восклицаніе, такъ и вспоминаю о ней.

Какъ темная дымка, расплылся ея образъ надъ пасмурнымъ Невскимъ, окуталъ людей въ поздній часъ ночи и кажется мнѣ, что и каждый изъ этихъ идущихъ или ѣдущихъ способенъ крикнуть тоже: я жить хочу!..

— А, знаете, можетъ быть, и вправду я ошибку дѣлаю, толкая людей на служеніе какого-то общества, а общество-то это гнило! Никуда оно не годится! На кой же чортъ жертвовать себя этому обществу?.. А?.. Какъ вы думаете?..

— Кажется, это правда...

— Кажется?.. Нѣтъ, вы скажите мнѣ категорически... Пойдемте же въ клубъ,—вдругъ перемѣнивъ тонъ голоса, добавилъ онъ.

— Не пойду!..

И мы разстались.

«Счастье ближняго—цѣль жизни». Не разъ Буринъ повторялъ эту фразу сегодня. Какъ странно звучатъ эти слова. Точно не сами они пришли къ человѣку, а онъ выдумалъ ихъ. Разочаровался въ личномъ счастьѣ и выдумалъ слова, съ которыми еще хуже жить...

Буринъ вонъ носитъ ихъ, повторяетъ, а самъ не знаетъ, что съ ними дѣлать? Передать ли ихъ человѣку, ищущему смысла жизни, или замолчать,

оставить при себѣ. А для чего оставить ихъ при себѣ, если вонъ и Буринъ идетъ съ ними въ какой-то клубъ, чтобы поскучать вмѣстѣ съ другими.

Запутались мы всѣ въ чемъ-то!.. Запутались!..

И, кажется, пора крикнуть: «да распутайте же насъ!..»

XXXIV.

Женя Жижилевская—новый и вѣчно старый эпизодъ моего романа.

Милая, черноглазая хохлушка! Зачѣмъ я повстрѣчался съ нею сегодня? Зачѣмъ она опять встала на моемъ пути? Мой романъ уже кончается, быть можетъ, кончается и жизнь, или приближается къ концу и вдругъ знакомый милый образъ.

Бродилъ я по Невскому въ весеннія сумерки.

Горѣла заря за блестящимъ адмиралтейскимъ шпицемъ и небо было такое величественное и спокойное. А люди шли и ѣхали по проспекту, не замѣчая красивой весенней зари. Петербургскіе дворники сдѣлали для людей искусственную весну, поэтому люди и не замѣчаютъ ея.

Шелъ по Невскому въ весеннія сумерки и вспоминалъ весну на родинѣ. Припоминалась одна памятная ночь на рѣкѣ. Мы катались на лодкахъ по широкой, темной рѣкѣ, въ ночной мглѣ. Было шумно, весело, непринужденно. Молодежь, казалось, дышала счастьемъ и радостями жизни. Всѣ мы были «выпускные», томились за послѣдними экзаменами, мечтали объ университетахъ, институтахъ и курсахъ. Громко кричали о жизни, о нашей молодой будущей жизни! Пѣли пѣсни, и въ пѣсняхъ прославляли жизнь и счастье, спорили, и въ спорѣ звучали тѣ же звуки о жизни и счастьѣ. Свою жизнь и свое счастье мѣшали со счастьемъ дру-

гихъ, говорили о будущемъ служеніи обществу. Всѣ мы хотѣли служить этому обществу...

И помню я, только одна наша спутница молчала больше другихъ. Сидѣла она въ кормѣ той лодки, на которой былъ и я, сидѣла и молча правила весломъ. И умѣло правила она лодкой, какъ будто говоря всѣмъ намъ: «вотъ, вы всѣ кричите и спорите, а надо молча сидѣть въ кормовомъ веслѣ и править! надо умѣть править!..»

Я разсматривалъ незнакомую мнѣ дѣвушку, руку которой я впервые пожалъ въ эту ночь, когда насъ знакомили. Скоро я узналъ, что моя новая знакомая— Женя Жижилевская, гимназистка, кончившая съ золотой медалью. Я не видѣлъ ея раньше въ нашемъ кружкѣ только потому, что она никогда не разставалась съ своими книгами, училась усердно, политикой въ нашемъ кружкѣ не занималась.

Мнѣ всегда не нравились первые ученики и первыя ученицы, особенно изъ такихъ типовъ, какъ эта Женя. Она казалась мнѣ мертвой съ своими книгами, мертвой и ненужной и негодной для нашей молодой жизни.

Мы всю ночь плавали по темной, весенней рѣкѣ, приставали къ холоднымъ, влажнымъ берегамъ, собирали въ кустахъ вѣтви и сучья и жгли костры. Пили чай, ѣли бутерброды, смѣялись, пѣли и шумѣли. И слушали наше веселье, и видѣли нашу радость темные прибрежные кусты, съ оголенными вѣтвями; почки еще только набухали. И темные берега насъ слушали, и слушали насъ темныя воды весенней рѣки. И долго, и горячо мы спорили. И много говорилъ и спорилъ я въ эту ночь. Мнѣ хотѣлось въ эту ночь начать новую, сознательную жизнь, и я хотѣлъ, что бы всѣ присутствующіе признали мою философію жизни и пошли за мною.

Когда разсвѣло, ко мнѣ подошла Женя Жижилевская и сказала:

— Я хочу посмотрѣть, какой онъ при дневномъ свѣтѣ...

Она пристально разсматривала меня своими большими темными глазами. Блестящіе были эти глаза и что-то мягкое было въ нихъ.

— Посмотри, посмотри на него, Женя, какой онъ,— крикнула Варя Сапожникова, «дурнушка» нашего кружка, какъ мы всѣ думали о Варѣ.

— Женя, ты въ него влюбишься!—крикнула еще кто-то изъ подругъ Жени...

— Ну, нѣтъ, онъ не моего романа,—сказала Жижилевская и отошла.

Помню, это обидѣло меня. Такая красивая брюнетка и вдругъ такъ сказала обо мнѣ.

И долго потомъ, пока мы плыли черезъ рѣку, я сидѣлъ на носу лодки скучнымъ, и всѣ радости жизни казались мнѣ отуманенными, затемненными. И замѣтилъ я, что Женя часто смотрѣла на меня. Ловилъ я ее на вниманіи къ себѣ, а она отводила глаза и иронически улыбалась. Она играла со мною, но ни кто изъ присутствующихъ не замѣтилъ этого. И часто послѣ этой ночи мы съ Женей встрѣчались и чувствовали, что наши встрѣчи не напрасны.

Потомъ встрѣчались въ Петербургѣ, какъ земляки, встрѣчались часто. Любили мы другъ друга, это было ясно для обоихъ, но никогда не говорили о любви. Между мною и ею стояли сказанныя ею слова: «онъ не моего романа», и эти слова вырастали въ высокую и крѣпкую стѣну. Не знаю я, что мѣшало Женѣ говорить о ея любви, а, можетъ быть, она меня и не любила, и это такъ, только казалось мнѣ.

Помнится, когда я промѣнялъ университетъ на академію художествъ, Женя была этимъ опечалена. Потомъ мы стали рѣже съ нею встрѣчаться, и скоро я

узналъ, что она влюблена въ своего земляка, студента Завріенко.

«Хохлушка полюбила неинтереснаго, но хорошо занимающагося хохла! Ну, и Богъ съ вами! Любите другъ друга. Одна книга полюбила другую!..»

Такъ успокаивалъ я себя, хотя мнѣ и было досадно, что Женя полюбила хохла Завріенко.

Но почему я сегодня вспоминалъ о Женѣ Жижилевской? Шелъ по Невскому и вспоминалъ. Когда увлекся Галиной, совсѣмъ не вспоминалъ о Женѣ и рѣдко встрѣчался съ нею.

Можетъ быть, и она шла по Невскому, и въ весеннія сумерки вспомнила обо мнѣ. Иначе, какъ же могло случиться: я шелъ, думалъ о ней, и черезъ полчаса встрѣтился.

Она первая узнала меня, вернулась и, опережая меня, сказала:

— Вы никого не узнаете, знаменитый художникъ!

Сказала ироническимъ тономъ и протянула руку.

— Вы, по обыкновенію, блуждаете по Невскому?— спросила она и добавила:—проводите меня до публичной библіотеки.

И мы пошли рядомъ.

— А вы все учитесь?.. Когда же будете жить?— спросилъ я ее, и мнѣ хотѣлось, чтобы она почувствовала въ тонѣ моего голоса иронію.

— Когда всему выучусь, тогда буду жить,—отвѣчала она.

— Будете докторомъ?

— Да, буду.

— Будете лѣчить людей?

— Да... А вы все сердитесь на людей?—спросила она и теперь я почувствовалъ иронію въ ея голосѣ.

— А кто вамъ это сказалъ?

— Всѣ, кого ни спросишь о васъ. Я васъ нерѣдко встрѣчаю на улицахъ, но вы меня не узнаете.

— Простите, если это было, но я не хотѣлъ быть невѣжей...

— Ну, не извиняйтесь! Это такъ не важно!

Она сказала и заглянула мнѣ въ глаза. И прочелъ я въ этихъ глазахъ какую-то скрытую игру страсти.

Знакомая искра дивныхъ, черныхъ глазъ, но отчего эта искра не зажигаетъ меня?

И меня опять потянуло къ Женѣ.

— Зайдемте въ скверъ, посидимъ немного...—предложилъ я.

— Я иду работать,—отвѣтила она.

— Ну, отдохните немного, посидите со мной, я такъ давно не встрѣчалъ земляковъ...

Она покорно согласилась, и мы перешли улицу отъ угла публичной библіотеки къ скверу.

Когда мы заняли на скверѣ скамью, на противоположномъ концѣ которой сидѣла какая-то дама съ двумя дѣвочками, я сказалъ Женѣ:

— Я шелъ по Невскому, и почему-то вспомнилъ о васъ, и вотъ мы повстрѣчались.

Съ какимъ-то испугомъ въ глазахъ, она посмотрѣла на меня: ожидала ли она чего-нибудь страшнаго отъ моего вступленія или слова мои напомнили ей о чемъ-то давнемъ... Не знаю я...

А она сказала:

— Очень рада, что вы хоть иногда вспоминаете обо мнѣ.

— Почему рады?..

— Да, такъ!.. Вѣдь мы все же земляки...

Она помолчала и добавила:

— Помните, когда вы бросали университетъ, я говорила вамъ, что академія васъ погубитъ... вотъ и...

— Вы что же думаете—я погибъ?..

— Ха-ха! Какой вы странный!.. Но развѣ по вашему лицу нельзя объ этомъ судить? А потомъ, вы помните... Варю Сапожникову... Она здѣсь, замужемъ за однимъ важнымъ старичкомъ, и этотъ старичокъ прикосновененъ къ вашей академіи. И вотъ онъ говорилъ мнѣ, что васъ всѣ считаютъ погибшимъ...

— Вотъ какъ?..

— Да... Васъ считаютъ большимъ талантомъ, но... но что же вы дѣлаете?..

— Какъ, что дѣлаю?..

— Впрочемъ, это не мое дѣло... Давайте говорить о чемъ-нибудь веселомъ.

— Давайте вспоминать юность,—предложилъ я.

— Ну, это не интересно!..

Она посмотрѣла на маленькіе часики и встала.

— Однако, я пойду... У меня такъ много дѣла... Послѣзавтра экзаменъ...

Она протянула мнѣ руку, а я, не вставая со скамьи, держалъ эту руку и не выпускалъ изъ своихъ пальцевъ. И я слышалъ трепетъ ея руки.

— Посидите еще немного... Ну, я прошу васъ!..

Она выдергивала свою руку изъ моихъ сжатыхъ пальцевъ и негромко, но протестующе повторяла:

— Пустите же, на насъ смотрятъ!..

Она съ испугомъ на глазахъ посмотрѣла на даму, сидѣвшую на другомъ концѣ скамьи, и продолжала вырывать руку.

И молча отошла она, и спѣшно пошла. Я догналъ ее въ воротахъ сквера.

— Евгенія Даниловна... выслушайте меня!..

— Я, право, тороплюсь... Заходите ко мнѣ!..

Она пробормотала свой адресъ, и мнѣ показалось, что она невзначай сдѣлала это.

— Выслушайте меня!.. Почему вы не хотите минуту побыть со мною?..

У большого крыльца библіотеки она пріостановилась и сказала:

— Вы такой странный... до свиданія!..

И скрылась отъ меня какъ видѣніе. А я стоялъ обиженнымъ и разочарованнымъ.

Если бы она выслушала меня... Если бы я не прерывалъ своихъ встрѣчъ съ Женей, быть можетъ, она и полюбила бы меня.

Можетъ быть, я самъ оттолкнулъ отъ себя счастье, когда увлекся Галиной...

— Галина!.. Галина!.. Что же ты въ моей жизни?

Счастье мое? или мое горе?..

XXXV.

Какъ все это быстро случилось и неожиданно. Впрочемъ, я давно этого ждалъ... Я надѣялся на это...

7 часовъ вечера... Почти каждый день въ этотъ часъ она заходитъ ко мнѣ... Такъ живемъ мы уже недѣли три. Что-то случилось такое, что вдругъ сблизило насъ. Какая сила сдѣлала это, я не знаю.

Сегодня я опять жду ее, какъ вчера, какъ третьяго дня... Мы каждый день видимся и не можемъ не дѣлать этого. Еще такъ недавно я старался скрыть отъ нея свою влюбленность, хотя мнѣ и плохо это удавалось. И тогда я любилъ повторять про себя:

Она никогда его не любила,
А онъ ее тайно любилъ...

Теперь я не могу сказать того же. Она знаетъ, что я люблю ее, и я знаю: она меня любитъ.

Сегодня она не придетъ. Скоро девять часовъ. Прошло два часа моихъ напрасныхъ ожиданій, два часа моей тайной радости. Пойду гулять. Ночь обѣщаетъ быть свѣтлой. Взошла луна. Покойный, голубоватый лежитъ

на кровляхъ снѣгъ и искрится. Странно мерцаютъ огоньки въ окнахъ большихъ и темныхъ домовъ.

Вышелъ на улицу и шелъ съ какой-то странной сосредоточенностью. Почему-то всматривался въ неровные камни панели и точно искалъ чего-то.

На углу Малаго мы повстрѣчались.

— Простите! Я опоздала,—сказала она.

Мы все еще на «вы», и никакъ не можемъ перешагнуть какой-то грани въ нашихъ отношеніяхъ, точно намъ не слѣдуетъ еще переходить на «ты». Какъ будто мы еще только на перепутьи къ чему-то.

Она крѣпко пожала мнѣ руку, какъ и недѣлю назадъ, и двѣ... Тогда пришла она поздно. Сначала сидѣла хмурая и тоскующая, потомъ какъ-то странно расхохоталась и высказала желаніе выпить рюмку ликера. Я зналъ, что она любитъ бенедиктинъ, и для нея всегда держалъ ликеръ. Она точно стряхнула съ себя какую-то думу и все подзадоривала меня своимъ напускнымъ весельемъ...

Въ тотъ же вечеръ она отдалась мнѣ.

Она была моей и сегодня.

Въ первомъ часу ночи, послѣ страстнаго и бурнаго свиданія, я провожалъ ее. Мы шли подъ руку, какъ мужъ и жена. У Николаевскаго моста она сѣла на извозчика и уѣхала, а я долго бродилъ по набережной и все думалъ, и никакъ не могъ связать своихъ думъ во что-либо опредѣленное. Какой-то вихрь безпорядочныхъ думъ кружилъ меня.

И только опредѣленные эпизоды изъ нашихъ встрѣчъ за эти дни всплывали особенно ясно. Какъ хорошо, что всѣ эти дни мы не вспоминали о Рылѣевѣ. Мы оба, точно сговорившись, избѣгали упоминать это имя. Помню, когда она стала моею, я съ какой-то циничной настойчивостью въ голосѣ спросилъ:

— Кому ты принадлежала раньше?

Она промолчала, и брови ея сдвинулись.

— Кому? Говори же...

Лицо ея поблѣднѣло, глаза расширились, но она молчала.

Застегивая лифъ и поправляя прическу, она съ ненавистью смотрѣла на меня, а я ходилъ по комнатѣ спѣшными шагами, и мнѣ стоило большихъ усилій, чтобы не броситься на нее и не растерзать ее за это молчаніе.

— Скажи же мнѣ, кому ты принадлежала!—кричалъ я отъ двери, боясь подойти къ ней.

Въ это мгновеніе она казалась мнѣ большою и сильной, и я боялся подойти къ ней. А самому себѣ я казался жалкимъ. И вотъ только въ эту минуту я понялъ, что потерялъ все раньше, нежели получилъ.

Потомъ я цѣловалъ ея глаза, лобъ, руки и старался утѣшить, а она плакала какими-то тихими слезами, и плечи ея вздрагивали, точно ей было холодно отъ моихъ ласкъ.

Вотъ мы примирились. Сидѣли рядомъ на диванѣ. Она прислонилась ко мнѣ своимъ, все еще вздрагивающимъ плечомъ и разсказывала мнѣ о своемъ длительномъ романѣ съ Рылѣевымъ.

Онъ обѣщалъ на ней жениться, и вотъ чѣмъ кончилось это обѣщаніе.

Такъ же, какъ и сегодня, въ тотъ памятный вечеръ я проводилъ ее до Николаевскаго моста, усадилъ на извозчика, и она уѣхала. А я бродилъ по набережной и переоцѣнивалъ мое счастье. Я обладаю любимой дѣвушкой. Раньше кто-то другой обладалъ ею, а теперь я...

И я смѣялся надъ собою въ душѣ, какъ смѣюсь теперь и долго буду смѣяться.

Буду казаться довольнымъ судьбою. Подержанное счастье дала она мнѣ, но что же? Другіе и этого не

имѣютъ. У Софьи Владимировны и этого не было. У нея было недолгое, ворованное счастье.

Она была интересна въ минуты страданія. Мое обладаніе подержаннымъ счастьемъ дѣлаетъ меня страдающимъ. И я хочу только одного: чтобы кто-нибудь не узналъ о моихъ страданіяхъ. Буду казаться счастливымъ и другимъ всѣмъ, и Галинѣ... Только бы никто не отгадалъ новой моей тайны, только бы никто не касался моего самолюбія... Оно такъ чутко теперь!

XXXVI.

Прошла зима. Пронеслись ея снѣжныя бури. Растаяла пелена снѣга и незамѣтно умчалась куда-то въ потокахъ вешней воды... Унесли эти вешнія воды съ собою и мои силы...

Распустились деревья. Вскрылась Нева. Засинѣло небо въ ясные солнечные дни, а мнѣ ничего не дала новаго весна. Бѣлыя ночи треплютъ нервы. Скорѣе бы уѣхать и не слышать вешнихъ гимновъ большого города: никакъ я не могу пристроиться къ этому странному хору!..

Тяготится бѣлыми ночами и Галина.

Мы живемъ съ нею, какъ мужъ и жена. Недостаетъ только того, чтобы мы повѣнчались, наняли квартиру, обзавелись обстановкой. А сдѣлай мы все это, и никто не отличитъ насъ отъ десятка тысячъ такихъ же счастливыхъ паръ.

Галина усердно работаетъ, недѣли двѣ назадъ начала большой пейзажъ. Я ничего не дѣлаю всю весну, зато разбогатѣлъ. У меня купили три большихъ картины и два этюда.

Мы съ Галиной рѣшили проѣхаться по Волгѣ. Отдохнемъ въ пути, потомъ устроимся гдѣ-нибудь на

Кавказѣ и займемся этюдами. Я чувствую, что небо и море юга увлекутъ меня. Для меня они еще что-то неопредѣленное, манящее.

Жанръ ненавижу; такъ много люди требуютъ силъ и энергіи—даже воплощенные въ краскахъ. Ваничка вонъ любитъ своихъ мужиковъ настолько, что у него и боги похожи на Сидоровъ и Ивановъ.

Пусть моимъ Богомъ будетъ голубое море, широкое, вольное, бурное! Пусть моимъ Богомъ будетъ небо, безграничное, свѣтлое, ясное! Я сольюсь съ моремъ и разскажу его синимъ далямъ о моей тоскѣ. Я сольюсь съ темнымъ ночнымъ небомъ и повѣдаю его яркимъ звѣздамъ мою печаль!..

Черезъ недѣлю мы ѣдемъ—какъ мужъ и жена. Странно, я сжился со своимъ «поношеннымъ счастьемъ»... Даже какъ-то удобно, какъ въ поношенномъ платьѣ: нигдѣ не жметъ, а главное... Когда сдѣлаешь новый костюмъ, все боишься, какъ бы его не замазать, да не измять. Вѣдь, это, въ концѣ-концовъ, скучно! За новый костюмъ и дрожишь больше, какъ бы не украли!..

Меня серьезно начинаетъ занимать одинъ сюжетъ. Какъ бы опять не вернуться къ жанру?

«Счастье» многіе изображали въ краскахъ, а вотъ если бы написать нѣчто такое, подъ чѣмъ можно бы было подписать «Поношенное счастье»...

Сегодня вечеромъ сказалъ объ этомъ Галинѣ, разсказалъ даже сюжетъ.

Одобрила и сказала:

— Очень оригинально!

XXXVII.

Наше путешествіе по Волгѣ разстроилось. Остановившись въ Москвѣ, я отыскалъ своего товарища, Юденича.

Сынъ богатаго помѣщика, модный московскій портретистъ, Юденичъ жилъ, какъ немногіе художники. Мастерская у него прекрасная. Стеклянный, выгнутый сводомъ потолокъ давалъ много свѣта, стеклянныя рамы, вмѣсто стѣнъ, дѣлали мастерскую похожей на какую-то ажурную коробку. Тамъ и тутъ, возлѣ стѣнъ, стояли мольберты съ полотнами разныхъ величинъ, съ разнообразными законченными или начатыми портретами женщинъ и мужчинъ. Здѣсь, въ этомъ храмѣ свѣта, люди перевоплощаются въ краски, и Юденичъ является творцомъ этого перевоплощенія. Работы его, особенно въ портретной живописи, всегда шли впереди другихъ. Какъ портретистъ, на рыночномъ языкѣ Юденичъ «дорогой художникъ». Только крупные буржуа, да большой чиновный міръ удостоивались претворенія въ храмѣ свѣта на Кузнецкомъ.

Слуга передалъ мою карточку, и Юденичъ въ ту же минуту встрѣтилъ насъ на порогѣ мастерской. Съ Галиной онъ знакомъ былъ и раньше, и почему-то не удивился, встрѣчая насъ вмѣстѣ.

Онъ быстрымъ движеніемъ подскочилъ къ Галинѣ, припалъ къ ея рукѣ губами, а потомъ долго жалъ эту руку въ свѣтло-розовой перчаткѣ. Галина почему-то смутилась, но потомъ скоро оправилась.

Юденичъ говорилъ быстро, не скупясь на привѣтствія и комплименты, и голосъ его звучалъ вкрадчивыми, нѣжными нотками, а глаза мягко и весело улыбались.

Галина была возбуждена пріемомъ элегантнаго красавца и замѣтно измѣнилась: куда-то исчезла усталость послѣ переѣзда, глаза разгорѣлись, лицо оживилось.

Галина—неглубокая натура, и все внѣшнее, гремучее и пышное, всегда захватываетъ ее всю.

Часъ спустя, послѣ сытнаго обѣда, когда мы пили кофе съ ликерами, Юденичъ сказалъ, обращаясь къ Галинѣ:

— Галина Николавна, вы, разумѣется, не откажетесь мнѣ позировать?

Она подняла на него глаза, и все лицо ея вспыхнуло отъ возбужденія. Получить такое предложеніе отъ избалованнаго Юденича, отказывающаго многимъ желающимъ, это обстоятельство могло возбудить и не такого человѣка, какъ Галина.

— Если хотите... да...—отвѣтила Галина.

— Было бы обидно... больше, было бы святотатствомъ, если бы вы не разрѣшили мнѣ. Мнѣ хотѣлось бы зарисовать васъ теперь... вотъ въ этомъ платьѣ, съ этой, немного растрепавшейся прической.... И бѣлое платье къ вамъ такъ идетъ. Еще хорошо бы набросить на голову свѣтло-красный вуаль...

— Почему свѣтло-красный?

— О! Это мой секретъ! Ты увидишь, что это выйдетъ! Хорошо бы поставить васъ на зеленый лужокъ... Господа, мнѣ пришла въ голову фантазія!.. Ѣдемъ къ отцу въ усадьбу? Право! А?

— Вѣдь, нашъ планъ по Волгѣ...

— Успѣете и по Волгѣ! Право! Галина Николавна, я буду просить васъ. Евгенія, я знаю, уговорить нелегко, а вы... мнѣ помогите. Я непремѣнно долженъ написать съ васъ... У меня задумана одна вещь... Пойми ты, Евгеній, что мнѣ надоѣло писать съ купчихъ да генеральшъ... Ѣдемъ!.. Ѣдемъ, господа! Вы можете, если хотите, отправиться хотя бы завтра, когда угодно, а я черезъ недѣлю непремѣнно буду. Вѣдь только полсутокъ ѣзды.

По лицу Галины я могъ судить о томъ, что она согласна. Юденичъ всегда отличался способностью уговорить. Что-то въ немъ есть такое. Не даромъ его называютъ «покорителемъ». Занятый безъ конца портретами, онъ такъ научился вліять на женщинъ.

— Я согласна... Не знаю, какъ Евгеній...—сказала она, наконецъ.

— Ѣдемъ,—отвѣчалъ я.

Когда мы расположились въ сосѣдней съ мастерской комнатѣ, чтобы передохнуть, Галина, все еще возбужденная разговоромъ съ Юденичемъ, сказала:

— Какой онъ милый! Какъ хорошо! Онъ будетъ писать съ меня! Ты хорошо его знаешь?

— То-есть, какъ?

— Ну, какъ человѣка?

— Знаю... Но онъ всегда считался у насъ дворянчикомъ... Чистенькій онъ всегда такой, не знаетъ, что значитъ быть голоднымъ...

— Но, это хорошо,—съ наивностью въ голосѣ сказала Галина.

— Конечно, хорошо! Но только все его писаніе свелось чортъ знаетъ къ чему! Ну, кому, въ сущности, нужны московскія купчихи въ ихъ изображеніи? Постоитъ портретъ какой-нибудь Миликтрисы Кирбитьевны на выставкѣ, а потомъ повѣсятъ его въ этакой безвкусной гостиной...

— Значитъ, ты отрицаешь портретную живопись?—перебила меня Галина.

— Такъ, какъ она поставлена, да! Большіе таланты, какъ Юденичъ, должны писать только съ большихъ людей, и работы ихъ—цѣнность галлерей. Значительные типы нужны портретному искусству, а съ купчихъ бы ужъ писали ученики, которымъ надо прокормиться.

Галина не спорила. Мы часто расходимся съ нею въ разговорѣ объ искусствѣ.

— Вотъ ты сама убѣдишься,—продолжалъ я.—Будетъ съ тебя писать Юденичъ не ради того, чтобы получить хорошій гонораръ, и твой портретъ будетъ цѣннѣе многихъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Мое замѣчаніе, повидимому, понравилось Галинѣ, и она взглянула на меня примиренно.

Вечеромъ Юденичъ увелъ меня къ себѣ въ кабинетъ для разговора по секрету.

— Ты знаешь, здѣсь такая исторія разыгралась!.. Едва не кончилось дѣло дуэлью. Гуляевъ далъ пощечину Рылѣеву.

— Да что ты?

— Я буду откровеннымъ,—продолжалъ Юденичъ.— Я знаю о романѣ Галины Николавны съ Рылѣевымъ. Аркадій, вѣдь, плохой джентльменъ, хвастался предо мною. Встрѣтился онъ съ Гуляевымъ у меня. Вотъ въ этомъ кабинетѣ вся исторія и разыгралась. Гуляевъ не подалъ ему руки. Они, вѣдь, давно разошлись. Рылѣевъ хотѣлъ, было, примириться, но Гуляевъ отвергъ это и сказалъ: «Послѣ вашего отношенія къ Блавадской, я пересталъ бы васъ пускать въ домъ». Тутъ и произошло столкновеніе. Гуляевъ ударилъ Рылѣева, а тотъ кинулся къ нему съ кулаками, насилу ихъ рознялъ.

— Что же дальше?

— А дальше... Рылѣевъ убоялся дуэли и уѣхалъ куда-то на югъ.

— Съ битой физіономіей?

— Съ битой! Что же подѣлаешь! Мнѣ очень жаль Галину Николавну... Славный она, кажется, человѣкъ! Я очень радъ, что вы согласились поѣхать къ отцу; прекрасно отдохнете! Ты, вѣдь, знаешь, каковъ мой стариканъ. Около него всегда такъ тепло живется!

Порѣшили ничего не разсказывать Галинѣ.

XXXVIII.

Къ нашему пріѣзду въ обширномъ домѣ Юденича были приготовлены двѣ прекрасно меблированныя комнаты во второмъ этажѣ.

Старикъ Юденичъ встрѣтилъ насъ съ большимъ радушіемъ и такъ, какъ будто мы были его старые знакомые.

— Прекрасно надумали, прекрасно! Я люблю, когда друзья Юрія ко мнѣ пріѣзжаютъ; молоды вы, жизни въ васъ много, а для меня, старика, это теперь такъ далеко!..

Старикъ Юденичъ былъ человѣкъ большого роста, плечистый, съ красивой головою въ густыхъ сѣдыхъ волосахъ. Глаза большіе, сѣрые и добрые-добрые; рѣчь—тихая, нѣжная.

Онъ старательно угощалъ насъ за обѣдомъ, приказалъ даже подать «старки», водки, выдержанной въ его погребахъ много лѣтъ. Галину угощалъ стариннымъ медомъ въ запыленной и грязной бутылкѣ.

Послѣ обѣда, старикъ Юденичъ самъ довелъ насъ до отведенной намъ комнаты.

— А вотъ сей человѣкъ, Корнилъ, обязанъ исполнять ваши приказанія,—указалъ онъ на молодого, бритаго лакея, который стоялъ въ коридорѣ въ почтительно-выжидательной позѣ.—Пожалуйста, чувствуйте себя, какъ дома... У насъ ужъ такіе порядки...

Мы въ восторгѣ отъ парка и окрестностей. Усадьба, какъ древній замокъ, на высокой горѣ, внизу рѣка, излучиной огибающая и паркъ, и домъ, и службы, такъ что съ трехъ сторонъ усадьба недоступна безъ лодки. Черезъ густой сосновый боръ проложена широкая аллея, а направо и налѣво отъ дороги—луга и поля.

— Боже мой, сколько бы можно было сдѣлать, живя въ такой обстановкѣ, въ этой тишинѣ, въ этомъ уютѣ!—выразила свое восхищеніе усадьбой Галина.

— Да! Я, кажется, никогда бы и не уѣхалъ отсюда,—сказалъ я и тотчасъ же, конечно, посмѣялся надъ собою и добавилъ:

— Хорошо, Галина, выстроить роскошный и уютный

замокъ въ душѣ, а тогда можно прожить и въ петербургской комнатѣ, гдѣ-нибудь на чердакѣ.

— Ну, ты опять со своей теоріей опрощенія...

И она поморщилась и сдвинула брови.

За послѣднее время мы часто споримъ съ Галиной, и споръ этотъ все больше и больше разоблачаетъ насъ обоихъ. Я стараюсь сгладить даже маленькія недоразумѣнія и все думаю: вотъ сживемся мы, узнаемъ другъ друга, и тогда жизнь потечетъ, ровная и спокойная. Почему-то, вѣдь, всегда заботятся, чтобы семейная жизнь была ровной и спокойной. Галина, какъ я замѣчалъ, не особенно озабочена нашими разногласіями, и это начинаетъ меня безпокоить...

XXXIX.

Солнце сѣло, и румяная заря догорала на западѣ. Изъ овражка тянуло прохладой. Деревья сада стояли тихо, не шелохнувъ листвою. И все кругомъ хранило тишину, засыпала природа, засыпали люди...

Обыкновенно по вечерамъ мы долго сидѣли на обширной открытой террасѣ, слушали соловьевъ или просто сидѣли и бесѣдовали.

Маркъ Давидовичъ—человѣкъ мало разговорчивый, но иногда и на него находилъ стихъ словоохотливости. Бывалъ и онъ оживленнымъ, разсказывая мѣстныя новости или вспоминая старину. Чаще же всѣ мы увлекались шахматами. Маркъ Давидовичъ прекрасно играетъ, недурно играетъ и Галина. И часто они подолгу засиживаются за шахматнымъ столикомъ, а я въ одиночествѣ брожу по темнымъ аллеямъ парка или сижу на террасѣ около граммофона и мѣняю пластинку за пластинкой. Галина очень любитъ музыку и, не особенно одобряя граммофонъ, теперь слушаетъ машину терпѣливо.

Сегодня мы сидѣли на террасѣ вдвоемъ съ Маркомъ Давидовичемъ. Галина жаловалась на головную боль послѣ душнаго дня и ушла къ себѣ рано. Маркъ Давидовичъ также жаловался на головную боль и теперь былъ не въ духѣ, что выражалось у него мрачной сосредоточенностью и короткимъ и нервнымъ покашливаньемъ. Сидѣли мы съ нимъ за чаемъ и молчали.

Часу въ одиннадцатомъ вдругъ онъ всполошился.

— Слышите? Какъ будто колокольчики!..

Я прислушался, подошелъ даже къ краю террасы, но никакихъ колокольчиковъ не слышалъ.

— Вѣдь это Юрій ѣдетъ,—выкрикнулъ онъ и позвонилъ.

Миуту спустя и я различилъ звонъ колокольцевъ. А пять минутъ спустя мы уже встрѣчали Юрія Юденича.

Онъ долго обнималъ отца и цѣловалъ его особенно крѣпко и любовно, а Маркъ Давидовичъ бормоталъ:

— Бомбой ты какой-то всегда нагрянешь! Вчера получилъ письмо, пишешь, что еще недѣлю проживешь въ Москвѣ, и вдругъ...

— А, надоѣло мнѣ все московское! Бросилъ все и— маршъ! Ну, а какъ ты, Евгеній, устроился тутъ? Доволенъ? А что Галина Николавна?

— Она нездорова немного сегодня...

— Нездорова? Бѣдняжка, нервочки у нея подгуляли.

Мы перешли въ столовую. Пили чай съ коньякомъ. Юденичъ съ жадностью проголодавшагося человѣка расправлялся съ рябчикомъ. Онъ ѣлъ и все время говорилъ:

— Разскажу вамъ, господа. курьезъ. И тебѣ, папочка, будетъ понятно, почему я опоздалъ... т.-е. неожиданно явился. Ѣду въ дачномъ поѣздѣ недалеко отъ Москвы... Ну, и, разумѣется, дама встала мнѣ на перепутьи,—началъ Юрій.

— Ну, конечно, дама... Ха-ха-ха. У тебя вѣчно недоразумѣнія съ дамами,—перебилъ его отецъ.

— Нѣтъ, ты подожди, отецъ! Въ данномъ случаѣ увлеченіемъ и не пахло. А я прямо-таки сбѣжалъ. Представьте себѣ, господа, даму этакъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, полную, дородную и, что называется, тѣльную! Физіономія—во, какая, рѣшето или подносъ! Глазки узенькіе, выцвѣтшіе, щеки красныя, пухлыя и съ этакими морщинками одряхлѣнія... Узнала во мнѣ сія дама портретиста московскаго, и ну кокетничать и глазки строить, а черезъ четверть часа мнѣ ее уже представляютъ. Что, думаю, за оказія? А потомъ все и выяснилось. Потомки ея, видите ли, непремѣнно захотѣли имѣть портретъ бабушки, тетушки или что-то въ этомъ родѣ. Ну, и, значитъ, позировать. Нарочно заломилъ громадную цифру, думаю—откажется. Ужъ больно противной она мнѣ показалась. Нѣтъ-таки, на все пошла. Пишу въ этакомъ розовомъ платьѣ, а она посмотритъ, посмотритъ да и говоритъ: «Ужъ очень вы меня старой дѣлаете».— Ничего, говорю, это только еще фонъ.—А потомъ и пошла писать: то морщинокъ поубавь, то носъ почему-то крючковатый вышелъ. А носъ у нея крючкомъ. Сдѣлалъ я ее этакъ лѣтъ на десять или на пятнадцать помоложе, да и бросилъ.

Юрій окончилъ разсказъ, посмотрѣлъ на меня тусклыми глазами и добавилъ:

— Вотъ, Женичка, какимъ искусствомъ приходится заниматься портретистамъ! Всѣ мои натуры удивительно какъ любятъ и молодость, и красоту. А? Ха-ха-ха! Впрочемъ, все это ерунда! Ну, а ты чѣмъ-нибудь увлекся? У насъ тутъ есть на прудахъ великолѣпныя заросли.

— Ничего я не писалъ,—отвѣтилъ я.

— Юрій, дай ты Евгенію Александровичу отдохнуть, вѣдь онъ недавно боговъ писалъ,—вступился за меня Маркъ Давидовичъ.

— Иной разъ мнѣ кажется, что боговъ писать луч-

ше, тѣ хоть безмолвны: какъ ни нарисуй, претендовать не будутъ, а вотъ человѣческое тѣло страшно капризно!

Въ столовой появился Корнилъ и сообщилъ мнѣ, что Галина проситъ меня наверхъ.

Она лежала на оттоманкѣ съ компрессомъ на головѣ. Меня напугала блѣдность ея лица и блескъ лихорадочныхъ глазъ.

— Голубчикъ, что съ тобой? Тебѣ хуже?

— Нѣтъ,—коротко отвѣтила она.—Говорятъ, Юрій Марковичъ пріѣхалъ? Какъ жаль, что я не могу выйти къ нему.

— Голубчикъ, но ты его увидишь завтра, вѣдь онъ на мѣсяцъ сюда пріѣхалъ.

Она неопредѣленнымъ взглядомъ повела по комнатѣ и перемѣнила компрессъ.

— Ну, я на покой,—сказалъ мнѣ Маркъ Давидовичъ, когда я вошелъ въ столовую.—Юрій на террасѣ. Онъ хотѣлъ бы побесѣдовать съ вами...

Мы распрощались, пожелавъ другъ другу спокойной ночи.

Юрій сидѣлъ на перилахъ террасы, прислонивъ голову къ бѣлѣвшей въ сумракѣ балюстрадѣ. Лицо его было приподнято, и глаза устремлены вдаль, въ сумракъ тихой и теплой іюльской ночи.

— Какія прекрасныя зарницы! Смотри, какъ онѣ робко и какъ ярко вспыхиваютъ.

Онъ помолчалъ, прислушиваясь къ голосамъ ночи, и добавилъ:

— Какъ давно я не видѣлъ такихъ зарницъ! Не вслушивался въ тишину ночи, не видѣлъ такихъ звѣздъ. Далеко мы, Евгеній, живемъ отъ природы, а все больше съ человѣческими тушами имѣемъ дѣло. Кажется, брошу я милыя рожи и уйду въ лѣсъ.

— Юрій, но твои портреты прекрасны,—возразилъ я.

— Прекрасны, товарищъ? Можетъ быть!.. Но почему ко мнѣ не приходятъ позировать уроды, мерзавцы, казнокрады? И почему я не могу написать ихъ со всей правдой? Вѣдь только тогда и было бы въ моей работѣ искусство, а мнѣ приходится писать рожи, прикрашивать ихъ и омоложать. Вѣдь это же не искусство! Не искусство!..

— Ну, такъ брось...

— Объ этомъ вотъ я и думаю...

Мы помолчали. Тихо свѣтились въ небѣ звѣзды. Въ безмолвіи дремалъ паркъ. Вспыхивавшія вдали зарницы все чаще слѣпили намъ глаза. Изъ-за деревьевъ парка вставала темная туча. Деревья, полчаса назадъ безмолвныя, чуть слышно зашептались листвою, и слышалась въ этомъ шопотѣ тревога ночи, тревога гдѣ-то нарастающей, приближающейся грозы. И сердце ныло какой-то тревогой и точно ждало чего-то.

— Галина Николавна серьезно больна? — спросилъ Юрій.

— Нѣтъ... Сегодня было очень душно весь день, голова разболѣлась...

— Беречь тебѣ надо ее, хрупкая она...

Онъ сказалъ это какимъ-то тихимъ, нѣжнымъ голосомъ и спряталъ отъ меня лицо, точно боялся, что я что-то прочту въ немъ.

«Беречь? Но почему это заботитъ тебя?»—подумалъ я, и сердце мое еще тревожнѣе забилось. Прогудѣлъ чуть слышный раскатъ грома и отозвался во мнѣ тревогой. Изъ темныхъ тучъ глядѣла на меня приближающаяся гроза и пугала своими тайнами.

Юрій поднялъ лицо къ небу, точно прислушиваясь къ раскатамъ грома, но небо молчало. Ужели ему хочется бури? хочется грозы?.. Какъ бы я хотѣлъ отдохнуть отъ всего этого!..

Тихія, темныя іюльскія ночи, еще вчера сулили вы мнѣ покой и отдыхъ...

Вчера мы съ Галиной вдвоемъ сидѣли на террасѣ, смотрѣли на яркія молчаливыя звѣзды, слушали голоса тихой ночи. И мнѣ казалось—покой природы примирилъ меня съ Галиной, объединилъ меня съ нею, примирилъ меня и съ моимъ «поношеннымъ счастьемъ». Вчера хотѣлось плакать отъ тихаго счастья, а сегодня опять на душѣ тревога...

Какое право у меня ревновать Юрія? А я ревную... ревную... Надвигается на меня это страшное, проклятое чувство и сжигаетъ волю, разсудокъ и не щадитъ моего сердца.

Юрій повернулъ ко мнѣ лицо, пристально всмотрѣлся и сказалъ:

— Какой-то ты неузнаваемый, новый сталъ... Что съ тобой?

— Не знаю я... кажется, ничего...

— Старѣемъ мы, что ли, или утрачиваемъ что-то... постепенно...

— Почему постепенно? А, можетъ быть, сразу?

И мы опять молчали и, каждый по-своему, думали, а о чемъ? Юрій не походилъ на меня, онъ постепенно утрачиваетъ что-то, а я утратилъ сразу и все... и только «поношенное счастье»—украшеніе моей жизни!

Надвигались на небо темныя тучи, тревожными спутанными голосами гудѣли деревья, и зарницы вспыхивали все чаще и чаще, и чаще доносились раскаты грома.

— Пойдемъ, Евгеній, пройтись по аллеѣ,—предложилъ Юрій.—Я люблю грозу въ лѣсу!

И мы сошли съ террасы и направились вдоль широкой липовой аллеи къ пруду съ тѣнистыми заводями.

— Позволь!.. а какъ же мы пойдемъ? Если Галина Николавна позоветъ тебя? — остановившись, спросилъ

онъ, а въ головѣ моей опять мелькнула мысль: «почему онъ такъ о ней заботится?» И опять тревожное ревнивое чувство укололо сердце.

Мы шли по темной аллеѣ. Навстрѣчу намъ неслась гроза. Шумѣли липы, вспыхивали молніи, и гулкіе доносились раскаты грома.

— Хочу просить Галину Николавну позировать мнѣ. Задумалъ я давно одну вещицу и хочу отдохнуть на ней. Шаблоны человѣческихъ лицъ натолкнули меня на одинъ образъ женщины. Понимаешь, это что-то неопредѣленное, безъ имени... Хочется воплотить мнѣ въ краскахъ женщину...

— Почему женщину, а не мужчину?—перебилъ я его.

— Почему? А потому, мой другъ, что мужчину я... Какъ бы это тебѣ сказать? Мужчину я боюсь писать, ужъ очень мы всѣ подлы! Женщина лучше!

— Ты думаешь?—перебилъ я снова.

— Убѣжденъ,—отвѣтилъ онъ и поворошилъ волосы.

Мгновенныя молніи озаряли его красивое лицо съ темными глазами. Вспыхивали молніи и потухали. Вспыхивали въ его глазахъ искорки и потухали.

— Я много зналъ женщинъ, Евгеній, и теперь, когда подвожу итогъ всѣмъ встрѣчамъ, думается мнѣ, что я во многомъ виноватъ передъ ними.

— Почему же у тебя сейчасъ покаянная минута?

— Не сейчасъ только... давно я ношусь съ этимъ... съ этимъ... какъ бы это сказать... съ этой мукой за свои ошибки...

— Всѣ женщины лживы и притворны,—сказалъ я, и Юрій пристально посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.—Онѣ сами наложили на себя печать мученичества, какъ награду за всю ту ложь и грязь, какая въ нихъ есть... И я удивляюсь тебѣ: зналъ ты много женщинъ, и еще идеализируешь ихъ и даже мучаешься за нихъ!

И я разсмѣялся громко и неудержимо, и мнѣ хотѣлось хохотомъ своимъ заглушить надвигающуюся грозу.

— Не смѣйся, Евгеній,—рѣзко оборвалъ онъ меня.— Надо же отдавать себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ. И вотъ пришла пора и для меня...

Мы дошли до пруда. Покойно мерцали въ темной глади его тихія далекія звѣзды. А у противоположнаго берега отражался край черной надвигающейся тучи. Вспыхивала яркими лентами молнія, и ослѣпительныя молніи загорались въ темной водѣ причудливыми зигзагами. Шуршали тростники, иногда безпокойная рябь пробѣгала по темной глади. И опять вспыхивали молніи и вновь потухали...

— Я хочу создать образъ страдающей женщины,— началъ Юрій, и по голосу его могъ судить, что онъ хочетъ сказать что-то значительное.—Я хочу на холстѣ написать мою покаянную передъ женщиной... Много любилъ я ее и много мучилъ!.. Но я мало страдалъ за женщину!.. Мы всѣ мало страдаемъ за нее!..

— А почему мы должны за нее страдать?—перебилъ я Юрія.—И, вообще... почему надо страдать за кого-нибудь?

— А заставлять страдать другихъ можно? Должно— ты скажешь?..

— Нѣтъ, не скажу этого. Жизнь заставляетъ насъ страдать. Она втискиваетъ насъ и въ трагедіи и въ комедіи...

— Въ жизни и безъ того много безотвѣтственнаго! А ты еще и самъ присочиняешь безотвѣтственность! Такъ можно все оправдать.

— Спаси меня Богъ, чтобы я все оправдывалъ,—перебилъ я его опять.—Есть вещи, вопіющія о наказаніи и возмездіи!..

— Ого!.. И ты берешь на себя и наказаніе и возмездіе?..

— Почему—я?.. Есть нѣчто, что этимъ распорядится...

— Что же это или кто это «нѣчто»!

— Не Богъ, конечно.

— А кто же?

— Самъ человѣкъ... Если я мужчина, я буду бороться съ женщиной. А женщина бороться со мною... И будетъ бороться, потому что у меня за пазухой всегда припасенъ для нея камень.

— И, по-твоему, укрѣплять надо эту братоубійственность?—перебилъ меня Юрій.

— Зачѣмъ укрѣплять, если она и безъ того крѣпнетъ съ каждымъ днемъ? Женщина въ борьбѣ съ мужчиной!.. Прислушайся, присмотрись, какъ боремся мы съ женщиной на рынкѣ труда, въ общественной жизни, въ семьѣ, какъ боремся съ нею въ роли любовниковъ...

— Вздоръ все это!—воскликнулъ Юрій:—ты проповѣдуешь борьбу съ существомъ, которое еще не поднялось на ноги. Но, Евгеній, есть поговорка: лежачаго не бей! Ужели же тебѣ не будетъ стыдно бить лежачаго?

— Я поднялъ лежачаго,—сказалъ я, и въ эту секунду мнѣ хотѣлось сдѣлать Юрію больно, онъ заставилъ меня припомнить о моей роли въ жизни Галины.

— Я догадываюсь, на что ты намекаешь,—сказалъ онъ,—но, другъ мой, тебѣ моя хвала за это!.. Низкій, недостойный Аркадій изломалъ всю жизнь Галины Ни...

— Не говори!.. Не говори объ этомъ!..—перебилъ я его и ухватился за рукавъ его пиджака.

— Прости, Евгеній, мою неосторожность, но развѣ я хотѣлъ сдѣлать тебѣ больно...

— Молчи!.. Молчи!..

И мы долго молчали. Стояли на берегу темнаго пруда и молчали. А гроза надвигалась... Надъ нами въ глубинѣ неба неслись черныя тучи, вспыхивающія молніями. Набѣжавшій вѣтеръ клонилъ въ одну сторону за-

шумѣвшія, заволновавшіяся липы. Обрушивался надъ нами громъ и точно грозилъ намъ и спугивалъ наши маленькія мысли о маленькой женщинѣ.

— Поспѣшимъ, кажется, сейчасъ хлынетъ дождь...

И мы спѣшно пошли къ дому.

— Но ты, конечно, ничего не будешь имѣть, чтобы Галина Николавна позировала мнѣ?—спросилъ Юрій, когда мы укрылись отъ дождя подъ кровлей террасы.

— Почему ты спрашиваешь меня объ этомъ?—спросилъ я и не скрылъ обиды въ тонѣ голоса.

— Прости, Евгеній, но ты лучше знаешь, какъ чувствуетъ себя Галина Николавна... Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ она здѣсь отдохнула... Развѣ ты не видишь, какая она измученная?..

Я промолчалъ.

И мнѣ хотѣлось спросить Юрія: «а отчего ты не видишь, какъ страдаю я?..»

Но мы молча попрощались и разстались.

Гроза. Я сижу у окна, смѣло смотрю въ темное небо и жду ослѣпительныхъ молній. Не страшатъ онѣ меня, не пугаютъ ихъ страшные голоса, раскаты грома!..

Галина уснула съ компрессомъ на головѣ. Лицо ея спокойно, блѣдно, какъ у заснувшаго ребенка. Спитъ она и не чуетъ грозы. Спитъ какъ безгрѣшная и свободная отъ угрызенія совѣсти. Въ чемъ она виновата предо мною?.. Ни въ чемъ... Оскорбили ее, покинули... а я подошелъ къ ней съ протянутой рукою... Юрій похвалилъ меня, и самому мнѣ иногда кажется мое поведеніе похвальнымъ... Что же еще мѣшаетъ моему счастью?..

Вспыхиваютъ молніи и озаряютъ блѣдное, спокойное лицо Галины... лицо невиннаго ребенка...

Я подошелъ къ ней, присѣлъ около оттоманки, взялъ ее за руку. Тепла и нѣжна ея блѣдная рука. Тихо и спокойно дышитъ она... Цѣлую ея руку и боюсь пробудить ее отъ спокойнаго сна... Вотъ она слегка повернула го-

лову, простонала... Простонала... Она больна... Вотъ она опять простонала, приложила руку къ мокрому полотенцу, опустила руку и точно ищетъ мою...

— Галина... Галина... ты не спишь?..

Молчаніе. Но я чувствую—она тихо пожала мнѣ руку.

Вспыхнула молнія, и она открыла глаза.

— Что это, гроза?..

— Да, моя милая... не бойся, я съ тобою... Болитъ голова?..

— Болитъ...

— Завтра надо доктора.

— Не надо... пройдетъ... А гроза сильная?..

— Очень... Спи, моя милая, спи...

Я припалъ къ ея щекѣ, а она прошептала:

— Мнѣ легче, когда ты такъ близко прильнешь ко мнѣ... Сними компрессъ, положи твою руку... вотъ такъ... вотъ такъ...

Я сидѣлъ надъ нею и молча цѣловалъ ея губы, щеки, волосы на вискѣ, и опять цѣловалъ руки, милыя, блѣдныя руки...

— Какъ мнѣ хорошо съ тобою, когда ты такъ близко... когда ты такъ ласковъ... Евгеній... Милый Евгеній!..

Была гроза, но ея страшные раскаты не пугали моего счастья.

Галина опять заснула.. Спи, моя милая, спи!..

И я сидѣлъ около нея примиренный...

XL.

Утро послѣ грозы. Оно всегда ясное, блестящее и точно ликующее! Деревья стоятъ, какъ обмытыя, трава отливаетъ яркой красочной зеленью, а цвѣты подняли головки къ небу и точно улыбаются солнцу. И небо про-

зрачное, и кое-гдѣ лишь по его простору несутся клочья отставшихъ отъ тучи облаковъ. А туча ушла куда-то и унесла съ собою бури и грозы...

Стою у раскрытаго окна и смотрю въ садъ и жду, пока Галина покончитъ съ своимъ туалетомъ.

Она сегодня наряжается въ свѣтлое кисейное платье, тщательно причесала волосы. Но отчего она хмуро поздоровалась со мною? Точно я причинилъ ей какую-то непріятность...

— Евгеній, кофе еще не принесли?

— Нѣтъ... но пойдемъ въ общую столовую...

Она вышла изъ сосѣдней комнаты, нарядная и ясная, какъ утро послѣ грозы. Но отчего она такъ недружелюбно смотритъ на меня?

— Галина, отчего ты такъ нерадостно встрѣтила меня?—спрашиваю я, цѣлуя ея шею.

— Фу! Евгеній, какъ это скучно!.. Ты такъ часто спрашиваешь меня объ этомъ! Не могу же я ликовать послѣ мучительной ночи. Голова такъ болѣла...

Мы спускались по широкой лѣстницѣ, а я все думалъ: почему она такая?..

Утренній кофе на террасѣ, залитой солнцемъ. Маркъ Давидычъ и Юрій уже давно поджидали насъ.

— А я опасался, не расхворались ли вы, и послалъ за докторомъ,—встрѣтилъ Галину Маркъ Давидычъ.

— Судя по вашему лицу, вы сегодня здоровы,—сказалъ Юрій и точно смутился своихъ словъ. Ему какъ будто хотѣлось сказать что-нибудь Галинѣ, все равно что, но лишь бы сказать.

— Благодарю, выпью кофе и совсѣмъ поправлюсь!..

Разговоръ какъ-то не вязался. Говорили о пустякахъ, и точно всѣ думали: для чего, собственно, говорить, когда такъ хорошо свѣтитъ солнце и такимъ ароматомъ дышитъ на насъ омытый дождемъ садъ?

Послѣ кофе всѣ мы сошли въ садъ.

Заложивъ руки за спину, Маркъ Давидычъ углубился въ тѣнь боковой аллеи, а Юрій и Галина пошли къ пруду, и странно, почему-то мнѣ захотѣлось не мѣшать имъ. Мнѣ казалось, что, если я пойду за ними, то помѣшаю имъ. Я наклонился надъ клумбой цвѣтовъ, чтобы показаться занятымъ.

— Евгеній, ты чего же отстаешь?—крикнулъ мнѣ Юрій.—Идемъ къ пруду.

Я ждалъ, когда то же самое скажетъ и Галина. Но она промолчала, обернувшись, посмотрѣла на меня, и они пошли вдвоемъ.

Я часа два не видѣлъ ихъ и все это время бродилъ по полю за паркомъ, рвалъ васильки въ желтѣющей ржи, смотрѣлъ въ даль полей, надъ которыми висѣла теперь легкая туманная дымка, и все думалъ о Галинѣ и Юріи. Ушли они вдвоемъ, точно сговорившись. Ушли потому, что Галинѣ хотѣлось этого. Я давно около нея, а Юрій только что пріѣхалъ. Меня она знаетъ давно, а онъ для нея еще новость. Это такъ естественно, почему же я ее ревную?.. Я ревную къ Юрію, который только вчера такъ хорошо говорилъ о женщинахъ. Не можетъ же онъ обидѣть Галины. И почему мнѣ кажется, что теперь, послѣ исторіи съ Рылѣевымъ, ее могутъ обидѣть?..

Какія вздорныя мысли. Надо побороть ихъ.

Они вернулись къ завтраку.

— Евгеній, почему ты не поѣхалъ съ нами?—спросила она меня.—На пруду такъ дивно было на лодкѣ!..

Я промолчалъ.

— Мы условились съ Галиной Николавной... Завтра начинаемъ работу...

— Но ты нездорова, Галина,—перебилъ я Юрія.

— Ну, какіе пустяки!..—отвѣтила она и, перемѣнивъ тонъ, добавила:—А Юрій Марковичъ обрисовалъ тебя такимъ женоненавистникомъ... Я этого не знала!..

— Виноватъ, Галина Николавна, немного не такъ,—

поправилъ ее Юрій.—Евгеній только сгущаетъ краски и хочетъ отдѣлить часть снисходительности и на долю мужчинъ.

— И это не такъ,—сказалъ я.—Я говорилъ о борьбѣ мужчинъ и женщинъ, и отношусь къ этой борьбѣ, какъ ко всякой другой. Какъ мужчина, я на сторонѣ мужчинъ. Юрій не имѣетъ смѣлости сознаться въ этомъ...

— Ого, Юрій Марковичъ, вамъ приходится защищаться отъ Евгенія... Это обезсилитъ ваши мужскіе воинственные ряды.

— Господа, я готовъ васъ примирить,—началъ все время молчавшій Маркъ Давидовичъ:—по-моему, не безъ грѣха и мужчины и женщины...

— Браво! Браво,—разсмѣялась Галина.

Послѣ завтрака Юрій былъ занятъ приготовленіями къ предстоящей работѣ. Онъ всегда самъ натягивалъ холсты на подрамники, чистилъ палитры и дѣлалъ это съ какой-то особенной любовью.

Вечеромъ мы съ Галиной слегка поссорились.

Она упрекнула меня въ болѣзненной желчности и назвала женоненавистникомъ.

— Какъ ты принижаешь себя, вынося приговоръ съ чужого голоса,—сказалъ я.

— Съ какого чужого голоса? Это я о тебѣ сказала, Юрій Марковичъ за тебя же заступался.

— Ну, да! Но твой выводъ на основаніи нашего вчерашняго разговора... Удивительно, право, какъ скверно устроены люди! Съ Юріемъ мы говорили съ глазу на глазъ... Быть можетъ, въ разговорѣ съ тобою я и не высказалъ бы этого...

— Когда-то ты меня упрекалъ въ неискренности... Роли наши перемѣнились.

Она сказала это совсѣмъ тономъ раздраженія и какъ-то странно-холодно посмотрѣла на меня.

— Оставимъ, Галина, вопросъ о неискренности, мы расквитались!..

Она теребила платокъ, и руки ея тряслись.

— Какъ мало въ тебѣ чуткости!—воскликнула она, пряча отъ меня лицо.—Ужели ты никогда не поймешь, что о нѣкоторыхъ вещахъ намъ не надо говорить... Ты пугаешь меня этимъ.

— Чѣмъ?

— Развѣ ты способенъ догадаться!..

И она ушла къ себѣ въ комнату враждебно настроенной.

Ночью мы примирились. Но все же я долго не могъ заснуть.

XLI.

Въ паркѣ Юденичей, на берегу пруда, есть красивый обрывъ. Громадная скала песчаника обнажилась изъ-подъ пластовъ земли. Пласты земли вокругъ осѣли, а, можетъ быть, и искусственно разбросаны съ берега, благодаря чему красная каменная скала вся обнажилась, выпятилась къ пруду крѣпкой угловатой грудью и виситъ надъ водою, какъ единственный свидѣтель былыхъ геологическихъ катастрофъ.

Люди выдолбили въ верхней части скалы диванчикъ съ широкой вмѣстительной скамьей. По обѣ стороны скалы растутъ громадные дубы съ узловатыми сучьями и съ обнаженными корнями. Дубы старые, съ грубой шероховатой корою и съ дуплами, гдѣ птицы вьютъ свои гнѣзда. Сучья дубовъ встрѣчаются надъ водою, сплетаются, и только кое-гдѣ сквозь ихъ упругую листву просвѣчиваетъ гладь пруда.

Эта каменная красная скала съ дубами и выбрана Юріемъ какъ декорація къ задуманной имъ картинѣ.

Галина позируетъ въ свѣтло-палевомъ платьѣ. На головѣ ея красноватая косынка, почти подъ цвѣтъ скалы,

волосы распущены и собраны на затылкѣ. Сидитъ она откинувшись къ спинкѣ сидѣнья, подперевъ рукою голову и задумавшись.

Юрій превзошелъ мои ожиданія! Мнѣ казалось, что онъ уже исписался на своихъ портретахъ, утратилъ и чувство художественной мѣры и чутье къ краскамъ на воздухѣ. Я ошибся! Въ новой работѣ его все ново: и этотъ вѣковой камень, и дубы, и просвѣты воды, и сама Галина. Сходство съ оригиналомъ поразительное! И я не сомнѣвался, глядя на картину, что это она, моя Галина. Но почему я не зналъ ея такою?.. Она—страдающій человѣкъ!.. Одна мука въ ея раскрытыхъ глазахъ, а эта чуть замѣтная морщинка между бровями, отчего я не вижу ея на лицѣ Галины?.. Что ослѣпляетъ меня? И почему Юрій замѣтилъ эту морщинку тайныхъ страданій?.. Краски открыли ему эту тайну... Ужели я никогда не прощу Галинѣ того, въ чемъ она, быть можетъ, виновата только косвенно?..

Какое страшное чувство, этотъ мужской самческій эгоизмъ!

Именно самческій, низменный, животный...

Какъ-то разъ въ разговорѣ съ Маркомъ Давидовичемъ я упомянулъ имя Бурина.

— Какой это Буринъ? Ужъ не нашъ ли сосѣдъ? Иванъ Васильичъ?

— Того зовутъ Веніаминомъ Васильевичемъ, писатель...

— Ага, такъ это братъ Ивана Васильевича!.. Богъ мой! да это наши сосѣди, верстахъ въ сорока у нихъ имѣньице матери.

— Охотно бы я съѣздилъ къ нимъ,—высказалъ я свое желаніе.—Только бы узнать, здѣсь ли Веніаминъ Васильичъ.

— Узнать можно.

А дня черезъ три я уже сидѣлъ въ обширной комнатѣ

ветхаго помѣщичьяго домика, на берегу красиво излучившейся рѣчушки.

Буринъ оказался больнымъ, и я засталъ его въ постели.

— Скверное что-то со мною дѣлается,—началъ онъ бесѣду.—Должно быть, здорово я переутомился за послѣдней работой.

Та повѣсть, о которой мы съ нимъ говорили, уже закончена и даже напечатана. Буринъ протянулъ ко мнѣ толстую книгу журнала и сказалъ:

— Видите, напечатана и гонораръ проѣденъ... и хотя бы одинъ критикъ обмолвился!.. Ужели и читатель, къ которому я обращаюсь съ призывомъ, прошелъ, не заинтересовавшись?.. Это-то вотъ меня больше всего и волнуетъ!

— А вы такъ вѣрите въ читателя?.. Въ общество, которому служите?

— Вѣрю и буду вѣрить,—отвѣчалъ онъ.—Въ концѣ концовъ, мною руководитъ уязвленное самолюбіе!.. Бойтесь, голубчикъ, этого плохого кормчаго души!..

Я долго думалъ на тему о моемъ оскорбленномъ мужскомъ самолюбіи, о моемъ самчествѣ.

— А если бы вы полюбили дѣвушку, и вдругъ она оказалась бы принадлежащей другому, что сдѣлали бы вы?—спросилъ я его, смутившись своимъ вопросомъ.

— Не знаю! Я никогда не думалъ объ этомъ. Теоретически разсуждая, я постарался бы не придать этому значенія...

— А почему такъ?—перебилъ я его.

— А потому, что всѣ мы, мужчины, женимся грѣшниками, почему же мы должны обвинять женщину?..

Я и объ этомъ долго думалъ. Слова Бурина казались мнѣ самой правдой, но я ни на минуту не забывалъ, что такой выводъ—только плодъ теоретическаго измышленія.

Можетъ быть, и Буринъ иначе отвѣтилъ бы, если бы онъ попалъ въ мое положеніе.

Отъ Бурина я уѣхалъ разочарованнымъ. Раньше я заходилъ къ нему въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ хотѣлось уяснить что-нибудь тяжелое для меня. Ѣхалъ я и теперь съ той же цѣлью и вернулся ни съ чѣмъ.

Никто не разрѣшитъ мнѣ этого вопроса, кромѣ самого меня... Для чего же напрасныя бесѣды съ другими?..

XLII.

Стоятъ чудные ведреные дни уже вторую недѣлю!

Съ утра до вечера ни одна тучка не осмѣливается всплыть на свѣтло-голубое небо. Вечернія зори ясны и пламенны. Ночи ясны и звѣздны.

Не пугаютъ ихъ тишины далеко вспыхивающія зарницы. Въ лѣсу торжественное затишье, не шелохнетъ листва, и птицы притаились и не поютъ.

Скоро августъ, затѣмъ близка осень... Рѣже поютъ птицы, чуя приближеніе осени; только синицы «цикаютъ»... какъ тогда, когда мы съ Софьей Владимировной гуляли въ паркѣ...

Какъ это давно было... Мнѣ кажется, что давно, а въ памяти моей все это «печальное» такъ еще ясно...

Сегодня утромъ по обыкновенію всѣ мы встрѣтились на террасѣ за утреннимъ кофе. Галина замѣшкалась у себя, и я пошелъ на террасу одинъ. Юрій тоже еще не появлялся, и только Маркъ Давидычъ сидѣлъ за столомъ съ вчерашней газетой.

— Здравствуйте,—весело поздоровался онъ.—Заспались нынче всѣ... А вы посмотрите-ка, что дѣлается въ полѣ!..

Онъ повелъ рукою въ ту сторону парка, гдѣ широкая поляна съ крокетомъ и лаунъ-тенисомъ упиралась въ грань полей, засѣянныхъ пожелтѣвшей рожью.

Солнце золотило пожелтѣвшую ниву, и чуть замѣт-

ныя волны ходили по полю, золотому и колеблющемуся. А вдали, гдѣ чуть замѣтно темнѣла полоса холмовъ, разливалась легкая, полупрозрачная дымка.

Вышла Галина въ томъ же платьѣ, въ которомъ она позируетъ. За эти двѣ недѣли мы всѣ привыкли видѣть ее въ этомъ платьѣ. По утрамъ Юрій работаетъ. Я его не узнаю. Онъ такъ увлеченъ работой, въ характерѣ его какая-то нѣжная ласковость со всѣми, особенно же внимателенъ онъ къ Галинѣ. Какъ старшій любящій братъ обращается онъ съ нею, и она къ нему внимательна и нѣжна съ нимъ. Они оба, увлеченные общей работой, точно удалились отъ насъ съ Маркомъ Давидычемъ и ушли въ свой міръ, чуждый намъ, постороннимъ зрителямъ.

Галина, какъ съ отцомъ, нѣжна съ Маркомъ Давидычемъ. Старикъ отечески ласковъ съ нею и со мною, и я часто задаюсь вопросомъ: почему они оба относятся къ намъ съ такой нѣжностью?

— Сегодня Юрій кончаетъ картину? — спросилъ Маркъ Давидычъ.—Замучилъ онъ васъ?

— Пустяки! Я совсѣмъ не устаю, сижу и читаю.

Галина сказала съ мягкостью въ голосѣ и улыбнулась. Теперь она улыбается какъ-то по-новому. Никогда она такъ не улыбалась!

За время работы Юрій, напротивъ, сталъ серьезнѣе. Рѣже слышенъ его заразительный хохотъ, рѣже слышишь его рѣзкое сужденіе о людяхъ, шутить онъ разучился.

Вотъ и теперь вышелъ онъ на террасу серьезнымъ, почти мрачнымъ. Молча поздоровался со всѣми и сказалъ:

— Погода выдержала себя. Пусть завтра будетъ проливной дождь, я кончаю. И вся моя глубокая благодарность вамъ, Галина Николавна: вы помогли мнѣ осуществить мечту всей моей жизни.

Галина улыбнулась, счастливыми и радостными глазами посмотрѣла въ сторону Юрія, но ничего не сказала. Я видѣлъ, ее взволновали слова Юрія.

— Послѣ обѣда, господа, я предлагаю отпраздновать окончаніе работы на Бирючевскомъ пруду,—предложилъ Маркъ Давидовичъ.—Я устраиваю грандіозный пикникъ. Пусть насъ немного, но зато мы дружно повеселимся.

— Отлично! Отлично! Я охотно кутну!—смѣясь, сказалъ Юрій.

Они ушли кончать картину, а я одиноко бродилъ по парку и думалъ объ отношеніяхъ Юрія къ Галинѣ. Я видѣлъ, съ какой почтительностью относится Юрій къ Галинѣ. Когда онъ говоритъ съ нею, въ его глазахъ я ни разу не видѣлъ того заигрывающаго огонька, съ какимъ говоритъ мужчина съ женщиной, которая нравится. Я знаю, Юрій постоянный побѣдитель женщинъ, у него такъ много было романовъ, и большинство ихъ кончалось легкомысленно. Если бы онъ полюбилъ Галину по настоящему, я уступилъ бы ему ее. А что такое «любить по настоящему»? Это опредѣленіе казалось мнѣ лишеннымъ смысла.

Вотъ сейчасъ они тамъ вдвоемъ за общимъ дѣломъ. Галина—художница, и она понимаетъ и муки творчества Юрія, и его радости. Позируя, она не остается равнодушной натурой, или натурщицей по профессіи, она участвуетъ въ общей работѣ, и это сближаетъ ихъ. А я хожу по парку одинокимъ, и не могу встать между ними, ни рядомъ съ ними. На-дняхъ подходилъ къ красному камню, когда они работали. Юрій ничего не имѣлъ противъ моего неожиданнаго визита. Онъ даже посовѣтовался со мною относительно одной детали въ окраскѣ цвѣта воды. Я высказался, и онъ принялъ мое мнѣніе къ свѣдѣнію, а на другой день я убѣдился, что онъ сдѣ-

лалъ именно такъ, какъ говорилъ я. И все же я чувствовалъ, что у краснаго камня я лишній, лишній...

И я ушелъ въ грустномъ раздумьи...

Часовъ въ пять, когда полуденная жара спала, къ крыльцу дома были поданы два экипажа. Впереди стояла долгуша, запряженная тройкой сытыхъ вороныхъ лошадей, а за нею стояла большая телѣга съ корзинами и ящиками. Въ телѣгѣ же помѣщалась и прислуга.

Съ шумомъ и пререканіями, веселые, усѣлись мы вчетверомъ на долгушу и выѣхали въ поле, а черезъ полчаса были уже и на Бирючевскомъ пруду.

Небольшой, обросшій лиственными деревьями, заглохшій и точно забытый, Бирючевскій прудъ останавливалъ вниманіе художника. По берегамъ—густая поросль лѣса, кое-гдѣ заросшія тропинки вьются по низкому берегу и прячутся и уходятъ куда-то въ глушь. Близъ береговъ камыши, стройные, густые и вѣчно шепчущіе какую-то неразгаданную рѣчь, глухого, запущеннаго уголка. Подъ нависшими вѣтками деревьевъ водяныя лиліи. Выставили цвѣты изъ-подъ воды свои бѣлые вѣнчики и смотрятъ грустно, какъ будто подъ небомъ голубымъ чуждый имъ, непонятный міръ. Въ отдаленномъ углу пруда мельница, большая, ветхая, съ сѣрыми стѣнами и высокой кровлей. И дни и ночи со стороны мельницы слышится шумъ каузной воды. И что-то мистически-таинственное и грустное слышится въ этомъ сдержанномъ, таинственномъ шумѣ.

Я стоялъ на берегу пруда и думалъ: зачѣмъ мы пріѣхали въ этотъ запущенный уголокъ? Здѣсь отовсюду вѣетъ грустью умиранія, тоской забвенія. Чахнутъ частыя поросли кустарника, блекнутъ и умираютъ никому ненужныя лиліи. Никто не рветъ ихъ здѣсь. Въ Бирючевскомъ пруду даже рыба не водится... Зачѣмъ же мы пріѣхали на это кладбище природы? Зачѣмъ мы нарушили покой тихаго умиранія?

Съ большимъ трудомъ, рискуя свалиться въ воду, сорвалъ лилію. Бѣлая, пышно распустившаяся, она такъ много обѣщала издали, когда росла... Влажная, холодная, безъ аромата и только съ пряныімъ запахомъ затхлой воды, она представлялась мнѣ мертвой, безмолвной... И у цвѣтовъ есть своя рѣчь, это ихъ запахъ, и мы понимаемъ эту нѣмую рѣчь...

— Евгеній! Евгеній!—окрикнулъ меня Юрій,—куда ты забрелъ?

— Женя!—крикнула и Галина.

Она рѣдко называетъ меня такъ.

— Иду, иду!..

Я шелъ и несъ въ рукѣ мертвый бѣлый цвѣтокъ.

Галина поблагодарила меня за лилію и продѣла ее въ петлицу корсажа.

Пикникъ тянулся вяло. Какъ-то никому не хотѣлось говорить. Молча пили и ѣли и точно ждали: вотъ-вотъ игривое вино развяжетъ языки, вдохнетъ въ насъ настоящую живую и веселую рѣчь.

Какъ всегда, скучно на пикникахъ!

Выпили, повеселѣли; громкимъ смѣхомъ Юрія огласились берега пруда. Маркъ Давидовичъ разсказывалъ старые, всѣмъ извѣстные анекдоты, и всѣ мы чувствовали, что это дѣлается для всѣхъ насъ. И мы смѣялись дряблымъ и старымъ смѣхомъ...

Почему-то особенно сильно насмѣшилъ всѣхъ анекдотъ объ иностранцѣ, путешествовавшемъ по Россіи, и о развѣсистой клюквѣ, подъ которой, по его описанію, россіяне любятъ пить чай.

Галина долго и весело хохотала. И, вообще, она стала вдругъ весела и развязна. А у меня въ душѣ поднималась буря. Я видѣлъ, какими глазами смотрѣлъ на нее немного подвыпившій Юрій. Я видѣлъ, какими взглядами отвѣчала она ему... Послѣ чая они вдвоемъ ходили по берегу и о чемъ-то серьезно говорили. Иногда

я слышалъ хохотъ Галины, и въ этомъ хохотѣ улавливалъ что-то тревожное для меня. Я слѣдилъ за ними ревнивыми глазами, а Маркъ Давидовичъ все еще старался развеселить меня старыми анекдотами. И я пилъ коньякъ рюмку за рюмкой и пьянѣлъ, и минутами терялъ сознаніе.

Вернувшись къ разостланнымъ на травѣ коврамъ, Галина начала дурить съ Юріемъ. Возьметъ, нарветъ горсть травы и броситъ ему въ лицо или въ голову. Юрій бросилъ ей пучокъ травы обратно. Вотъ Юрій всталъ, подошелъ къ Галинѣ вплотную и началъ засыпать ее травою. Она прятала лицо, закрываясь руками, а онъ оттягивалъ руки... и, мнѣ показалось, умышленно обнялъ ее за талію.

Разыгралась скверная сцена ревности. Я обругалъ Юрія нахаломъ. Правда, мы скоро выяснили недоразумѣніе и примирились, но все же эта глупая сцена смутила меня, и я золъ былъ на себя.

— Евгеній, какъ тебѣ не стыдно ревновать меня,— говорилъ онъ, обнявъ меня и уводя за кусты.—Я такъ люблю тебя и такъ уважаю Галину Николавну. Если бы я замѣтилъ въ себѣ крупицу скернаго чувства къ ней, я вырвалъ бы это чувство, пусть это причинило бы мнѣ боль. Евгеній, какъ ты мало знаешь о моей любви къ тебѣ.

Я смотрѣлъ въ раскрытые ясные глаза Юденича и вѣрилъ ему.

XLIII.

Вечеромъ было тягостное для насъ обоихъ объясненіе съ Галиной. Я стоялъ у окна и безучастно смотрѣлъ въ паркъ. Она сидѣла у письменнаго стола и разсматривала виды Швейцаріи въ стереоскопъ. Давно уже знала она всѣ эти виды и все же смотрѣла, точно не зная, чѣмъ себя занять. Наконецъ, она сказала:

— Не стыдно тебѣ устраивать такія сцены?

Я молчалъ.

— Евгеній, ты слишкомъ многаго отъ меня хочешь,—продолжала она.—Твоя любовь требуетъ какой-то жертвы. Развѣ это возможно? Развѣ это любовь? Гдѣ та свобода, о которой ты такъ много говорилъ еще недавно?

— Молчи, Галина, и не напоминай мнѣ объ этомъ свѣтломъ времени! Да, это было когда-то... и этого не стало... И ты знаешь, почему...

— Я не понимаю, что ты говоришь.

Она встала, безшумно прошла въ сосѣднюю комнату и, не торопясь, затворила за собою дверь.

Мнѣ хотѣлось броситься за нею и наговорить ей какихъ-нибудь рѣзкостей.

— Галина! Галина! Можно мнѣ войти къ тебѣ?—спрашивалъ я, осторожно постучавъ въ дверь.

Она не отвѣчала.

— Галина, можно мнѣ войти къ тебѣ?

— Что? Что тебѣ нужно?—спросила она враждебнымъ голосомъ.

— Можно мнѣ войти къ тебѣ?

— Пожалуйста,—сухо отвѣтила она и распахнула передо мною дверь.

Она была въ бѣлой блузкѣ, которую только что одѣла и застегивала пуговицы.

— Что тебѣ нужно? Я хочу спать, и у меня опять голова болитъ.

— Я хочу, чтобы ты выслушала меня...

— Ну, что еще? Ты сталъ какой-то странный.

— Я всегда былъ такой.

— Тѣмъ хуже, надо взять себя въ руки и не распускаться.

— Но что же мнѣ дѣлать? Ты видишь, какъ я люблю тебя. Я не могу видѣть около тебя ни одного мужчины.

Мнѣ кажется, что всѣ они подходятъ къ тебѣ, чтобы отнять тебя у меня, а это невозможно... слышишь—невозможно!.. Я ревную тебя и буду ревновать, я никому не отдамъ тебя... милая моя, хорошая!

Я опустился передъ ней на колѣни, цѣловалъ ея руки, платье, и слезы мольбы о пощадѣ орошали мое лицо. Я плакалъ, вымаливая у нея любви. Я плакалъ, ненавидя себя и жалѣя себя, и были мгновенія, когда кто-то нашептывалъ мнѣ безумную, большую мысль. Мнѣ хотѣлось убить ее и себя. Пусть она будетъ ничья, но я умру съ сознаніемъ, что ни одному изъ мужчинъ она не будетъ принадлежать...

Она положила мнѣ на голову свою трепетную руку и укротила во мнѣ звѣря.

— Женя, мой милый! Я вижу твои муки, но зачѣмъ ты мучаешь себя и меня такими подозрѣніями? Вѣдь я тебя люблю, тебя... Вѣдь я тебѣ принадлежу, тебѣ...

Она скоро заснула, а я сидѣлъ у окна, смотрѣлъ во тьму молчаливой ночи и не зналъ, что ждетъ меня завтра, послѣзавтра... Хотѣлось думать объ этомъ будущемъ и хотѣлось сознавать, что все, чѣмъ я теперь живу,—все это еще не настоящая жизнь, и все это только сонъ... скверный, кошмарный сонъ.

XLIV.

Сегодня Галина чѣмъ-то недовольна. Я прекрасно изучилъ ее. Мы всѣ сидѣли на террасѣ. Юрій и Маркъ Давидовичъ старались занять и ее, и меня. Всѣ они, повидимому, еще были подъ впечатлѣніемъ скверной сцены на пруду, въ которой я сыгралъ такую смѣшную роль. Она отмалчивалась, а если говорила, то такимъ тономъ, что лучше бы было не слышать ея голоса.

Вчера вечеромъ она получила отъ кого-то письмо.

Прочла письмо за вечернимъ чаемъ, при всѣхъ, потомъ молча вышла изъ-за стола и ушла къ себѣ. Когда я пришелъ наверхъ, она лежала на оттоманкѣ и опять жаловалась на головную боль. Всю ночь она пролежала въ постели, неохотно отвѣчала на мои вопросы и какъ-то холодно относилась къ моимъ ласкамъ. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать, сидѣлъ у окна и молчалъ... Не раздѣваясь, я заснулъ у окна въ мягкомъ креслѣ. Я все думалъ, какъ подойти мнѣ къ ней и какъ спросить, отъ кого получила она письмо, такъ нарушившее ея покой. Я не рѣшился спросить и еще больше мучился отъ этой нерѣшительности. Но я чуялъ, что вотъ-вотъ подошло что-то къ намъ обоимъ, что перевернетъ всю нашу жизнь.

Говорятъ, есть запахъ смерти, и болѣе чуткіе люди задолго чуютъ ея приближеніе. Можно учуять и приближеніе горя и мукъ сердца: для этого надо только глубоко и сильно любить.

Утромъ она сослалась на головную боль, и не вышла изъ своей комнаты.

Еще вчера мы втроемъ съ Маркомъ Давидычемъ сговорились, чтобы пойти на прудъ ловить карасей. Она не пошла, и мы отправились со старикомъ вдвоемъ.

День обѣщалъ быть жаркимъ, и, пожалуй, хорошо сдѣлала Галина, что не пошла. Мы миновали паркъ и вышли въ тѣнистый, сосновый боръ.

Маркъ Давидовичъ шелъ молча и все время отмахивался отъ мошекъ, пристававшихъ къ намъ съ начала пути.

— Знаете, что скажу я вамъ,—наконецъ, проговорилъ онъ.—Галина Николавна серьезно больна, и ей надо бы полѣчиться... Можетъ быть, она въ такомъ положеніи?

Я промолчалъ, а онъ продолжалъ пытливо смотрѣть на меня, и мнѣ почему-то было жутко отъ этого взгляда.

— Почему вы думаете, что она больна?—спросилъ я, чтобы только спросить что-нибудь.

— Да такъ, видъ у нея неспокойный... вѣрно, нервочки-то порасходились, а такъ это жаль. Хорошій она человѣкъ! Хорошій!

Старикъ умолкъ, перебросилъ съ одного плеча на другое удочки, связанныя въ пучокъ, и посмотрѣлъ на небо.

— Впрочемъ, вѣдь, вамъ виднѣе, вы больше знаете Галину Николавну,—добавилъ онъ, и послѣ паузы сказалъ:—Беречь ее надо, ужъ очень хрупкая она...

Пока разматывали удочки и подготовлялись къ рыбной ловлѣ, молчали. Размотали удочки, усѣлись на берегу, шагахъ въ десяти другъ отъ друга и принялись за ловлю.

— Знаете, Маркъ Давидовичъ, Галина Николавна страшно скрытна. Иногда на нее находятъ такія минуты откровенія, и она вдругъ сама начинаетъ говорить о себѣ, а потомъ опять замкнется, и всякая попытка узнать отъ нея что-нибудь—безуспѣшна.

— Вотъ что я вамъ скажу,—перебилъ онъ меня.— Галина Николавна одинъ изъ тѣхъ интереснѣйшихъ типовъ, которые не поддаются разгадкѣ... Все, какъ будто, налицо у нихъ, а главнаго-то и не хватаетъ, главнаго-то они вамъ и не хотятъ показать. Такимъ женщинамъ дано много богатствъ натуры, но природа забыла дать имъ средства, чтобы проявить эти богатства, и вотъ всю жизнь онѣ и бродятъ точно въ какомъ-то мѣшкѣ и не знаютъ, какъ выбраться изъ этого мѣшка. Онѣ раздражительны и непостоянны, легковѣрны и доступны. И часто ихъ вниманіемъ овладѣваетъ пустой и ничтожный человѣкъ, который сумѣетъ подойти къ этому-то вотъ, къ ихъ мѣшку.

Старикъ вынулъ одна за другою всѣ три удочки, насадилъ свѣжихъ червей и снова продолжалъ:

— Я зналъ такихъ женщинъ, какъ Галина Николавна. Она напоминаетъ мнѣ одну знакомую... давно это было... Въ молодости я повстрѣчался съ нею, съ такой женщиной...

Онъ смолкъ и опустилъ лицо. Потомъ отвернулъ отъ меня лицо, точно пряча глаза, закурилъ сигару и продолжалъ:

— Давно это было...

И опять смолкъ, точно съ трудомъ подыскивая нужныя слова.

— Я какъ-то сразу опредѣлилъ Галину Николавну. Да и немного для этого надо. Надо только внимательно посмотрѣть ей въ глаза, надо всмотрѣться въ ея чудное личико. Посмотрите, какая у нея фигура, какъ она держится, какъ она говоритъ и какой у нея голосъ... Да... да... я зналъ такую женщину... давно это было... я любилъ ее... Теперь, конечно, уже все выгорѣло въ душѣ, а тогда... Такія женщины... Встрѣча съ такими женщинами не сулитъ добра... Кто полюбитъ ихъ, тотъ обречетъ себя на вѣчное одиночество... Всю жизнь, всегда обѣщаютъ онѣ любовь, и все ждешь эту любовь, и никогда не дождешься... Попадаются на пути другія женщины—ихъ не замѣчаешь, проходишь мимо нихъ, хотя тамъ-то, быть можетъ, и уготована для насъ настоящая любовь... Ничего не замѣчаешь въ этомъ гипнозѣ любви и никого не видишь... А иной разъ кажется тебѣ, что вотъ полюбилъ другую, а ту, роковую, забылъ, а пройдетъ день или часъ—и опять потянетъ къ той, роковой... Я о себѣ вамъ скажу... Женился я по любви, прижилъ ребятъ, а ту долго не могъ забыть, да и теперь, если хотите, она въ моей памяти... Правда, образъ ея потускнѣлъ, но во мнѣ на вѣчныя времена осталась та, какая-то особенная отрава... и ничѣмъ не изгнать изъ моей души этой отравы... Таковы онѣ, эти роковыя женщины!

Маркъ Давидовичъ смолкъ и посмотрѣлъ на меня усталыми и тусклыми глазами: такъ странно отражается на лицѣ воспоминаніе о любимой женщинѣ. Вмѣстѣ съ годами уплылъ ясный образъ, остался только туманный и тусклый отблескъ въ старческихъ глазахъ.

Мы долго сидѣли, слѣдя за поплавками, которые плавали у берега. На лицѣ Марка Давидовича лежала теперь печать какого-то возбужденія; ужели воспоминанія зажгли въ его душѣ уже казавшіеся потухшими уголья прежней страсти? Я думалъ о томъ, что услышалъ отъ старика, и спрашивалъ себя: ужели и на мою долю выпала такая же любовь? Ужели и Галина не любитъ меня? Ужели я обманутъ? Нѣтъ, этого быть не можетъ. Я помню же минуты нашего общаго съ ней счастья. Вѣдь такъ искусно притворяться нельзя...

— Мнѣ кажется, вы ошибаетесь, Галина не такая,— сказалъ я.

— Можетъ быть... Можетъ быть, я и ошибаюсь, и Галина Николавна не такая. Но не думайте, что я хотѣлъ ее обидѣть чѣмъ-нибудь... Напротивъ, я люблю такихъ женщинъ, потому что онѣ выгодно отличаются отъ остальныхъ. Тѣ какъ-то больше самки или матери, а такія женщины, о которыхъ говорю я... какъ бы это сказать... онѣ выше по своему назначенію... Онѣ какъ будто и созданы для того, чтобы не вымирала трагедія человѣческой души. А трагедія скрашиваетъ жизнь! Вскрываетъ сокровенный смыслъ жизни. Подумайте только, какъ бы скучно было жить, если бы не было глубокихъ переживаній души, если бы не было трагедіи...

Онъ какъ-то сразу смолкъ, закурилъ забытую имъ сигару и больше уже не проронилъ ни слова.

Длинныя тѣни березъ и дубовъ легли на покойную поверхность пруда, и было тихо около насъ, какъ будто

Маркъ Давидовичъ не говорилъ ни слова и не прославлялъ трагедіи человѣческой души...

Чувствую и я: трагедіи украшаютъ жизнь, гонятъ прочь пошлость и будятъ душу къ какимъ-то новымъ и красивымъ переживаніямъ...

Но какъ больно носить трагедію въ душѣ!

XLV.

Сегодня утромъ, когда всѣ мы пили кофе на террасѣ, Галина неожиданно для всѣхъ сказала:

— Маркъ Давидовичъ, вы позволите мнѣ пригласить сюда одного моего хорошаго друга? Мы давно не видѣлись съ нимъ... Вчера я получила отъ него письмо... Онъ теперь на Кавказѣ, надумалъ поѣхать за границу, и мнѣ очень бы хотѣлось повстрѣчаться съ нимъ.

— Къ чему такое вступленіе, Галина Николавна? Конечно, конечно...—перебилъ ее Маркъ Давидовичъ.

— Кто это?—сорвалось у меня съ языка.

— Рылѣевъ, Аркадій,—отвѣчала Галина, въ упоръ глядя на меня.

Мы всѣ смолкли и потупили глаза, а она осматривала всѣхъ насъ вызывающими, широко раскрытыми глазами, и точно ждала, что мы скажемъ.

— Прекрасно! Прекрасно! — пробормоталъ Маркъ Давидовичъ.—Мы знакомы съ нимъ...

— Онъ недавно у насъ былъ,—сказалъ смущенный Юрій.

Галина встала, отодвинула отъ себя пустую чашку и сказала:

— Я знаю все, Юрій Марковичъ... Знаю, что онъ здѣсь былъ... знаю и всю исторію съ его оскорбленіемъ... Но кто давалъ господину Гуляеву право такими средствами защищать мою честь? Ха-ха-ха! Кто далъ ему это право?

Она отошла отъ стола, остановилась близъ стула Марка Давидовича и добавила:

— Маркъ Давидовичъ, если васъ стѣснитъ данное вамъ слово, я отказываюсь принять Рылѣева здѣсь. Тогда я только попрошу васъ дать мнѣ возможность доѣхать до станціи...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... Галина Николавна, насъ нисколько не стѣснитъ господинъ Рылѣевъ... Пожалуйста.

Я ушелъ далеко въ сторону Бирючевскаго пруда, долго сидѣлъ около шумящей мельницы, бродилъ по берегу бурной рѣчушки и все вслушивался въ шумъ мутныхъ волнъ.

Что я думалъ, не знаю, не помню. Помню я... помню, я слышалъ, какъ вспѣненныя волны бились въ зеленыя отъ сырости стѣны мельничнаго кауза. Слышалъ я— кричалъ коростель въ кустахъ на томъ берегу и точно подзывалъ къ себѣ кого-то... Видѣлъ я свѣтлое солнце... Громаднымъ, багрянымъ шаромъ уходило оно за отдаленные гребни горъ и лѣсовъ... И ложились на поляну длинныя и тяжелыя тѣни плакучихъ придорожныхъ березъ...

Домой вернулся поздно ночью... Гдѣ былъ—не знаю...

XLVI.

Рылѣевъ пріѣхалъ въ пятницу къ вечеру...

Я умышленно ушелъ съ террасы, чтобы не видѣть, какъ онъ и Галина встрѣтятся. Послѣ завтрака они вдвоемъ ушли въ паркъ. Потомъ она вернулась въ наши комнаты. Вошла, быстро подошла ко мнѣ и просто сказала:

— Евгеній, я уѣзжаю!

Я молчалъ.

— Не проклинай меня... Не сердись! Такъ должно было случиться...

Я молчалъ.

— Что же ты молчишь?—вдругъ выкрикнула она, схвативъ меня за руку.

Я молчалъ. Глаза наши встрѣтились.

— Говори же что-нибудь, Евгеній! Говори же!

Я съ трудомъ освободилъ свою руку изъ ея цѣпкихъ пальцевъ и молча вышелъ.

Она пошла за мною. Сдѣлала два-три шага и остановилась. И я слышалъ, какъ она зарыдала.

А я опять одиноко бродилъ по берегу рѣчушки около мельницы и слышалъ, какъ бились волны въ темныя стѣны кауза...

Не кричалъ коростель... Не свѣтило солнце...

Гдѣ я былъ въ эту ночь, что я дѣлалъ—не помню...

. . . .

На другой день они уѣхали...

XLVII.

Галина уѣхала съ Рылѣевымъ... Впрочемъ, я уже писалъ объ этомъ... Сейчасъ я перечиталъ, что было написано тогда. Тамъ многое не сказано, что еще живо во мнѣ... Я ничего не помню, что было со мною. Юрій разсказывалъ мнѣ, что я стрѣлялъ въ Рылѣева, ранилъ себя.

Потомъ я болѣлъ. Пріѣхалъ Буринъ и увезъ меня къ себѣ.

На прощанье Юрій сказалъ мнѣ:

— Промчались бури, теперь за работу... Развѣ можетъ быть что-нибудь цѣннѣе искусства?.. Ради него слѣдуетъ остаться живымъ и съ искалѣченной душой... Не дѣлай глупости, голубчикъ, вторично... Какъ бы прекрасна женщина ни была, не стоитъ изъ-за нея стрѣляться!..

— Какъ бы ни была прекрасна?.. Стало быть, ты и Галину считаешь прекрасной?—спросилъ я.

— А то какъ же!.. Прости ты ей... Женщину мы никогда не поймемъ...

Слушалъ я и не вѣрилъ: ужели это говоритъ Юрій, легкомысленный и увлекающійся ухаживатель?

Живу у Бурина. Онъ выздоровѣлъ и опять засѣлъ за работу. Откуда берется энергія у этого человѣка? Критика замалчиваетъ его, а онъ все пишетъ и пишетъ. Его писаніе представляется мнѣ мученичествомъ... Какъ онъ любитъ литературу!.. Если бы я могъ любить такъ же живопись?.. А я размѣнялся, опошлѣлъ, палъ...

По утрамъ его матушка, славная старушка Екатерина Захарьевна, поитъ меня парнымъ молокомъ. По вечерамъ мы съ нею играемъ въ свои козыри. Игра доставляетъ большое удовольствіе старушкѣ: она всегда обыгрываетъ меня.

Какъ часто теперь вспоминаю я недавно минувшее... Какъ буря, какъ чудовищный вихрь, налетѣла на меня любовь, подняла меня, слабаго, и пронеслась, и только теперь я чувствую, какъ много мною пережито за это время. Должно быть, я все пережилъ, что надо было пережить; теперь буду навсегда больнымъ и разочарованнымъ... Впрочемъ, нѣтъ, я не разочарованъ, я только отрезвленъ...

Я не сержусь на Галину! Ей суждено было сыграть какую-то роль въ моей жизни. Она исполнила ее и удалилась. Мнѣ бы только отдохнуть теперь и опять вернуться къ моему искусству...

Какіе чудные эти Бурины—сынъ и мать! Оба они поддержали меня и спасли. Я, какъ сынъ, привязался къ старушкѣ, а сынъ ея мнѣ какъ братъ. Больше—моя нравственная опора... Онъ раскрылъ предо мною многія стороны жизни. Онъ вырвалъ меня изъ какого-то тумана.

Вотъ онъ идетъ. Какъ всегда, издали улыбается мнѣ. Вотъ подходитъ близко, жметъ руку и смѣется.

— Не хотите ли посмотрѣть на то положеніе, которое принято называть «телячьимъ восторгомъ»?..

— Что такое?..

— А вотъ идите.

Мы вышли на террасу.

— Вонъ, смотрите, что дѣлаютъ телята на лугу...

И Буринъ указалъ рукой на луговину, разстилавшуюся около дома. Два теленка, одинъ бѣлый, съ красными пятнами на бокахъ, другой — черный, поднявъ хвосты, носились по лугу, то подбѣгая другъ къ другу, то разбѣгаясь въ разныя стороны. Вотъ они остановились, глупо стукнулись мордами, точно цѣлуясь, и опять понеслись по лугу съ задранными хвостами.

— Вотъ это и есть «телячій восторгъ»,—смѣялся Буринъ.

— Ахъ, чтобъ васъ! Шатуны вы этакіе!—добродушно смѣясь, говорила Екатерина Захарьевна, и по лицу ея расплывалась улыбка.

— Такъ бываетъ иногда и съ человѣкомъ. Смѣшное положеніе!..

Буринъ помолчалъ и добавилъ:

— А все оттого, что телята эти просто смотрятъ на жизнь. Коротка у нихъ жизнь, а вотъ, подите, успѣли они усвоить великое правило. Большое это правило— умѣть просто относиться къ жизни. Право, тогда меньше бы было иной разъ никому ненужныхъ трагедій...

Искусство просто смотрѣть на жизнь... Мнѣ кажется, теперь я овладѣлъ этимъ искусствомъ.

XLVIII.

Опять я въ Петербургѣ. Живу и просто отношусь къ жизни. Хожу по улицамъ и наблюдаю чужую жизнь. Въ осенніе вечера и по ночамъ особенно интересна уличная жизнь. Я часто думаю: сколько людей, сколько тра-

гедій, и вотъ я наблюдаю эти трагедіи и думаю, какими счастливыми были бы вы, люди, если бы, какъ и я, научились просто смотрѣть на жизнь.

Вчера вечеромъ повстрѣчался съ Галиной на углу Пятой линіи и Большого. Я сразу узналъ ее, а она прошла мимо меня, потомъ пріостановилась и окрикнула:

— Евгеній! Евгеній Александровичъ!

Я остановился. Она протянула мнѣ руку, крѣпко пожала мою, но оба мы долго не могли сказать другъ другу ни слова. И глаза наши встрѣтились, а нужныхъ словъ не находили ни она, ни я...

— Простили ли вы мнѣ все? Все?—спросила она.

Я молчалъ.

— Простили ли?—спросила она опять.

Я хотѣлъ сказать правду, и промолчалъ. Она подала мнѣ руку, пожала мои пальцы слабо, отошла, оглянулась и скрылась за угломъ...

Какая странная уличная встрѣча. Кто бы могъ подумать, со стороны глядя на насъ, что между нами было объясненіе? Встрѣтились молодые люди на углу двухъ улицъ, сказали другъ другу что-то и разошлись. Мало ли такихъ встрѣчъ на углахъ улицъ. А, между тѣмъ, оба мы—какъ разгримированные актеры, только-что участвовавшіе въ одной и той же трагедіи...

Она взглянула на меня нѣжно... Нѣтъ, это показалось мнѣ... Это было давно когда-то, но не теперь, не сегодня, на углу двухъ улицъ.

Съ крѣпости громыхнулъ выстрѣлъ!.. Пушечный ударъ засталъ меня на Дворцовомъ мосту... Еще выстрѣлъ и еще!.. Наводненіе!.. Съ взморья дуетъ рѣзкій и холодный вѣтеръ. Небо сумрачно, и несутся по его темному покрову ненастныя тучи. Темныя волны бьются въ гранитныя стѣны и въ суда съ скрипучими снастями. На рѣкѣ зыблются и дрожатъ отраженія огней. Какъ

змѣи огненныя, колеблются отраженія. Вѣтеръ срываетъ съ головы шляпу. Мелкій дождь моросить...

Какъ хорошо умереть въ такую темную, загадочную ночь...

Загадочная ночь! Кто скажетъ, — усилится вѣтеръ или нѣтъ? Кто скажетъ,—поднимутся или нѣтъ еще выше темныя и мутныя волны? Зальютъ онѣ берега или смирятся, улягутся въ гранитное русло?

Улягутся ли въ моей душѣ волны моей бури?..

Хорошо умереть въ темную, загадочную ночь...

XLIX.

Сегодня, вернувшись домой, я нашелъ у себя на столѣ записку Рылѣева.

Онъ писалъ:

«Тебя нигдѣ не видно. Гдѣ ты пропадаешь? Зайди или напиши, что съ тобою».

Это пишетъ мнѣ Рылѣевъ, тотъ самый Рылѣевъ, кому принадлежитъ сердце Галины.

Странно—она, Галина, примирила меня съ Рылѣевымъ, примирила и съ собою, и самъ я какой-то примиренный...

Я иногда захожу къ нимъ, они живутъ по-семейному. Почти ежедневно я наблюдаю ихъ жизнь.

Галина всегда насторожѣ и всѣмъ своимъ поведеніемъ какъ бы хочетъ дать понять мнѣ, что между нами ничего прежняго не можетъ быть. Бѣдняжка, напрасно она опасается! Я и самъ не пойду навстрѣчу тому, что легло въ моей душѣ гранью между прошлымъ и настоящимъ.

Теперь я просто смотрю на жизнь и знаю, что у нея есть свои законы, и, какъ бы тягостны они ни были для меня, все равно—я не въ силахъ ихъ измѣнить.

Вчера перемѣнилъ квартиру, и это оказалось важнымъ событіемъ моей жизни. Мнѣ давно хотѣлось уйти отъ сутолоки жизни, спрятаться отъ людей и приняться за работу.

Мнѣ нравится моя комната, съ большимъ двойнымъ окномъ, какъ въ настоящей мастерской. Домъ, гдѣ я живу, деревянный, одноэтажный, въ саду. Большое окно моей комнаты выходитъ въ садъ. Деревья только-что стряхнули осенній красочный нарядъ и теперь стоятъ голыя и сумрачныя... Эта осень такъ подходитъ къ моимъ настроеніямъ и моей работѣ, диктуетъ мрачныя, нужныя мнѣ, краски.

Началъ новый эскизъ.

Ненастная осенняя ночь. Дворцовый мостъ. Газовый фонарь со стеклами, залитыми дождемъ, горитъ тускло, и вѣтеръ со взморья раздуваетъ его трепетное пламя. Перила скользкія. За ними темная, холодная вода. И стоитъ она, женщина, въ короткомъ жакетѣ, въ платкѣ, который повязанъ спѣшно... Стоитъ женщина и смотритъ въ сторону отъ темной воды. А вѣтеръ оттягиваетъ съ ея плечъ концы платка и точно увлекаетъ одинокую, страждущую къ темнымъ и мутнымъ волнамъ...

«Хорошю умереть въ эту ночь!..»

Такъ назову свой эскизъ. Пусть это названіе претенціозно, пусть длинно! Надо просто смотрѣть на жизнь, а названія ея трагедіямъ можно давать и сложныя...

L.

Я хочу новой, бурной встрѣчи. Я хочу настоящаго, а не поношеннаго счастья. Хочу встрѣчи съ такой женщиной, чтобы полюбить ее и разстаться съ Галиной. Только смерть Галины или моя любовь къ другой жен-

щинѣ дастъ мнѣ возможность отойти отъ Галины, отъ моего поношеннаго счастья.

Странную идею носилъ я въ себѣ всѣ эти дни. Мнѣ хотѣлось полюбить какую-нибудь проститутку, или женщину, которая принадлежала бы многимъ мужчинамъ. Если бы я научился любить такую, я излѣчилъ бы свою больную душу.

Крадучись отъ Галины, заводилъ знакомство съ «уличными», бывалъ у нихъ въ ихъ промозглыхъ, скверныхъ комнатахъ. Искусственно воспитывалъ въ себѣ эту странную, больную любовь, и вышелъ изъ опыта пораженнымъ: не могу я полюбить женщину, принадлежавшую кому-либо изъ мужчинъ.

Часто я стараюсь обуздать свою волю, и такимъ соображенiемъ. Вѣдь, я то давно уже не невиненъ. Почему же я могу подойти къ женщинѣ и требовать отъ нея невинности? Почему я имѣю право забывать о своихъ паденiяхъ?

Эту мысль я быстро отбрасываю, и она представляется мнѣ не серьезной. Почему такъ?.. Не знаю...

Такова темная душа мужчины!

Галина принадлежала только Рылѣеву, мнѣ принадлежали десятки женщинъ, почему же я не могу примириться съ Галиной?.. Не знаю я...

Сегодня была интересная встрѣча, и я думалъ, что, наконецъ, встрѣтился съ женщиной, которую могъ бы полюбить.

Я сидѣлъ на скамьѣ Александровскаго сада и смотрѣлъ въ голубое, безоблачное небо. И думалъ я о Галинѣ. Она, навѣрное, сердилась. Обѣщалъ прiйти къ двѣнадцати, а былъ уже второй часъ.

И было это теплымъ весеннимъ днемъ. Цвѣла сирень. Нѣсколько разъ ко мнѣ подходили оборванные мальчуганы, продавцы пахучихъ букетовъ, но я скупился. Я не люблю цвѣтовъ, сорванныхъ чьими-то чужими

руками... Мальчуганы съ разочарованіемъ смотрѣли мнѣ въ глаза и уходили.

По дорожкѣ шла дама въ траурѣ. Высокая, стройная, вся въ черномъ, она походила на тѣнь. Когда ея стройная фигура выдвигалась изъ тѣни деревьевъ, отъ нея падала на песчаную дорожку короткая, некрасивая тѣнь. Когда она заходила подъ навѣсъ зеленѣющей листвы, сквозь которую лучилось солнце, по ея темному костюму сбѣгали кружки и полоски свѣта.

Поравнявшись съ скамьей, на которой сидѣлъ я, она пріостановилась и нѣжнымъ, мелодичнымъ голосомъ спросила:

— Pardon! Которой теперь часъ?

Я посмотрѣлъ на башенные часы подъ адмиралтейскимъ шпицемъ и отвѣтилъ:

— Безъ четверти два.

— Mersi.

Къ ней подскочилъ мальчуганъ съ букетомъ сирени.

— Свѣ-е-жая сирень.. Купите, барышня!..

Барышня въ черномъ взяла букетъ изъ рукъ продавца, поднесла цвѣты къ лицу, завѣшенному густой темной вуалью и, съ печалью въ голосѣ, сказала:

— Какіе увядшіе цвѣты!..

— Самые свѣ-жіе!.. что вы, барышня,—убѣждалъ ее мальчуганъ съ лукавствомъ въ глазахъ.

Она заплатила за букетъ деньги и удалилась.

А я долго смотрѣлъ ей вслѣдъ, любуясь ея стройной фигурой въ темномъ. Барышня или дама въ траурѣ... Есть и въ этомъ что-то волнующее. И барышня съ букетомъ сирени заинтересовала меня.

Я зналъ, что мнѣ надо были итти къ Галинѣ, и я не могъ итти. Чувствовалъ я, что случится что-то, что приблизитъ меня къ этой барышнѣ въ траурѣ. А, можетъ быть, мнѣ только хотѣлось этого.

Она шла медленно и бережно несла букетъ увяд-

шей сирени. Иногда она подносила цвѣты къ лицу, потомъ рука ея въ темной лайковой перчаткѣ опускалась и она снова шла медленной, но твердой походкой.

Иногда она пріостанавливалась, и по повороту ея головы, и по ея лицу, подъ полями широкой темной шляпы, я могъ судить, что она смотритъ въ мою сторону. Можетъ быть, я и ошибался, но мнѣ пріятно было думать такъ.

Есть совсѣмъ особенныя ошибки: иллюзіей желаннаго вѣетъ отъ нихъ, и въ душѣ зарождается пріятная тревога.

Выйдя на площадку, на которой воздвигнутъ памятникъ Жуковскому, она остановилась и, судя по повороту ея лица, я догадался, что она смотритъ на неподвижные глаза пѣвца Свѣтланы. Мнѣ показалось даже, что она прочитываетъ высѣченный на холодномъ мраморѣ отрывокъ изъ стихотворенія поэта.

Но что можетъ сказать холодный мраморъ барышнѣ въ трауръ?.. А, можетъ быть, она не барышня? Глупый мальчишка назвалъ ее такъ.

Постоявъ неподвижно не больше минуты, она снова двинулась. И я долго слѣдилъ за ея стройной фигурой, залитой солнцемъ.

Солнце согрѣвало ее свѣтомъ и грѣло. Согрѣвали ли эти лучи ея душу? Почему-то мнѣ казалось, что душа этой дамы въ трауръ должна быть опечаленной, иначе для чего бы и одѣвать трауръ?

По широкой дорожкѣ навстрѣчу ей шла юная барышня, въ свѣтломъ жакетѣ и въ сѣрой шляпѣ, съ бѣлоснѣжной, развѣвающейся вуалью.

Повстрѣчались двѣ дамы въ «бѣломъ» и въ «черномъ», какъ два настроенія души—радость и печаль. Сошлись и разошлись, какъ двѣ чуждыя и враждующія силы.

Я видѣлъ, какъ дама въ трауръ о чемъ-то спроси-

ла дѣвушку въ свѣтломъ. Та вынула изъ-за борта жакета часики, посмотрѣла на нихъ, и что-то небрежно отвѣтила

Дама въ траурѣ кивнула головою, и онѣ разошлись, и, можетъ быть, никогда не встрѣтятся. Но почему дама въ траурѣ такъ часто справляется о часахъ: «счастливые часовъ не замѣчаютъ», сказалъ тайновидецъ духа.

Должно быть, у дамы въ траурѣ свиданіе, но тогда какъ же можно итти на свиданіе безъ собственныхъ часовъ?..

Весь интересъ къ дамѣ въ траурѣ пропалъ и я закурилъ папиросу, собираясь двинуться къ Галинѣ.

Пройдя боковую аллею вдоль рѣшетки сада, она снова вышла на площадку съ памятникомъ Жуковскому, и снова направилась ко мнѣ.

Она молча опустилась на противоположный конецъ скамьи, на которой сидѣлъ я, посмотрѣла на часы и вздохнула.

Она посмотрѣла на меня печальными глазами и спросила:

— Pardon! Теперь больше двухъ?

— Пять минутъ третьяго.

— Ахъ, какъ жаль! — неожиданно воскликнула она. — Какъ все странно вышло! Я жду здѣсь сестру. Она пошла къ военному министру... Мы хлопочемъ о пенсіи. Мой мужъ убитъ на войнѣ, и я осталась одна. Какая страшная стихія, эта война!.. Жили мы вмѣстѣ, любили другъ друга, и вдругъ я осталась одна.

Мнѣ показалось, что дама въ траурѣ (теперь я уже не сомнѣвался, что она дама, а не барышня), собралась плакать, и мнѣ предстояло быть утѣшителемъ. Такое поведеніе, собственно, не входило въ расписаніе моего дня. А потомъ, даже и слезы дамы въ траурѣ не могли соотвѣтствовать веселому дню звенящей весны.

Дама въ трауре вынула изъ ридикюля небольшой флакончикъ, понюхала какой-то жидкости, и продолжала:

— Я совсѣмъ, совсѣмъ больна!

Я молчалъ... Теперь я уже ближе разсмотрѣлъ даму въ трауре, и нашелъ, что она замѣчательно красива, и лицо ея не было ни блѣдно, ни землисто, какъ это иногда бываетъ у больныхъ.

Она очень внимательно разсмотрѣла меня и сказала:

— Можетъ быть, вы не откажетесь довести меня до извозчика?

Она встала со скамьи. Мнѣ показалось даже, что она пошатнулась, и я поспѣшилъ предложить ей руку.

Она слегка опиралась на мою руку, и мы медленно шли аллеей сквера и осторожно ступали по гладкой дорожкѣ. По крайней мѣрѣ, я старался быть весьма осторожнымъ.

— Я здѣсь недалеко живу, на улицѣ Гоголя,—сказала она, когда я подозвалъ извозчика. — Я люблю эту улицу... Можетъ быть, дойдемъ пѣшкомъ,—предложила она.

Она заглянула мнѣ въ лицо и, вѣроятно, прочла на немъ только одно недоумѣніе.

— А вы не писатель?—вдругъ спросила она.

Я былъ ошеломленъ этимъ неожиданнымъ вопросомъ, но все же солгалъ мастерски:

— Я писатель, художникъ... рантье... помѣщикъ изъ Уфимской губерніи...

Собственно, для чего я лгалъ—не знаю, но мнѣ казалось, что повстрѣчавшейся дамѣ въ трауре, я не долженъ говорить правду.

— А-а... это хорошо!—почему-то воскликнула она.

Мы перешли проспектъ и вышли на Гороховую.

Она опиралась на мою руку и вздыхала, какъ будто, исполняя возложенную на нее роль.

Она говорила о южномъ морѣ, и о морскихъ купаньяхъ. Почему именно эта тема занимала ее, я не знаю.

На улицѣ Гоголя мы уже говорили о томъ, что каждое лѣто на петербургскихъ мостовыхъ мѣняютъ торцовыя шашки, чадятъ асфальтомъ и разрываютъ какія-то вонючія трубы. Разговоръ о вонючихъ трубахъ изсякъ быстро и прекратился: очевидно, я и дама въ траурѣ,—мы были изъ хорошаго общества.

У подъѣзда большого дома съ рыжей облѣзлой краской, моя спутница пріостановилась, и я понялъ, что она больше не нуждается въ моихъ услугахъ. И я раскланялся.

— Можетъ быть, вы не откажетесь зайти ко мнѣ на чашку кофе. Я не могу пить одна, а сестра вернется не скоро.

Дама въ траурѣ такъ вздохнула, что я не рѣшился отказать. А она добавила:

— Мнѣ хотѣлось бы отблагодарить за вашу любезность.

Я шелъ за нею, когда мы миновали швейцара и поднимались по лѣстницѣ. И я думалъ: не эта-ли дама въ траурѣ послана мнѣ Богомъ для любви? Не она ли мое настоящее счастье? Я понялъ, кто она, и спрашивалъ себя: не научитъ ли она меня любить женщину, принадлежащую многимъ.

Мелькнулъ образъ Галины и исчезъ. Вспомнилъ я, что она меня ждетъ и сказалъ себѣ: пусть ждетъ! Я дольше ждалъ ея любви.

Въ комнатѣ, куда мы вошли, пахло духами. На столикѣ, передъ диваномъ, стояла большая ваза съ цвѣтами. Третью часть комнаты отдѣлялъ большой шкафъ съ зеркальной дверью. Отъ шкафа къ выходной двери тянулась довольно красивая японская ширма. Можетъ быть, эту ширму покойный супругъ дамы въ траурѣ

прислалъ изъ Японіи, какъ трофей побѣды?.. За ширмою и за шкафомъ скрывалась постель, съ пышными подушками, подъ узорными накидками.

Милая дама сняла шляпу и вуаль, и обнажила голову, весьма красиво причесанную. Впрочемъ, красивы были волосы, темные, густые. Красивымъ показался мнѣ и профиль дамы въ траурѣ. О такихъ профиляхъ художники говорятъ, повторяя банальную фразу: «онъ точеный, съ стрѣльчатыми рѣсницами и съ чуть вздернутымъ подбородкомъ». Знатоки женской красоты называютъ такой подбородокъ «задорнымъ».

Дама въ траурѣ позвонила. Вошла горничная и, получивъ приказаніе, удалилась. Дама въ траурѣ, какъ бы мелькомъ, осмотрѣла себя въ зеркалѣ и подошла къ окну... Окно выходило во второй дворъ, отгороженный высокими задними стѣнами сосѣднихъ домовъ, но это не мѣшало лучамъ солнца быть яркими и грѣющими.

— Сядемте у окна,—сказала она:—я люблю пить кофе на чистомъ воздухѣ.

И мы сѣли къ окну. Дама въ траурѣ положила на столикъ обнаженные локти, подперла кистями рукъ голову и задумалась. Я тоже сидѣлъ въ задумчивости, и не зналъ, съ чего начать разговоръ.

Мнѣ показалось даже, что мы только что были на кладбищѣ, гдѣ похоронили супруга моей дамы. Вернулись съ кладбища и молчимъ, избѣгаемъ говорить о чемъ бы то ни было незначущемъ, и боимся говорить о дорогомъ покойникѣ.

На красивомъ подносѣ, похожемъ на серебряный, горничная внесла кофе и бутылку «бенедиктина».

Мы пили кофе съ ликеромъ и бесѣдовали. Она разсказывала о томъ, какъ минувшей весною весело провела время въ Павловскѣ. Я припомнилъ, что на улицѣ моя собесѣдница говорила, что минувшее лѣто и весну

она провела къ Крыму, иначе для чего же мы говорили о южномъ морѣ. Но я не рѣшился выяснять правды, думая, что для дамы въ траурѣ, недавно лишившейся любимаго мужа, допустима и такая несущественная неточность.

— Скажите, вы не пишете романовъ?—неожиданно спросила она меня.

— Нѣтъ, я пишу маленькія новеллы,—отвѣчалъ я.

— Ахъ, новеллы!.. Это такъ хорошо! Я люблю читать новеллы, онѣ такія коротенькія!..

Мы пили кофе съ ликеромъ и говорили о беллетристикѣ. А когда начали бесѣду о музыкѣ, дама въ траурѣ попросила позволенія сдвинуть сторы оконъ, жалуясь на свѣтъ солнца. Я самъ старательно сдвинулъ шелковыя занавѣски, и мы очутились въ какомъ-то перламутровомъ свѣтѣ. И только черезъ всю комнату лежала свѣтлая полоса, переломившаяся тамъ, гдѣ стояли ширмы.

Мы пили кофе съ ликеромъ, и когда заговорили о возможной погодѣ на предстоящее лѣто, полоса свѣта, протянувшаяся черезъ комнату, потухла. Очевидно, солнце успѣло передвинуться, и спряталось за кровлю сосѣдняго дома. Въ комнатѣ потемнѣло, и насъ ласкала эта полутьма безъ рѣзкихъ траурныхъ тѣней.

Мы пили кофе съ ликеромъ, и когда заговорили о преимуществѣ людей страсти надъ людьми разсудка, дама въ траурѣ сидѣла уже возлѣ меня въ мягкомъ креслѣ, и я чувствовалъ, какъ иногда носокъ ея лаковаго ботинка касается моей ноги. Она извинялась за неловкость и говорила о томъ, какая безразсудная была у нея подруга по институту. Безнадежно влюбленная въ учителя русскаго языка, она пыталась отравиться.

— Потомъ она вышла замужъ и ея мужъ сдѣлался священникомъ,—неожиданно заключила дама въ траурѣ

свой разсказъ о подругѣ и добавила:—Я не люблю духовныхъ! Я не могу выносить ихъ костюма. Ихъ ряса напоминаетъ мнѣ плохо сшитый капотъ... И вдругъ человѣкъ съ бородой и усами въ такомъ капотѣ. Какъ можно полюбить такого мужчину?.. Я, вообще, не люблю женственныхъ мужчинъ... То ли дѣло бурная мужская страсть!..

Небольшіе часики на столикѣ у кровати отбили семь какихъ-то особенно торопливыхъ ударовъ, и я изумился тому обстоятельству, что раньше не слышалъ, какъ эти часы били три, четыре, пять, шесть... Какъ будто всѣ эти часы были вычеркнуты изъ моей жизни.

Прощаясь, я пожалъ маленькую нѣжную ручку дамы въ траурѣ. Маленькіе часы отбили десять... Десять торопливыхъ ударовъ и эти удары напоминали мнѣ о времени. Три часа исчезли изъ моей жизни.

Стора на окнахъ была уже раздвинута, а около раскрытаго окна сидѣла дама въ траурѣ... Впрочемъ, теперь она была уже въ бѣломъ пенюарѣ.

Лампы дама въ траурѣ не зажигала и на насъ въ окно смотрѣла бѣлая ночь которую почему-то принято называть мистической.

Смотрѣла на насъ бѣлая ночь и точно хранила какую-то тайну.

— Боже мой! опять наступаютъ эти бѣлыя ночи! Я ужасно тревожно сплю въ бѣлыя ночи. Въ этомъ мистическомъ свѣтѣ я чувствую взглядъ моего милаго мужа... И я боюсь оставаться одна. Ахъ эта война, зачѣмъ она отняла его у меня...

Она говорила съ ложнымъ паѳосомъ, но мнѣ все равно было, что бы она ни говорила. Больше она мнѣ не нужна была...

— Нѣтъ, я не могу полюбить проститутки, хотя бы она была и въ траурѣ.

А дама въ траурѣ опять томно вздыхала, какъ будто

къ ней только что являлся призракъ ея покойнаго супруга. И она печально улыбалась, какъ и слѣдуетъ улыбаться дамѣ въ траурѣ, и она говорила мнѣ нѣжнымъ, томнымъ голосомъ:

— Заходите когда-нибудь, милый...

И это «милый» такъ трогательно звучало въ ея устахъ.

Я поспѣшилъ уйти и зналъ, что никогда больше не перешагну порога этой грѣшной комнаты.

Какъ скверно, что такія встрѣчи оплачиваются деньгами. Вся ихъ новизна и чистота сомнительна, какъ сомнительна чистота и тѣхъ золотыхъ, которыми оплачиваются такія встрѣчи. У кого только въ рукахъ не были эти золотые!..

LI.

Какая странная встрѣча... Для чего она?.. Въ томъ же Александровскомъ скверѣ сегодня повстрѣчался съ Женей Жижилевской. Узнала меня, издали улыбнулась на мое привѣтствіе, подошла и такъ хорошо поздоровалась. Съ той памятной встрѣчи у публичной библіотеки мы не встрѣчались съ нею. Слышалъ я отъ земляковъ, что Женя кончила медицинскій и теперь устраивается при какой-то клиникѣ.

Она пополнѣла, возмужала и въ лицѣ ея какое-то новое выраженіе положительности и основательности.

Обласкала меня мимолетнымъ взглядомъ темныхъ блестящихъ глазъ, улыбнулась и сказала:

— Какъ рѣдко мы съ вами встрѣчаемся!

— Вы такъ странно распрощались со мною тогда.

— Когда? О чемъ вы говорите? Не помню я.

Я напомнилъ ей о нашей встрѣчѣ, когда она торопилась въ библіотеку и она улыбнулась.

— Ну, тогда я была такъ занята...

— А теперь свободны?..

— Йду вотъ въ градоначальство.... Заграничный паспортъ выхлопатываю.

— Ѣдете за границу?—глупо спросилъ я.

— Да, командируютъ въ клинику...

И она назвала клинику какой-то знаменитости въ Берлинѣ.

— А вы знаете новость?—вдругъ перемѣнивъ тонъ, добавила она.

И не дождавшись моего отвѣта, сказала:

— Я выхожу замужъ за Завріенко...

— За Завріенко?

— Да... Что жъ вы удивились?

Я молчалъ и странно, съ трудомъ сдерживалъ свое волненіе. Не все ли равно мнѣ, за кого выходитъ Женя Жижилевская? а вотъ я волнуюсь...

— Вы любите его?—спросилъ я.

— Какъ бы я могла выйти замужъ, если бы не любила...—отвѣтила она и добавила:—Странный вы!..

Она встала и заторопилась.

— Вы все торопитесь уйти отъ меня,—сказалъ я.

Она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на меня.

— А я думалъ, что вамъ пріятно быть со мною,— продолжалъ я.—Помните, тогда... Впрочемъ, что же говорить объ этомъ... До свиданія...

Я протянулъ ей руку и она взглянула на меня съ любопытствомъ.

И она ждала отъ меня еще словъ, словъ признанія. И сказалъ я ей:

— Женя... Женя... зачѣмъ все это такъ случилось?

Она поблѣднѣла и сказала:

— Что вы говорите?.. что вы говорите?...

— Теперь уже все поздно, что бы я ни сказалъ...

Я пожалъ ей руку и отошелъ. Я уходилъ отъ нея, не оглядываясь...

Она долго смотрѣла мнѣ вслѣдъ и не двигалась съ мѣста.

И я вернулся къ ней, близко подошелъ и сказалъ:

— Я васъ любилъ, Женя!.. любилъ...

Глаза ея еще больше расширились и она еще больше поблѣднѣла.

— Что вы говорите?—прошептала она...

— Да... да любилъ, люблю....

Она отшатнулась отъ меня и прошептала:

— Вы Блавадскую любите...

— Васъ, Женя, я люблю... васъ!..

И я быстро отошелъ отъ нея и скоро потерялся въ толпѣ на Невскомъ....

Что я сдѣлалъ? Я самъ не отдавалъ себѣ отчета. Казалось мнѣ почему то, что когда я скажу это Женѣ въ мою жизнь войдетъ новое содержаніе и обновитъ меня...

Она съ испугомъ выслушала мое признаніе и осталась на мѣстѣ, какъ изваяніе, безъ сердца и крови...

Но для чего все это я сдѣлалъ?..

Быть можетъ и Женя Жижилевская давно уже принадлежитъ этому смѣшному хохлу Завріенко? Для чего же я буду добиваться ея любви? Ужели мнѣ мало тѣхъ страданій, ко^^рыми переполнила мою душу Галина?..

LII.

Проснулся отъ стука въ дверь моей комнаты.

— Евгеній, можно къ тебѣ?

Узнаю голосъ Рылѣева. Отворяю дверь. Засвѣтилъ лампу.

— Ты что это спишь?

Спросилъ онъ какимъ-то тревожнымъ голосомъ, сѣлъ, снялъ шляпу.

— Я къ тебѣ на минуту... Ты знаешь, я завтра уѣзжаю...

— Куда?

— Думаю въ Тифлисъ... Дядя у меня тамъ... Заболѣлъ онъ и просилъ непремѣнно пріѣхать... Понимаешь? Я—единственный его наслѣдникъ, неловко какъ-то не отозваться на письмо...

— А какъ же Галина Николавна?

Онъ отвѣтилъ не сразу. Наморщивъ брови, спряталъ отъ меня свои лукавые глаза и сказалъ:

— Мы съ нею расходимся...

— Какъ расходитесь? Но, вѣдь, у нея ребенокъ?

— Ха-ха! Такъ я-то тутъ при чемъ? Можетъ быть, онъ твой сынъ!..

Я хотѣлъ ударить его по лицу, уронить на полъ, бить его и топтать ногами.

— Ты—подлецъ!—крикнулъ я.

Онъ вскочилъ со стула, схватилъ со стола мраморное прессъ-папье и всталъ въ оборонительную позу. Мнѣ казалось—скажи я ему еще хоть слово, и онъ ударитъ меня.

— Ты—подлецъ!—крикнулъ я вторично.—Ты разбилъ жизнь Галины! Ты мою жизнь разбилъ!..

Онъ опустился на стулъ, закрылъ лицо руками и сказалъ:

— Не брани меня, Евгеній... Я и свою жизнь разбилъ... А если и не разбилъ, такъ развѣ же ты не видишь, въ какую яму я упалъ? Я виноватъ и передъ тобою, и передъ Галиной... Но что же я могу сдѣлать со своей дьявольской натурой?

— У тебя подлая натура! Подлая, низкая! Ты трусливый мерзавецъ!

— Не бранись. Я не ручаюсь за себя...

И онъ опять придвинулъ къ себѣ прессъ-папье.

— Ты и убить меня не посмѣешь! Гдѣ тебѣ!..

Мы съ минуту помолчали.

— Не проклинай меня, Евгеній!—сказалъ онъ и всталъ.—Я уйду... Руки ты мнѣ, конечно, не протянешь...

Я промолчалъ, и онъ молча удалился.

LIII.

Мы съ Ваничкой сдружились еще больше. Онъ живетъ на Петербургской сторонѣ, недалеко отъ меня. Мы часто видимся и вдвоемъ ходимъ по ресторанамъ и пьемъ.

— Я утратилъ вкусъ къ жизни, я опустился,—говоритъ онъ о себѣ.

Я молчу и думаю про себя: «и я опустился, и я утратилъ вкусъ къ жизни...»

Однажды мы шли по одной узенькой и глухой улицѣ Петербургской стороны. Это было въ пасмурныя осеннія сумерки. Зажигались въ окнахъ домовъ огни, горѣли на улицахъ фонари. И осклизлыя стѣны домовъ и сѣрые заборы дышали сыростью и холодомъ. Мостовая грязная, мокрая, панели залиты водою...

Два рослыхъ дворника въ бѣлыхъ фартукахъ выволокли изъ портерной проститутку. Она висла на ихъ сильныхъ рукахъ, и грязный подолъ ея платья тащился по мокрой панели.

— Пустите меня, проклятые фараоны, я домой пойду!—кричала проститутка.

— Въ участкѣ проспишься. Тамъ тебя протрезвятъ...

Толпа зѣвакъ провожала проститутку, а она все бормотала о томъ, что пойдетъ домой.

— Отпустите ее, она домой пойдетъ,—обратился къ дворникамъ съ просьбой Ваничка.

Я поддержалъ его. Нашелся и еще мужчина изъ толпы, который также просилъ дворниковъ отпустить захмелѣвшую женщину.

— Нельзя, господа, что вы! Она въ пивной Мирону Иванычу по лицу бутылкой... Никакъ нельзя, господа!..

Я и сердобольный мужчина отстали, а Ваничка все продолжалъ итти за дворниками и просить ихъ отпустить проститутку.

Шумъ около угла усилился. Видна куча человѣческихъ тѣлъ. Бѣжимъ къ углу. Какой-то рослый мужчина съ широкой лохматой бородой бьетъ проститутку, а Ваничка валитъ рыжебородаго на землю.

Дворники подаютъ свистки. Кто-то оттащилъ Ваничку, и онъ стоялъ у какой-то вывѣски и оттиралъ съ лица кровь. Рыжебородый, который оказался Мирономъ Иванычемъ, хватилъ кулакомъ и по лицу Ванички.

А женщину все тащили по мокрымъ панелямъ. Съ окровавленнымъ лицомъ, она кричала:

— Проклятая жизнь! Проклятая!..

И странно звучали эти слова на глухой и сумрачной улицѣ.

И шли мы дальше и дѣлились впечатлѣніями только-что разыгравшейся сцены.

— Вотъ и моя натурщица такая же несчастная! Вчера пришла съ синяками, и я не могъ работать.

Ваничка пишетъ картину изъ уличной петербургской жизни.

— А почему бы тебѣ не написать женщины съ синяками?—вставилъ я.

— А, вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ, почему бы мнѣ не продолжать работу? А я отослалъ мою Настеньку.

— Конечно,—настаивалъ я.—И пусть всѣ мужчины, посѣтившіе весеннюю выставку, видятъ, какія женщины есть на свѣтѣ...

— Конечно, конечно! Пусть они знаютъ, кого мы ласкаемъ... кого мы любимъ... Петербургскіе дворники превращаютъ лица проститутокъ въ отбивныя котлеты, а мужчины цѣлуютъ эти лица... Эхъ, если бы ты зналъ, какъ я ненавижу всѣхъ насъ, мужчинъ!..

Ваничка пилъ пиво и бранилъ мужчинъ, а я бранилъ женщинъ...

Мы долго спорили, кто лучше—мужчины или женщины, и разошлись, не сговорившись.

Если бы въ мою душу влился такой же ужасъ жизни, который заставилъ проститутку проклинать, и если бы я могъ крикнуть: «проклятая жизнь»,—я больше походилъ бы на человѣка. Проститутка, погибшее созданіе, сильнѣе меня, потому что дерзаетъ крикнуть жизни: «проклятая».

Если бы я могъ въ краскахъ создать образъ этой проклинающей женщины, быть можетъ, и моя жизнь имѣла бы большую цѣнность. Я сказалъ бы мужчинамъ: смотрите, до чего вы довели человѣка!..

Могу ли я, смѣю ли я сказать это?..

Я отвернулся отъ Галины въ минуту ея горя... Она вчера звала меня, и я не пошелъ. Я весь вечеръ бродилъ по Невскому, говорилъ съ проститутками, и было весело слушать ихъ глупую болтовню...

LIV.

— Письмо вамъ, Евгеній Александровичъ.

Хозяйка просунула руку въ полуоткрытую дверь и подала мнѣ маленькій конвертикъ.

Галина писала:

«Евгеній Александровичъ, ужели вы останетесь такимъ навсегда? Ужели вы не захотите протянуть мнѣ руку помощи? Впрочемъ, не буду дѣлать такихъ вступленій и скажу вамъ только одно. Я была бы очень рада, если бы вы побывали у меня. Если не можете, скажите, напишите: когда я могу зайти къ вамъ? У меня большое горе. Мальчикъ мой умеръ, вчера его схоронили».

Я не могу отдать себѣ отчета, съ какимъ тревожнымъ чувствомъ прочелъ я эти строки. Меня охватила тревога, какъ будто новая для моего сердца и какъ будто испытанная мною.

Чѣмъ-то забытымъ вдругъ пахнуло на меня отъ ея письма. А эти простыя слова: «У меня большое горе.

Мальчикъ мой умеръ, вчера схоронили его». Эти слова покорили меня, и я пошелъ къ ней.

Можетъ быть, и вправду этотъ мальчикъ былъ мой сынъ. А я даже и не видѣлъ его какъ слѣдуетъ. Избѣгалъ смотрѣть. Мнѣ все казалось, что онъ сынъ Рылѣева. И онъ былъ мнѣ противенъ, этотъ красный кусокъ мяса!

И я пришелъ къ ней... Я крѣпко сжалъ ея руку, взглянулъ въ ея глаза, и мнѣ хотѣлось плакать, такой несчастной и убитой выглядѣла она.

— Сядьте, голубчикъ! Мнѣ такъ не по себѣ сегодня...

Она протянула мнѣ свою исхудавшую, бѣлую руку и продолжала:

— Возьмите мою руку, погладьте ее...

А сама отвалилась на подушку, закрыла лѣвой рукой глаза и шептала:

— Погладьте мою руку, какъ тогда... когда мы были дружны...

И сквозь слезы добавила:

— Мальчикъ мой умеръ, и у меня не осталось ни одной радости въ жизни...

— Мы и теперь дружны,— сказалъ я стереотипную фразу и самъ же устыдился своего голоса.

Я гладилъ ея руку, какъ тогда, но она чувствовала, что чего-то уже не стало между нами. И она отняла пальцы и сказала:

— Евгенiй!.. прежняго уже не можетъ быть... не будемъ обманывать себя...

И глубоко вздохнула. Обвела комнату глазами, уставилась на меня пристальнымъ, испытующимъ взоромъ и молчала. А по ея глазамъ я видѣлъ, что она ждала... Она ждала, чтобы я сказалъ, что насъ опять объединяетъ прошлое. Вспыхнетъ оно, какъ пламя раздутыхъ угольевъ, и снова опалитъ и ее и меня.

Я всматривался въ ея исхудавшее блѣдное лицо, видѣлъ тусклый свѣтъ ея ввалившихся, обведенныхъ кру-

гами глазъ... Она была одинока, всѣми забытая... И странно— мнѣ не было жаль ея...

Мы долго молчали.

Я всталъ и протянулъ ей руку.

— Прощайте, мой славный!—сказала она.

Она отравилась уксусной эссенціей и умерла въ больницѣ.

Лежала въ гробу, въ бѣломъ платьѣ, вся бѣлая, блѣдная, нѣмая...

Плотно сомкнулись ея большіе сѣрые глаза, и губы сдвинулись. Никогда она больше не скажетъ мнѣ: «Прощайте, мой славный». Никогда она не взглянетъ на меня съ запросомъ, вернусь я къ ней или нѣтъ.

Лежитъ въ бѣломъ платьѣ, вся бѣлая, блѣдная и нѣмая...

Теплится надъ ея головой крошечная лампада, и какая-то таинственная тишина окружаетъ насъ съ нею вдвоемъ въ сумрачной и холодной часовнѣ...

Какъ будто эта часовня съ одинокой лампадой—вся наша жизнь, сумрачная, одинокая, безрадостная... И мы вдвоемъ съ нею въ этой жизни, окруженные таинственной тишиной и объединенные молчаніемъ...

Лежитъ въ бѣломъ платьѣ, вся бѣлая, блѣдная, холодная, безмолвная и одинокая въ дешевомъ больничномъ гробу...

Таинственное молчаніе объединяетъ насъ, ее и меня. Ее—безъ желанія жизни, меня—безъ желанія смерти...

Опять я прошелъ мимо чужого горя. «Та» крикнула: «Я жить хочу!»

И я не далъ жизни. Гордая Галина не хотѣла просить у меня помощи. Гордая и сильная, она ушла отъ меня молча... и унесла съ собою мою душу...

И лежитъ въ гробу въ бѣломъ платьѣ, вся блѣдная, безмолвная и нѣмая...

ОНИ ЖИЛИ ВТРОЕМЪ.

I.

Они жили втроемъ подъ однимъ кровомъ и называли свою жизнь счастьемъ... Ихъ объединяли самыя лучшія родственныя отношенія и имъ самимъ не казалось это страннымъ, какъ будто они боялись или не хотѣли понять истиннаго смысла своей жизни. Когда они жили отдѣльно другъ отъ друга—ихъ томила тоска одиночества и жизнь казалась мукой...

Онѣ обѣ начали жизнь въ сиротствѣ и воспитывались у родныхъ дядей, а когда подросли и кончили ученье, старшая сестра, Серафима, сдѣлалась «телефонной барышней», а младшая—Анна уѣхала въ уѣздъ учительствовать; потомъ Анна Ивановна встрѣтилась съ акцизнымъ чиновникомъ Александромъ Петровичемъ и вышла за него замужъ. Они наняли небольшую квартиру въ четыре комнаты, и въ одной ихъ нихъ поселилась Серафима Ивановна, которая попрежнему служила на телефонной станціи. Черезъ годъ у Анны Ивановны родился ребенокъ, слабенькій золотушный мальчикъ, и вскорѣ умеръ... И это была первая печаль въ ихъ жизни. Молодая мать глубоко страдала и съ этого времени ея здоровье надорвалось. Отецъ скоро забылъ мальчика и, утѣшая жену, говорилъ:

— Голубчикъ, Аня!.. не тоскуй, вѣдь будутъ же у насъ и еще дѣти...

Она повѣрила этимъ словамъ и стала жить надеждой... Иногда ей казалось, что надежды ея никогда не оправдаются, такъ какъ она чувствовала, что съ каждымъ днемъ силы ея слабѣютъ... Иногда ее снова окрыляла надежда—и она опять считала себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ...

Но она была больна и разные доктора находили въ ней разныя болѣзни и лѣчили ее...

Лучше другихъ ее умѣла успокаивать въ минуты отчаянія сестра, Серафима Ивановна—и она горячо любила одинокую дѣвушку и, какъ могла, старалась излѣчить язвы одиночества «милой, хорошей Серафимочки»... Какъ родную, любилъ Серафиму Ивановну и Александръ Петровичъ. По крайней мѣрѣ, онъ при всѣхъ удобныхъ случаяхъ и всѣмъ говорилъ такъ, и никто не находилъ это страннымъ...

И они жили втроемъ подъ однимъ кровомъ и называли свою жизнь счастьемъ...

Какъ-то разъ въ сентябрѣ, часовъ въ шесть вечера, кухарку Авдотью послали къ Ивану Тимофеевичу за стаканами, рюмками, вилками и ножами...

— Бѣги, Авдотья, къ Ивану Тимофеевичу... т.-е., собственно, къ Татьянѣ Петровнѣ и попроси у нихъ стакановъ и рюмокъ, — говорила Серафима Ивановна. — Да еще вилокъ и ножей захвати... Да, смотри, не перебей! и не растеряй!.. Скорѣе—слышишь!.. Да скажи еще Татьянѣ Петровнѣ, что, молъ, баринъ съ барыней ждутъ васъ въ гости, въ семь часовъ—крестины... Скоро и батюшка придетъ...

Моргая глазами, Авдотья слушала приказанія «вто-

рой барыни», какъ она называла сестру хозяйки и въ душѣ бранила «проклятую старую дѣву».

Въ этотъ безпокойный день Авдотья, что называется, съ ногъ сбилась: то и дѣло приходилось бѣгать въ лавки или по знакомымъ господамъ—то съ какими-то записочками, то съ устной просьбой, одолжить кастрюль и посуды. Пришлось даже два раза съѣздить на извозчикѣ на Сергіевскую улицу за стульями къ какимъ-то родственникамъ господъ... И, исполняя аккуратно всѣ приказанія господъ, Авдотья про себя ворчала:

— И чего шириться и гостей зазывать, когда ни вилокъ, ни ножей, ни стульевъ нѣтъ!.. Позвали бы батюшку, крестнаго съ крестомъ, окрестили бы потихоньку, да и все тутъ... А потомъ выпили бы по рюмочкѣ наливки, да и разошлись бы...

Татьяну Петровну, родную сестру Александра Петровича, Авдотья любила и называла «простой барыней», потому что Татьяна Петровна всегда охотно вступала съ Авдотьей въ бесѣду, какъ съ родной, а, главное—любила разспрашивать Авдотью о томъ, какъ живутъ Александръ Петровичъ съ Анной Ивановной,—и Авдотья всегда съ большой охотой докладывала о всѣхъ мелочахъ домашней жизни.

— Здравствуйте, барыня!—привѣтствовала Авдотья Татьяну Петровну.—Барышня Серафима Ивановна просили у васъ рюмокъ и стакановъ...

— Что — крестины?..

— Крестины... И васъ, барыня, съ Иваномъ Тимофеевичемъ барышня просили къ себѣ... еще просили вилокъ и ножей...

— Вѣрно много гостей будетъ?

— Мно-ого! Весь день хожу то туда, то сюда. На Сергіевскую ѣздила на извозчикѣ и четыре стула привезла.

Отбирая въ буфетѣ стаканы и рюмки, «которые по-

хуже», Татьяна Петровна слушала Авдотью и думала о гордячкѣ Аннѣ Ивановнѣ: «губы-то дуетъ и хорохорится, а за рюмками ко мнѣ же присылаетъ...»

Отобравъ посуду, Татьяна Петровна съ ехидствомъ посмотрѣла въ глаза Авдотьѣ и съ усмѣшкой проговорила:

— Въ домѣ двѣ барыни, а посуды своей не заведете...

— Съ двумя-то барынями хуже: Анна Ивановна говоритъ—сдѣлай такъ, а та... барыня-то, по-своему...

Провожая кухарку черезъ кухню, Татьяна Петровна что-то шопотомъ сообщала ей и улыбалась.

II.

Когда Авдотья вернулась домой, въ маленькой квартиркѣ Александра Петровича уже собралось нѣсколько гостей, приглашенныхъ на крестины.

Пришелъ длинный и рыжій Невзоровъ, сослуживецъ Александра Петровича; съ нимъ вмѣстѣ пришла и его супруга, полная дама въ темномъ платьѣ въ стилѣ «Реформъ». За этой четой слѣдомъ явился близкій другъ хозяина Епонешниковъ, толстый человѣкъ съ брюшкомъ. Его сопровождала Анна Захарьевна Тросткина, подруга его жизни. Пришелъ и еще какой-то господинъ въ очкахъ, котораго Авдотья ни разу не видѣла, но какъ скоро выяснилось, это былъ не гость, а псаломщикъ, явившійся въ сопровожденіи церковнаго сторожа, навьюченнаго купелью. Пришли еще двѣ молодыя барышни съ завитыми волосами, и Анисья Парамоновна, старушка, мать Александра Петровича.

Дамы и барышни прошли въ сосѣднюю комнату, гдѣ въ постелѣ лежала Анна Ивановна, а Серафима Ивановна, любившая поболтать съ интереснымъ Невзоровымъ, приготовляла въ кухнѣ закуску и сердилась на замѣшкавшуюся Авдотью.

— Заболталась, вѣрно, съ дворниками у воротъ!— сердито встрѣтила она кухарку.

— Ни у какихъ воротъ не забалтывалась, а шла,— дерзко отвѣтила кухарка.

— Поговори еще... дурища...

Гости-мужчины бесѣдовали съ псаломщикомъ, который, щуря глаза за стеклами очковъ, говорилъ о томъ, какъ много въ наше время родится людей.

— Не успѣваешь крестить,—закончилъ онъ свою рѣчь.

— Что же, тѣмъ лучше, больше вамъ дохода,—перебилъ псаломщика Невзоровъ.

— Доходъ-то доходомъ, а я размышляю о родѣ человѣческомъ... Плодится онъ неимовѣрно, а земля не разбухаетъ, какой сотню вѣковъ тому назадъ была, и такая и теперь!..

— Земля всѣхъ выдержитъ,—счелъ необходимымъ высказать свое мнѣніе и Епонешниковъ, большой любитель философскихъ разговоровъ.—Вы взгляните-ка вонъ въ наши дѣла, въ управленіи, такъ и увидите, сколько теперь переселенцевъ ѣдетъ въ Сибирь. Въ Россіи стало тѣсно, вотъ ихъ и направили въ Сибирь.

— Это такъ-то такъ,—согласился псаломщикъ,—а все-таки, если взглянуть шире...

Дальнѣйшій философскій разговоръ оборвался, такъ какъ пришелъ Александръ Петровичъ, запыхавшійся и съ нервной дрожью въ голосѣ.

— Авдотья!.. Серафима Ивановна! Все ли готово? Закуску приготовили? Воды нагрѣли? Водку-то, Серафима Ивановна, водку-то вы бы въ графинчикъ перелили...—И вдругъ пониженнымъ голосомъ, почти шопотомъ спросилъ:—батюшка пришелъ?.. Господи, а Николая Августовича нѣтъ!..

Гости прислушивались къ голосу хозяина и ждали, когда онъ появится въ зальцѣ.

— А я думала, что ужъ и батюшка пріѣхалъ!—весело воскликнулъ онъ, появившись въ зальцѣ и крѣпко сжимая руку псаломщика.

— Батюшка пріѣдетъ въ семь съ половиной...

— То-то, ну, слава Богу!—здороваясь съ пріятелями, бормоталъ Александръ Петровичъ.—Лечу я къ Николаю Августовичу—дома нѣтъ! Господи, думаю, какъ же быть? А его, видите ли, къ ихъ превосходительству, по телефону, вызвали. А тутъ горничная Николая Августовича выручила: они, говоритъ, къ вамъ на Болотную отъ его превосходительства обѣщали проѣхать... Ну, думаю, значитъ, нечего и безпокоиться...

Александръ Петровичъ прошелъ въ комнату жены и поздоровался съ дамами. Потомъ онъ погладилъ по головкѣ плачущаго новорожденнаго, котораго старушка Анисья Парамоновна носила на рукахъ и успокаивала. Черезъ минуту Александръ Петровичъ снова появился въ зальцѣ, гдѣ въ это время оборвавшійся философскій разговоръ снова завязался.

— Человѣку никогда тѣсно на землѣ не бываетъ!—говорилъ Епонешниковъ.—Если ему тѣсно здѣсь—онъ пойдетъ туда (Епонешниковъ развелъ руками изъ стороны въ сторону). Если ему будетъ тѣсно на землѣ, онъ выстроитъ домъ въ пятнадцать, въ двадцать этажей! Посмотрите-ка, вонъ, въ Америкѣ какіе дома строютъ!.. Если будетъ тѣсно человѣку на землѣ, онъ и къ небу поднимется!.. ничего, сумѣетъ...

— А о Вавилонскомъ столпотвореніи вы забыли?—оппонировалъ псаломщикъ.

— Вотъ тебѣ на! при чемъ тутъ Вавилонское-то столпотвореніе?

— А при томъ-съ, что человѣку-то не дано быть на небѣ, и къ небу-то онъ долженъ духовно стремиться... Да-а... И я говорю не о физической тѣснотѣ, а о моральной, о духовной жизни человѣка...

— Ха-ха-ха!—разсмѣялся Невзоровъ.—Духовная жизнь—это нѣчто не вещественное, это духъ, а духу-то и подавно вездѣ свободно... Правда, Александръ Петровичъ?—обратился онъ къ хозяину. — Вонъ господинъ псаломщикъ говоритъ, что человѣку тѣсно жить, а ты взялъ да и сдѣлалъ сына!.. Ха-ха! Безъ него было тѣсно, а онъ взялъ, да и родился...

Невзоровъ похлопалъ Александра Петровича по плечу и отвелъ его къ окну, въ запотѣвшія стекла котораго смотрѣла полумгла сентябрьской холодной ночи. Слушая болтовню гостя, Александръ Петровичъ думалъ о Николаѣ Августовичѣ и задавался вопросомъ: а какъ быть, если начальникъ не придетъ и не пожелаетъ покумиться съ нимъ?

III.

Черезъ полчаса пришелъ батюшка, высокій человѣкъ, съ просѣдью въ каштановыхъ волосахъ и безпокойство Александра Петровича усилилось. Онъ то и дѣло смотрѣлъ на карманные часы, выбѣгалъ въ прихожую и, отворяя дверь на лѣстницу, прислушивался, но Николая Августовича все нѣтъ и нѣтъ. Безпокойство хозяина сообщилось и батюшкѣ.

— А-а... это не удобно... кума здѣсь, а кума— нѣтъ,—говорилъ, улыбаясь, батюшка.—Вы ужъ ему выговоръ за опозданіе,—обратился онъ къ Серафимѣ Ивановнѣ.

— Ссориться кумовьямъ не разрѣшается,—смѣясь отвѣтила Серафима Ивановна и про себя подумала: какіе, должно быть, красивые волосы были у батюшки, когда ему было лѣтъ двадцать...

— Николай Августовичъ милѣйшій человѣкъ,—проговорилъ и Епонешниковъ, но въ его голосѣ слышалась какая-то неувѣренность.

Псаломщикъ крякнулъ и поправилъ на носу очки. Епонешниковъ осмотрѣлъ его пышную шевелюру и, обратившись къ батюшкѣ, проговорилъ:

— А вотъ мы здѣсь безъ васъ, батюшка, говорили о человѣческомъ утѣсненіи. Вонъ господинъ псаломщикъ говоритъ, что земля не разбухаетъ, не увеличивается, а человѣчество плодится...

— Позвольте-съ,—перебилъ Епонешникова псаломщикъ,—я говорилъ о тѣснотѣ въ смыслѣ моральномъ... нравственно-духовномъ, такъ сказать...

— Это совершенно справедливо, — поддержалъ псаломщика батюшка, — морально намъ давно тѣсно жить. Нашъ духовный человѣческій обликъ стѣсненъ вотъ этой оболочкой-то...—Батюшка оттянулъ на своей полной рукѣ кожу и добавилъ:—вотъ этой шкурой-то нашей, плотью-то, всѣми ея похотями мы достаточно стѣснены... Духъ рвется къ истинному Богу, а мы его стѣсняемъ... Это совершенно справедливо... Теперь вонъ и разные тамъ ученые говорятъ о земельномъ утѣсненіи рода человѣческаго, а это неправда, потому — земля обширна и обильна и все вмѣстимое да вмѣститъ... Опять же завелись и еще лже-пророки, во главѣ съ нѣмецкимъ безумцемъ, и о какой-то тамъ свободѣ личности заговорили... Какую еще имъ тамъ свободу? Распущенности-то и безъ того не мало: начальству не повинуются, банки крадутъ, ножами на улицахъ другъ въ друга пыряютъ... А семья? Гдѣ она, семья, Богу угодная, прочная?.. Развѣ мало теперь у насъ семей, когда мужъ на сторонѣ заводитъ еще новую семью?.. Много и такихъ отступниковъ отъ нравственныхъ началъ святыхъ отцовъ...

Голосъ батюшки звучалъ твердыми нотками и по мѣрѣ теченія рѣчи переходилъ въ тонъ проповѣди. При послѣднихъ словахъ батюшки, Александръ Петровичъ вздрогнулъ и отошелъ къ окну, смущенной потупилась

и Серафима Ивановна. Обоимъ имъ показалось, что батюшка намекаетъ на ихъ грѣховную связь, которая, подобно смертоносной язвочкѣ, завелась въ ячейкѣ семьи Александра Петровича и теперь уже ничѣмъ не излѣчить этой язвы и не вытравить ея...

Приходъ Николая Августовича прервалъ нить печальныхъ размышленій Александра Петровича и Серафимы Ивановны.

Начальникъ явился въ мундирѣ съ шитымъ воротникомъ, при орденахъ и при шпагѣ. При его появленіи въ зальцѣ, даже батюшка приподнялся со стула и пожалъ выхоленную руку вновь прибывшаго. Николай Августовичъ высказалъ желаніе повидаться съ матерью новорожденнаго и прошелъ въ спальню. Здѣсь онъ красиво изогнулъ спину, затянутую въ мундиръ, пожалъ руку Аннѣ Ивановнѣ, и ласково проговорилъ:

— Поздравляю васъ, Анна Ивановна! Желаю новорожденному здоровья и счастья, и пусть вотъ этотъ маленькій подарочекъ будетъ первымъ камнемъ въ базисѣ этого счастья...

При этихъ словахъ онъ положилъ подъ подушку небольшой свертокъ въ папиросной бумагѣ и вышелъ.

IV.

Во время обряда крещенія Александръ Петровичъ сидѣлъ у постели больной, держалъ ея блѣдную руку въ своихъ похолодѣвшихъ пальцахъ и шепталъ:

— Анюта, голубчикъ! Ты знаешь вѣдь какъ это важно, что Николай Августовичъ воспринимаетъ нашего Володечку... Это очень важно! Ты посмотри, какой онъ ко мнѣ внимательный, не отказался, сыну подарочекъ принесъ...

Мужъ и жена поговорили о подарочкѣ, скрытомъ

подъ подушкой, но почему-то никто изъ нихъ не рѣшался протянуть руки и разсмотрѣть, что это за подарокъ. Потомъ они оба смолкли, прислушиваясь къ пѣнію батюшки и псаломщика, и Александръ Петровичъ думалъ о торжественности и важности совершаемаго обряда. Онъ слышалъ, какъ Николай Августовичъ и Серафима Ивановна, повторяя слова за священникомъ, говорили: «отрекаюсь, отрекаюсь, отрекаюсь...», а потомъ: «отрекомся, отрекомся, отрекомся...» И онъ подумалъ: «а отречнется ли отъ своихъ грѣховъ Серафима Ивановна? вѣдь она страшно виновна и передъ тѣмъ крошечнымъ человѣкомъ, за котораго отрекается, и передъ сестрой... И я виновенъ передъ ними.—Боже! Боже!..»

— Анюта!.. Аня!..—тихо проговорилъ Александръ Петровичъ и опустилъ лицо къ подушкѣ, на которой покоилась голова жены.

Анна Ивановна пристально посмотрѣла ему въ глаза, словно не узнавъ его голоса. Онъ давно не говорилъ такъ ласково и нѣжно и давно не называлъ ее этимъ хорошимъ именемъ «Аня». Послѣдній годъ въ жизни молодой женщины былъ сплошнымъ мученіемъ, хотя съ внѣшней стороны ихъ супружескія отношенія могли возбудить зависть въ другихъ. Она всѣмъ своимъ существомъ ощущала, что мужъ охладѣваетъ къ ней, постоянно больной и страдающей, и это обстоятельство еще больше заставляло ее страдать и худѣть. Иногда ей казалось, что отчужденность между ними не является слѣдствіемъ ея болѣзни, а возникло благодаря тому, что они вообще не подходятъ другъ къ другу: онъ—обыкновенный чиновникъ, начавшій свою карьеру съ мелкаго писца, а у нея съ юныхъ лѣтъ были кое-какіе запросы, но сиротство заглушило ихъ нѣжные побѣги.

Она знала и еще одну тайну ихъ семейной жизни, но старалась скрыть даже отъ себя то, что знала, и съ того момента, когда она узнала о связи мужа съ сестрой,—

сердце въ ея груди похолодѣло, и она вдругъ почувствовала, что съ этого момента уже никакія оскорбленія не вызовутъ въ ней обиды и никакія страданія не причинятъ ей боли. Временами въ ней просыпался какой-то необузданный протестъ противъ какой-то несправедливости, о которой и она сама не могла себѣ отдать отчета, но протестъ этотъ разрѣшался больными горячими слезами, и она успокаивалась. За послѣдніе дни беременности, когда пришлось слечь въ постель, а мужъ и сестра какъ будто забывали о ея существованіи и нерѣдко разъѣзжали по театрамъ и вечерамъ, возвращаясь домой послѣ двухъ и трехъ часовъ ночи, ей мучительно больно хотѣлось умереть, чтобы не испытывать мукъ. Но потомъ и это рѣшеніе оканчивалось больными горячими слезами...

Передъ наступленіемъ родовъ она часто размышляла о жизни и молила Бога, чтобы онъ помогъ ей умереть въ этихъ родахъ. На самоубійство она не считала себя способной: она боялась этого страшнаго грѣха, а жить такъ невозможно. Если ея молитва будетъ услышана—смерть придетъ сама собою и на мѣстѣ ея разрушенія останется кто-то другой, маленькій, который чертами своего лица будетъ напоминать Сашѣ о томъ, что когда-то жила его Аня, добрая, терпѣливая женщина, и она тихо, какъ тѣнь легкаго облака, мелькнула и отодвинулась. А когда появился на свѣтъ мальчикъ, она вдругъ захотѣла жить, захотѣла мучительно больно жить,—жить ради этого маленькаго существа. Ради этой новой жизни она готова, она способна забыть всѣ обиды, все горе, лишь бы...

— Аня... Аня...—тихо произнесъ онъ и его горячее дыханіе коснулось ея щеки.

— Что... Саша?—спросила она.

— Можетъ быть, Аня, я несправедливъ былъ къ тебѣ... Послѣднее время я страшно утомлялся, изнерв-

ничался... Я знаю, что былъ несправедливъ, иногда повышалъ голосъ, топалъ ногами... Но, Аня!..

Онъ взялъ ея руку, крѣпко поцѣловалъ горячіе пальцы и, опустившись еще ниже къ лицу жены, сталъ губами искать ея губы.

Она отвѣтила на его жаркій поцѣлуй горячимъ, но спокойнымъ поцѣлуемъ и пристально посмотрѣла ему въ глаза. Она ждала, что онъ долженъ былъ сказать еще что-то. Но онъ молчалъ.

Александръ Петровичъ прошелся по комнатѣ и, остановившись у окна, посмотрѣлъ сквозь стекло, на беззвѣздное небо, и сумракъ ночи опустился въ его душу. Онъ самъ сознавалъ, что тѣмъ, что онъ только что сказалъ, еще не все сказано, что женѣ надо сказать еще нѣчто важное и тайное, о чемъ она давно знаетъ, но не говоритъ.

Онъ услышалъ тихое сдавленное рыданіе и обернулся.

— Аня! Аня!.. о чемъ, голубчикъ?—забормоталъ онъ, припадая къ ней.

— Это такъ, Саша, это отъ счастья... Вѣдь онъ тамъ теперь... Онъ, нашъ Володя...

— Да, да, онъ тамъ, Аня... Я счастливъ...

Онъ оборвалъ потокъ своихъ сбивчивыхъ фразъ и принялся цѣловать жену.

— Аня, ты прости меня... за многое прости,—началъ онъ.—Вѣдь ты одно у меня утѣшеніе, одна радость!..

Дверь въ спальню распахнулась и на порогѣ ея появилась Серафима Ивановна съ ребенкомъ на рукахъ.

— Ну, вотъ тебѣ, Аня, и новый человѣкъ!—проговорила сестра и положила младенца рядомъ съ матерью на кровать.

Анну Ивановну обдало запахомъ какихъ-то пріятныхъ духовъ и, приподнявъ на подушкѣ голову, она заглянула въ лицо малютки. Къ ней подошелъ высокій плечистый батюшка съ лохматой головою, благословилъ ее и потомъ

пожалъ блѣдную руку Анны Ивановны. За батюшкой слѣдомъ подошли къ кровати Николай Августовичъ, Анисья Парамоновна, Епонешниковъ и другіе гости. Всѣ они поздравляли Анну Ивановну съ новорожденнымъ, жали ей руку, желали многихъ лѣтъ жизни и счастья. Она улыбалась конфузливой улыбкой и всѣмъ отвѣчала: «благодарю васъ! благодарю васъ!..»

Потомъ всѣ они быстро одинъ за другимъ ушли въ сосѣднюю комнату, откуда доносился теперь лязгъ ножей, вилокъ и тарелокъ.

Мальчикъ заплакалъ и нянька унесла его за ширму. На минуту въ спальной появился Александръ Петровичъ, взялъ съ комода ключи отъ буфета и скрылся.

Анна Ивановна закрыла глаза рукою и стала прислушиваться къ говору въ сосѣдней комнатѣ. Ее раздражалъ этотъ громкій говоръ и звонъ посуды. Ей казалось, что эти посторонніе грубые звуки мѣшаютъ ей вслушаться въ плачъ ребенка. Въ эту минуту у нея было только одно желаніе, понять и угадать—отчего плачетъ ея Володя, что ему надо.

— Няня! няня! что ему надо?..—слабымъ голосомъ проговорила она.

— Ничего, барыня, не безпокойтесь...— Растревожили его, вотъ онъ и плачетъ...

Анна Ивановна упрекнула себя за то, что уступила мужу, согласившись крестить маленькаго на шестой день рожденія. Она припомнила доводы, чѣмъ оправдывалъ свое настояніе мужъ, и ей опять пришла на память та разница, которая раздѣляетъ ихъ.

— А если онъ простудился въ холодной водѣ?—съ ужасомъ прошептала Анна Ивановна.—Няня! няня! А вода въ купели теплая была?—спросила она няньку громко.

— Какъ же, барыня, тепленькая... Развѣ батюшка не знаетъ...

— Ты сама смотрѣла?.. Термометръ ставила?..

— Сама щупала рукой... А батюшка съ градусникомъ-то прогналъ барина, у меня, говоритъ, руки привычныя, лучше вашихъ градусниковъ...

Въ передачѣ няньки слова батюшки показались Аннѣ Ивановнѣ грубыми и безчеловѣчными и, теперь, слыша густой басъ священника, она отъ всей души ненавидѣла этого человѣка, ворвавшагося къ нимъ въ домъ съ своими правилами.

Она немного успокоилась, когда мальчикъ пересталъ плакать, и закрыла глаза. У ней вдругъ явилось желаніе уснуть и забыть всѣ огорченія жизни и всѣ ея радости. Скоро она заснула и видѣла во снѣ своего сына. Она цѣловала его пухленькія щечки, она цѣловала его глазки и розовыя губки... И говоръ гостей изъ сосѣдней комнаты не нарушалъ ея счастливыхъ минутъ.

V.

За чаемъ и легкой закуской съ виномъ гости просидѣли часа два. Молодая мать и новорожденный спали крѣпкимъ блаженнымъ сномъ и не слышали говора подвыпившихъ людей. Потомъ гости одинъ за другимъ стали расходиться, говоря на прощанье пошлыя и плоскія фразы, и скоро въ квартирѣ Александра Петровича стало тише.

Кухарка Авдотья, выпивъ рюмку водки и два стаканчика наливки, убирая посуду, старалась казаться трезвой. Убирать со стола ей помогала и Серафима Ивановна, смѣнившая нарядное платье на свободный свѣтло-голубой капотъ. Александръ Петровичъ составилъ въ буфетъ бутылки съ недопитымъ виномъ и открылъ форточки, чтобы очистить воздухъ. Ему хотѣлось поскорѣе уйти къ себѣ, лечь и отдохнуть. Когда огни въ залѣ были по-

тушены, онъ прошелъ въ прихожую, чтобы осмотрѣть, заперла ли дверь разсѣянная Авдотья. Щелкнувъ замкомъ, онъ хотѣлъ было выйти въ залъ, но въ это мгновеніе дверь въ комнату Серафимы Ивановны распахнулась и на порогѣ показалась она, съ распущенными волосами и съ обнаженной шеей. Она пристально посмотрѣла въ лицо Александра Петровича и шепнула:

— Что же, вы и проститься со мною не хотите?..

— Почему нѣтъ... что вы...

Она вышла въ прихожую, придвинулась къ нему, и пряди ея распущенныхъ волосъ коснулись его руки.

— До свиданія... идите спать!—проговорилъ онъ и испугался своего голоса, такимъ твердымъ и сухимъ показался онъ ему.

— А если я не хочу спать!.. Если я хочу твоихъ ласкъ...—заговорила она, и онъ уже держалъ ее за тонкую гибкую талію. Онъ хотѣлъ было вырваться изъ ея объятій, но ея распустившіеся волосы щекотали его лицо, горячее дыханіе обдавало его щеки.

— Милый! милый!..—шептала она черезъ минуту уже въ своей комнатѣ.

— А грѣхъ... грѣхъ,—шепталъ онъ трясущимися губами.

Она заглушала его слова поцѣлуями и шептала:

— Я знаю... я ворую счастье у моей сестры... но что же... что же я сдѣлаю, если я создана для такого ворованнаго счастья...

Она взяла его за руки и потянула къ себѣ...

Было уже поздно, когда Александръ Петровичъ вошелъ въ спальню жены.

Въ углу передъ иконою теплилась лампада, а въ отблескѣ ея слабыхъ красноватыхъ лучей душная и непривѣтливая комната казалась склепомъ. По крайней

мѣрѣ, Александру Петровичу показалось такъ, когда онъ переступилъ порогъ спальни.

Онъ остановился на серединѣ комнаты и прислушался къ тихому дыханію жены, потомъ ему захотѣлось посмотрѣть на сына, и онъ подошелъ къ его кроваткѣ. Ребенокъ спалъ спокойно, и даже дыханія его не было слышно.

Одно мгновеніе, и Александръ Петровичъ захотѣлъ громко крикнуть, чтобы разбудить жену, ребенка и няню, спавшую за ширмой,—такой жуткой вдругъ показалась ему тишина, словно она давно подкарауливала его и теперь притаилась въ углахъ, чтобы напугать его, съ его мятущейся душой.

Онъ подошелъ къ женѣ и особенно внимательно посмотрѣлъ въ ея лицо, исхудавшее, блѣдное и утомленное. Ему показалось, что она умерла, и изъ его горла готовъ былъ вырваться вопль отчаянія, но потомъ странная мысль осѣнила его, и онъ успокоился. Онъ подумалъ, что такой блѣдной и худой она, вѣроятно, будетъ лежать на столѣ въ залѣ, когда умретъ. «А какимъ буду я, когда умру?»—спросилъ онъ себя мысленно.

Но мысль о собственной смерти быстро оставила его. Онъ припомнилъ важную фигуру Николая Августовича, батюшку, и въ памяти всплыли всѣ событія истекшаго дня. Онъ снова двинулся къ женѣ, чтобы наклониться надъ нею и позвать ее «милой Аней», и долго-долго цѣловать ее. Но онъ не дошелъ до постели, опустился возлѣ кровати сына и уставился глазами въ его маленькое личико.

Онъ долго сидѣлъ у кровати сына и о чемъ-то думалъ, потомъ всталъ и тихо прошепталъ:

— Скажи, зачѣмъ ты родился? Зачѣмъ? Затѣмъ, чтобъ быть такимъ же сквернымъ, какъ твой отецъ?

«Духу человѣческому тѣсно въ грѣховной плоти»,—

вдругъ припомнились ему слова священника, и онъ снова прошепталъ, обращаясь къ сыну:

— Скажи, зачѣмъ ты родился? Зачѣмъ?..

Горло его сдавили слезы, въ сердцѣ запала тоска, и онъ шепталъ:

— Зачѣмъ? Зачѣмъ?..

Онъ всталъ, подошелъ къ окну, прислонился разгоряченнымъ лбомъ къ холодному стеклу рамы и заглянулъ на улицу.

Былъ поздній часъ ночи. Улица были безлюдна; по сторонамъ горѣли газовые фонари, свѣтлыми бликами отражаясь на мостовой, смоченной дождемъ. Окна дома на противоположной сторонѣ улицы были темныя и казались такими, какъ будто тамъ, гдѣ живутъ люди, въ глубокій часъ полуночи поселилось что-то неподвижное, мрачное и страшное въ своемъ молчаніи.

И полуночное небо казалось темнымъ, какъ будто оно никогда не было голубымъ, какъ будто въ немъ никогда не свѣтились яркія звѣзды, какъ будто его сумрачное чело никогда не скрашивала улыбка зари и на ясную лазурь никогда не всходило солнце, далекій Богъ красоты и правды!..

КОЛЯСОЧКА.

I.

Окна моей комнаты выходятъ въ обширный, пустынный дворъ, поросшій бурьяномъ и мелкой зеленѣющей травою. Кое-гдѣ растутъ и топорщатся къ небу колючіе репейники, у заборовъ съ ехидствомъ притаилась злая крапива. Какіе-то общипанные, жиденькіе кустики чахнутъ въ концѣ двора, около ветхой, перекосившейся бани. Ближе бани—службы: каретникъ, конюшни, развалившійся сарай для дровъ, старый птичникъ—другъ моего дѣтства...

Въ конюшнѣ давно не держатъ коней, въ каретникѣ стоятъ въ пыли забытые и никому ненужные экипажи, а птичникъ опустѣлъ и развалился. Теперь въ немъ живутъ летучія мыши, эти порхающія мимолетныя тѣни ночи. И я всегда съ тревогой угадываю что-то мистически-вѣщее, когда онѣ, мягкокрылыя, покидаютъ свое обиталище и носятся въ сумракѣ надъ нашимъ пустыннымъ и мрачнымъ дворомъ.

Нашъ старый домъ—свидѣтель страданій трехъ поколѣній: на всемъ лежитъ печать горя, разоренія, смерти... Нашъ домъ, службы, дворъ—хмуры, молчаливы. Какъ будто къ нимъ боится прикоснуться всеразрушающая огненная рука времени. Какъ будто они сохраняются, какъ вѣчные мавзолеи страданія трехъ поколѣній.

А для чего это, если и вся земля—вѣчный и всеобщій памятникъ человѣческаго горя?..

И какимъ-то странно-замѣтнымъ, новымъ и даже «молодымъ» кажется мнѣ пятиоконный флигелекъ, выстроенный посреди двора года два назадъ. Когда строился этотъ флигель, дѣдъ говорилъ:

— Старый домъ скоро развалится... Выстрою вамъ новый флигель и умру... Куйте сами себѣ счастье...

Я не вѣрилъ въ слова дѣда, а летучія мыши, порхающія въ сумракѣ ночи, шептали мнѣ шорохомъ своихъ крыльевъ: «не вѣрь... не вѣрь...» И я не вѣрилъ и ждалъ смерти стараго дома. А новый сосновый флигелекъ представлялся мнѣ большимъ гробомъ, гдѣ будемъ покоиться всѣ мы, послѣдніе молодые отпрыски умирающаго рода.

Флигелекъ, сооруженный изъ толстыхъ сосновыхъ бревенъ, расположенъ передъ моими окнами, саженяхъ въ пяти, не ближе. Отъ стѣнъ его до сихъ поръ пахнетъ смолою. Я часто вижу янтарныя капли этой смолы на бревнахъ и мнѣ кажется, что эти капли—слезы хвойныхъ великановъ, скучающихъ о тайнахъ бора, гдѣ всегда слышится такой ровный, протяжный и тихій шумъ...

Съ правой стороны флигелекъ имѣетъ террасу, съ стеклянными рамами и занавѣсками, съ лѣвой стороны—крыльцо въ кухню. На ступеняхъ этого крыльца часто въ лѣтнія сумерки сидитъ скучающая кухарка, баба, съ впалыми щеками и глубокими морщинами на лбу. Глаза у нея тусклые, усталые... Иногда она грызетъ подсолнухи и лѣниво сплевываетъ скорлупу. Иногда она поетъ нудныя, тягучія пѣсни... Я не слышу словъ и не могу судить о содержаніи пѣсенъ, но отчего-то мнѣ становится грустно и я чувствую себя одинокимъ. А пустынный дворъ слушаетъ грустныя пѣсни безъ словъ и точно душитъ жалобы одинокой, скучающей души...

Наличники оконъ флигелька окрашены въ свѣтло-

оранжевую краску, рамы бѣлыя, а чистыя стекла отливаютъ зеленоватыми отсвѣтами. За стеклами свѣтлорозовыя занавѣски, тюлевыя, прозрачныя, тонкія....

Когда въ окнахъ флигелька вспыхиваютъ огни, я вижу чужую жизнь... Впрочемъ, отрывки жизни, случайные и мимолетные...

Я давно уже изучилъ обстановку комнатъ пятиоконнаго флигелька. Залъ со свѣтлыми обоями, диванъ, овальный столъ, мягкіе стулья. На столѣ высокая лампа, на стѣнахъ картины, въ углу піанино. Слѣдующая комната, въ одно окно, столовая: старинный буфетъ, широкій обѣденный столъ; надъ столомъ висячая лампа, а на стѣнахъ развѣшаны какія-то блюда, какъ у многихъ. Слѣдующая комната, въ два окна, спальня. Кромѣ тюлевыхъ занавѣсокъ, эти окна прикрыты зеленоватыми шторами до половины рамъ, и я не знаю обстановки спальни... Впрочемъ, вѣдь это большая тайна!..

Иногда въ зальцѣ съ розовыми занавѣсками играютъ на піанино. Это играетъ «она», хозяйка чужой квартиры, и къ намъ на пустынный дворъ льются тихіе и робкіе звуки. «Она» играетъ плохо, можетъ быть, только еще учится и ея исполненіе простенькихъ пьесокъ не трогаетъ моей души. Я часто сожалѣю объ этомъ. Отъ нашего пустыннаго двора вѣетъ лиризмомъ запущенной усадьбы, а иногда—тихой грустью устарѣвшей, умирающей жизни. И если бы настоящій музыкантъ, грустно настроенный, коснулся клавишъ піанино, — печальные звуки слились бы и съ моею душой, и съ этимъ старымъ домомъ, и съ пустыннымъ, безлюднымъ дворомъ... Можетъ быть, тогда и всѣ живущіе за чертой нашихъ полуразвалившихся заборовъ поняли бы, что нашъ домъ—свидѣтель страданія трехъ поколѣній... Но, она плохо играетъ...

Днемъ я вижу на окнахъ клѣтки съ канарейками. Ихъ пять, этихъ клѣтокъ, по числу оконъ. Говорятъ,

«они», живущіе во флигелькѣ, любятъ этихъ канареекъ. Желтенькія крошечныя птички цѣлыми днями прыгають съ одной жердочки на другую и поютъ, чуть слышно и нѣжно. Часто мнѣ кажется, что птички не поютъ, а только перекликаются другъ съ другомъ, томясь въ своемъ заточеніи. А «имъ», живущимъ во флигелькѣ, жалобный крикъ канареекъ представляется пѣсней.

Странные люди, ужели ихъ можетъ развеселить «пѣсня клѣтки», тихая, лирическая жалоба заточенія?.. Впрочемъ, чужая душа—тайна, «пѣсня клѣтки»—тайна. Можетъ быть, между ними есть незримая связь...

II.

Я не зналъ, кто эти люди, живущіе въ нашемъ новомъ пятиоконномъ флигелькѣ. Живутъ они замкнуто и у нихъ рѣдко бываютъ посторонніе. Только родные посѣщаютъ ихъ: сѣдой, съ длинными усами, человѣкъ въ офицерскомъ кителѣ, съ поперечными погонами и съ позеленѣвшими пуговицами. Военный человѣкъ носитъ фуражку съ краснымъ околышемъ и большимъ козырькомъ. Онъ близорукъ и когда идетъ—ощупываетъ землю концомъ трости. Иногда съ нимъ вмѣстѣ приходитъ сѣденькая дама въ рыжей шляпкѣ и съ вязаной сумочкой въ рукахъ. Она носитъ очки и при встрѣчѣ съ кѣмъ-нибудь поднимаетъ лицо и смотритъ вверхъ, точно всѣ встрѣчные выше ея ростомъ. Старичокъ, напротивъ, всегда смотритъ въ землю. Можетъ быть, и люди кажутся ему маленькими.

Военный старичокъ и старушка, какъ говорятъ у насъ во дворѣ, отецъ и мать «ея»,—дамы, живущей во флигелькѣ.

Какъ-то разъ на террасѣ я видѣлъ гимназиста—подростка, съ узкими плечами и впалой грудью. Говорятъ, это братъ господина, живущаго во флигелькѣ.

Гимназистъ стоялъ на верхней ступени лѣстницы, ведущей на террасу, мечтательно смотрѣлъ куда-то внизъ и пальцемъ ковырялъ у себя въ носу. Лицо у него блѣдное, волосы на головѣ рѣдкіе, взглядъ тупой. Говорятъ, онъ плохо учится и оставленъ на второй годъ въ пятомъ классѣ.

Съ кровли флигеля на середину двора спустилась крикливая стая воробьевъ. Лицо гимназиста оживилось, въ глазахъ вспыхнулъ огонекъ. Онъ схватилъ съ земли какой-то черепокъ, и, зажавъ его въ рукѣ, спрятанной за спину, сталъ подкрадываться къ воробьямъ. Онъ бросилъ черепкомъ въ стаю сѣренькихъ птичекъ, и онѣ, напуганныя, съ шумомъ улетѣли на кровлю каретника. Въ глазахъ гимназиста снова запечатлѣлось тупое выраженіе, а я подумалъ:

«Слабенькій онъ, но есть на свѣтѣ еще и воробьи. Они слабѣе и пугливѣе его...»

Какъ-то разъ въ гостяхъ у обитателей флигелька я видѣлъ красивую и изящную барышню. Она блондинка съ вьющимися волосами. Можетъ быть, это и искусственная «курчавость», но она очень идетъ къ ней... Такихъ блондинокъ называютъ «пышками»... Она очень громко и весело хохотала, и при этомъ я издали видѣлъ ея бѣлые широкіе зубы. Пышная блондинка—подруга дамы, живущей во флигелькѣ. Онѣ на «ты», при встрѣчѣ и на прощанье цѣлуются.

А кто «она», дама, живущая во флигелькѣ? Я не знаю. Она брюнетка, съ темными глазами. Лицо ея смуглое, красиво очерченное, особенно въ профиль. Такихъ брюнетокъ называютъ «жгучими». Можетъ быть, это и правда, но она не сумѣла бы зажечь моей души: въ ней все обыкновенное, скучное, сѣрое.... Кромѣ того, на верхней губѣ ея чуть-чуть замѣтны темные отливы, то, что называется — «пушекъ». Это — дамскіе усики, а я не люблю такихъ дамъ, напоминающихъ зрѣющаго юношу.

«Онъ»—высокій шатенъ, съ усами и съ маленькой бородкой. «Онъ» носитъ пенснэ. Высокій лобъ его съ залысинами у висковъ. О такихъ залысинахъ говорятъ, что онѣ—«отъ ума...» Я не знаю, уменъ ли «онъ». Я часто видѣлъ на немъ форменную тужурку съ блестящими пуговицами и свѣтло-оранжевыми кантами. Уходя, онъ надѣвалъ фуражку съ кокардой и, какъ казалось мнѣ, никогда не разставался съ портфелемъ.

Когда «онъ» уходилъ на службу, «она» провожала его до крыльца террасы. Я видѣлъ, какъ они долго цѣловались на прощанье. «Она» обвивала его шею руками и цѣловала его въ губы, въ лобъ, въ глаза. При этомъ онъ уморительно поспѣшно сбрасывалъ съ носа пенснэ и улыбался: ласки жены нравились ему.

«Онъ» цѣловалъ «ее» въ губы, цѣловалъ руку выше локтя. Должно быть, для этого «она» и носитъ капотъ съ широкими разрѣзами рукавовъ. Отходя отъ террасы, «онъ» раза два обертывается и посылаетъ ей воздушные поцѣлуи. «Она» дѣлаетъ то же. Около угла нашего дома «онъ» еще разъ обертывается, посылаетъ послѣдній воздушный поцѣлуй и скрывается.

«Она» долго еще стоитъ на крыльцѣ и съ грустью смотритъ на сѣрый уголъ нашего стараго дома.

Говорятъ, они очень любятъ другъ друга.

III.

Года два назадъ они поженились и вотъ теперь живутъ въ этомъ флигелькѣ посреди пустыннаго двора.

Почему-то мнѣ страстно хотѣлось ближе подойти къ ихъ жизни и изучить ее до мельчайшихъ подробностей. Они оба казались мнѣ счастливѣйшими изъ смертныхъ. Вѣдь они жили другъ для друга, а это такъ рѣдко бываетъ. По крайней мѣрѣ, у насъ въ домѣ всѣ говорили

такъ, а старый дѣдъ обращалъ особое вниманіе на жильцовъ флигеля и добавлялъ:

— Живите такъ, какъ они, и заповѣдь Христову не нарушите...

И мы всѣ вѣрили дѣду и не сомнѣвались въ «ихъ» счастьѣ.

Счастливые люди на нашемъ пустынномъ дворѣ! Это такая рѣдкость! Это такъ изумительно ново!

На нашемъ пустынномъ, обширномъ дворѣ, въ нашемъ старомъ домѣ никогда не жило счастье. Оно обходило около потемнѣвшихъ и покосившихся заборовъ, шло по пыльной улицѣ и уходило куда-то въ другіе дворы и дома. И вотъ теперь на нашемъ дворѣ счастье, и здѣсь, такъ близко, въ этомъ пятиоконномъ флигелькѣ съ розовыми занавѣсками.

И этотъ сосновый флигелекъ представлялся мнѣ чѣмъ-то новымъ, «молодымъ», какъ основаніе или первоисточникъ новаго, молодого счастья. Флигелекъ пересталъ казаться мнѣ большимъ сосновымъ гробомъ, и я часто думалъ, почему дѣдъ не приводитъ въ исполненіе своего обѣщанія и не переселяетъ насъ во флигелекъ, гдѣ мы занялись бы чеканкой своего счастья.

Я завидовалъ «имъ»... По вечерамъ ихъ комнаты озаряетъ ласковый свѣтъ лампъ подъ цвѣтными абажурами. Ночью, когда они спятъ, въ крайнемъ окнѣ спальни нѣжнымъ, тихимъ свѣтомъ мерцаетъ лампада. И мнѣ часто казалось, что въ этой таинственной спальнѣ молодожены не спятъ, а молятся и благословляютъ небо за счастье, удѣленное имъ скупой судьбою. Можетъ быть, они молятъ Бога о томъ, чтобы онъ послалъ такое же счастье другимъ....

Эту тайну чужой спальни мнѣ не удалось разгадать.

По утрамъ я часто слышу ихъ голоса и веселый смѣхъ. Потомъ «онъ» уходитъ и они цѣлуются.

Послѣ рабочихъ часовъ службы, когда «онъ» возвра-

щался, они обѣдали на террасѣ. Я слышалъ, какъ весело лязгаютъ въ ихъ рукахъ вилки и ножи. Они даже обѣдаютъ, какъ счастливые, съ веселымъ говоромъ и смѣхомъ. Однажды я видѣлъ, какъ они за обѣдомъ чокались рюмками съ виномъ, пили и закусывали вино поцѣлуями... А потомъ смѣялись...

Я иначе сталъ относиться даже и къ судьбѣ ихъ канареекъ. Желтенькія птички уже не внушали мнѣ сожалѣнія. Онѣ казались мнѣ счастливыми около «нихъ», счастливыхъ молодоженовъ. Въ печальныхъ и тихихъ напѣвахъ заточенныхъ птичекъ теперь я уже улавливалъ мотивъ гимна тихому и вѣчному счастью.

Тихое, вѣчное счастье—у насъ на пустынномъ дворѣ, поросшемъ бурьяномъ, колючими репейниками и злой кропивой...

IV.

У нихъ есть ребенокъ... Я совсѣмъ забылъ отмѣтить это важное обстоятельство...

Я никогда не видѣлъ малютки, но я зналъ, что старая няня возитъ его на прогулку въ темно-красной колясочкѣ.

У нихъ красивая колясочка на высокихъ колесахъ съ кожанымъ верхомъ. Ободья колесъ обтянуты резиной, а кузовъ колясочки покоится на легкихъ стальныхъ пружинахъ. Это очень важное обстоятельство! Ребенокъ застрахованъ отъ грубыхъ толчковъ, когда старая няня возитъ колясочку по двору или по тротуару. Да и въ комнатѣ колясочку на резинахъ можно возить беззвучно.

Должно быть, «они» очень любятъ своего первенца, если купили для него такую удобную колясочку!

Я знаю, что у нихъ есть ребенокъ, но я никогда его не видѣлъ. И странно, мнѣ часто представлялось, что у нихъ пустая колясочка, и ее возитъ старая няня.

Я никогда не видѣлъ ребенка на рукахъ счастливой

матери, да и няня точно прятала его. Я часто встрѣчалъ няню съ колясочкой во дворѣ или на улицѣ, но никогда не видѣлъ ребенка. Кузовъ колясочки всегда былъ задрапированъ голубымъ и довольно густымъ тюлемъ. Это очень важная предусмотрительность! Сквозь густую вуаль на ребенка не осѣдаетъ уличная пыль, а въ этой пыли, какъ говорятъ врачи, миріады микробовъ; густая вуаль защищаетъ глазки ребенка и отъ яркихъ лучей солнца.

Должно быть, «они» очень любятъ своего ребенка, если возятъ его на прогулку подъ густой голубой вуалью!..

Странная старушка эта няня! Ходитъ она всегда въ темной юбкѣ, безъ складокъ и сборокъ, какъ у монахини. Кофточка также темная и темный платокъ на головѣ. Около колясочки съ ребенкомъ она всегда представлялась мнѣ какимъ-то страннымъ и страшнымъ символомъ. Мрачный символъ прошлаго около колыбели надеждъ на будущее! Есть въ этомъ что-то трагически-неизбѣжное!

И почему она въ траурной одеждѣ? Я думаю, этого ребенокъ не любитъ, вѣдь, эти дѣти любятъ все яркое и красочное! Впрочемъ, у старой няни голубые глаза, съ нѣжной печалью, когда она задумается и съ тихой и нѣжной лаской, когда она наклоняется надъ колясочкой, улыбается и дѣлаетъ какія-то смѣшныя гримасы поблекшими губами.

Глаза его матери темные, безъ блеска, глаза отца—сѣрые, тусклые, не обѣщающіе ни радости, ни покоя...

Жаль, что я никогда не видѣлъ «ихъ» близко, когда они цѣлуются! Вѣроятно, въ эти минуты въ ихъ глазахъ горятъ огни страсти... А если бы заглянуть въ «ихъ» спальню ночью... Впрочемъ, это—неприкосновенная тайна семьи!..

V.

Какъ-то разъ вечеромъ я увидѣлъ даму, живущую во флигелькѣ, сидящей на ступеняхъ террасы. Положивъ голову на руки, опертыя въ колѣни, она сидѣла задумчивая, тихая и, какъ будто, тоскующая. Ея лицо показалось мнѣ блѣднымъ, а глаза пристально всматривались въ полутьму тихихъ сумерекъ. И я видѣлъ темные и широкіе круги вокругъ ея глазъ. На ея лицѣ лежала печать безсонной ночи или долгихъ и упорныхъ думъ.

Я никогда не видѣлъ ея такой задумчивой и грустной. Странно! Почему бы это такъ? Вѣдь всѣ мы знали, что у нихъ во флигелькѣ поселилось тихое, вѣчное счастье?..

Наканунѣ, вечеромъ, въ гостяхъ у нихъ была блондинка. Они втроемъ долго сидѣли на террасѣ и я слышалъ ихъ веселый смѣхъ и громкій говоръ... Впрочемъ, смѣялись больше блондинка и «онъ», мужъ. Смѣха жены я не слышалъ, и я видѣлъ, какъ раза два она сходила съ террасы, останавливалась и точно прислушивалась къ какимъ-то таинственнымъ звукамъ пустыннаго двора.

Поздно ночью «они» провожали блондинку до воротъ. Свѣтила луна, и въ ея нѣжно-голубомъ свѣтѣ нашъ дворъ казался мистически-молчаливымъ. Казалось, вмѣстѣ съ этимъ свѣтомъ къ намъ во дворъ спустились какія-то легкія и прозрачныя тѣни, ткущія что-то неизвѣданное и новое...

Проводивши блондинку, «они» вернулись. Шли быстро и говорили громко.

— Да ты постой!.. постой, Лида... Нельзя же каждому взгляду или улыбкѣ придавать особое значеніе...— говорилъ онъ.

— Я знаю! я знаю!.. Ты не скроешь отъ меня! Ничего не скроешь!..

— Лида!.. Богъ съ тобой, Лида!..

Они прошли на террасу и плотно притворили за собою дверь, хотя ночь была душная.

Въ эту ночь у нихъ на террасѣ долго горѣла лампа. Они оба долго не спали. Она сидѣла у стола, съ головою, опущенною на руки, а онъ большими шагами ходилъ по террасѣ и все время пощипывалъ бородку. Онъ много курилъ въ эту ночь и много говорилъ. Говорила и она, и какъ-то, точно на молитвѣ, поднимала глаза къ небу.

А когда свѣтъ на террасѣ померкъ и въ зальцѣ распахнулось крайнее окно, я долго видѣлъ ее у этого окна.

Она была въ бѣлой ночной кофточкѣ и съ распущенными волосами. Луна заливала ея лицо съ темными глазами... И я слышалъ, какъ она плакала.

На другой день у насъ въ домѣ говорили о томъ, что во флигелькѣ ссорились, въ чемъ-то упрекали другъ друга.

Въ тотъ день, когда я видѣлъ ее одиноко сидѣвшей на ступеняхъ террасы, «онъ» не вернулся со службы въ обычный часъ, и она обѣдала одна. Въ сумерки, когда старая няня вренулась съ прогулки съ колясочкой, она точно не замѣчала, что около нея дѣлалось. Няня и кухарка втащили колясочку на террасу, а она даже и не заглянула на то, что было въ колясочкѣ подъ голубымъ тюлемъ.

Вечеромъ она одиноко пила чай на террасѣ и читала книгу... Впрочемъ, книга только лежала передъ нею, и она изрѣдка опускала къ ея страницамъ глаза. А потомъ поднимала лицо, всматривалась въ дверь и точно прислушивалась къ чему-то и точно ждала кого-то...

«Онъ» вернулся. Шелъ по двору неувѣренной по-

ходкой и точно не рѣшался войти на террасу. Я видѣлъ, какъ онъ подошелъ къ ней, хотѣлъ ее поцѣловать, но она быстро отскочила въ сторону и что-то вскрикнула... Онъ молча ушелъ, а она долго еще сидѣла надъ книгой.

Потомъ «онъ» опять появился, притворилъ дверь на террасу, и они опять долго о чемъ-то говорили.

Послѣ полуночи она сидѣла у окна въ залѣ. Луна тускло свѣтила изъ-за облаковъ, и я не могъ разсмотрѣть ея лица и глазъ... Но я слышалъ—она опять плакала...

VI.

Какъ-то разъ, вечеромъ, послѣ грозы со страшнымъ ливнемъ, я сидѣлъ у раскрытаго окна и безучастно смотрѣлъ въ сумракъ. Запрятавшіяся по угламъ во время ливня ночныя тѣни снова выползли и окутали дворъ. Небо прояснилось. Показались звѣзды и горѣли ярко, какъ будто ливень обмылъ и ихъ червонные, блестящіе лики. Съ крыши нашего стараго дома падали дождевыя капли, падали рѣдко и лѣниво. И мнѣ казалось, что это роняетъ слезы старый домъ, перепуганный грозою и бурей.

Дворъ молчалъ засыпая въ сумракѣ. Молча смотрѣли на меня широко раскрытыя окна въ залѣ и въ столовой флигелька. Въ окнѣ спальни мерцала лампада. Вышла кухарка и плотно притворила дверь на крыльцѣ въ кухню.

Дверь на террасу никто не затворилъ, и она темнѣла зіяющей пастью какого-то длиннаго и горбатаго чудовища: такъ рельефно на фонѣ неба обрисовался острый хребетъ кровли террасы.

Я сидѣлъ у окна, слушалъ, какъ падали съ кровли дождевыя капли, и смотрѣлъ на мерцающую лампаду.

«Они» тамъ,—думалъ я,—счастливые!.. Разразив-

шаяся гроза съ ливнемъ спугнула ихъ счастье съ террасы и они унесли его въ спальню и притаились за зелеными шторами. Я видѣлъ, какъ они загасили на террасѣ лампу послѣ одного сильнаго удара грома, разразившагося надъ нашимъ дворомъ.

Гроза промчалась и не тронула ихъ счастья.

Я думалъ о ихъ тихомъ и вѣчномъ счастьѣ, и слушалъ, какъ падали капли съ кровли дома. И какая-то тихая грусть сжимала мнѣ душу. И мнѣ казалось, что съ паденіемъ каждой капли въ тьму вѣчности, падаетъ мгновеніе моей жизни. И кто-то другой собираетъ эти капли въ свой сосудъ и тайно отъ меня думаетъ: «я собираю твое тихое, вѣчное счастье для себя».

Какіе-то странно неясные и тревожные голоса нарушили молчаніе ночи. Я прислушался. На террасу откуда-то сбоку упала блѣдная и узкая полоса свѣта. Послышались громкіе, торопливые шаги, упалъ стулъ, задѣтый кѣмъ-то. Голоса явственнѣй. Крикъ. Терраса наполнилась шорохомъ, топотомъ ногъ... Чьи-то сдавленныя, глухія всхлипыванія...

— Иди!.. Иди къ своей матушкѣ... Чортъ съ тобой!..—услышалъ я свирѣпый выкрикъ жильца изъ флигелька съ розовыми занавѣсками.

Гдѣ-то гулко громыхнула дверь. Протянувшаяся на террасѣ полоска свѣта потухла.

Сѣрая, неясная фигура, какъ силуэтъ, мелькнула въ темной пасти террасы... Ближе, ближе... Это вышла на ступени «она», жгучая брюнетка. Ея свѣтлый капотъ съ разрѣзами на рукавѣ показался мнѣ сѣрымъ пятномъ... На ея плечи была накинута шаль.

Она прислонилась къ двери, подняла лицо къ небу, опустила... Я услышалъ рыданія. Рыданія были тихія, робкія. Точно они все еще страшились раскатовъ грома пронесшейся грозы.

Рыданія смолкли и слились съ молчаніемъ ночи. А она сѣрымъ силуэтомъ все еще стояла въ двери и точно ждала чего-то...

Утромъ, на другой день, баба, грустныя пѣсни которой я такъ часто слушаю, развязала узелъ таинственной исторіи послѣ грозы. Какъ оказалось, барыня и баринъ изъ флигелька весь вечеръ ссорились. А потомъ онъ выгналъ ее изъ спальни на террасу. И она ждала, когда онъ позоветъ ее... Ждала и не дождалась...

— Путается онъ съ бѣленькой-то барышней, а барыня ревнуетъ,—откровенно и грубо сообщила баба.

Можетъ быть, это неправда? Какъ разгадать ихъ тайну?

Два дня я не видѣлъ жильцовъ изъ флигелька ни во дворѣ, ни на террасѣ, ни въ комнатахъ. Свою ссору они, какъ и счастье, ни съ кѣмъ не хотѣли дѣлить.

— Помирились опять, — наконецъ сообщила баба, удовлетворяя любопытство нашей кухарки, и почему-то хорошо улыбнулась, точно ссора господъ омрачала и ее.

А старая няня хранила глубокое молчаніе, и, какъ и раньше, возила по двору колясочку и прятала за голубой вуалью таинственное для меня существо.

Странно, почему-то я не могу заставить себя думать, что въ этой колясочкѣ есть настоящій, живой ребенокъ, счастливый плодъ счастливаго сочетанія. Мнѣ все кажется, что старая няня хитритъ и возитъ по двору красивую пустую колясочку.

Думая такъ, я сталъ сомнѣваться въ своей нервной устойчивости, а мое невѣріе стало казаться мнѣ роковымъ призракомъ неврастеніи, а, можетъ быть, и еще чего-нибудь посерьезнѣе.

Мы, живущіе въ старомъ домѣ, всѣ больные и эта наша особенность—фамильная наслѣдственность... Мой отецъ умеръ въ домѣ умалишенныхъ. Онъ не вѣрилъ

даже въ собственное существованіе и, незадолго передъ смертью, и дни, и ночи кричалъ:

— Сотворите меня! Сотворите меня! если я человѣкъ по образу и подобію Божьему!..

Странный наборъ словъ, лишенный смысла, а я боюсь ихъ. Есть въ нихъ какая-то тайна...

VII.

Помнится, это случилось въ августѣ, въ день Успенія.

Поздно ночью, когда мы уже ложились спать, глупая баба, кухарка изъ флигелька, переполошила насъ грохотомъ своихъ кулаковъ въ дверь кухни. А когда ей отперли, она слезливымъ и перепуганнымъ голосомъ причитала:

— Господа, милые, покажите мнѣ толкомъ... баба я глупая... гдѣ тутъ дохтуръ живетъ... Съ бариномъ у насъ худо...

Мы всѣ перепугались и почему-то бросились къ окнамъ кухни, чтобы посмотрѣть на окна флигелька, какъ будто, на нихъ должна лежать печать страданій его обитателя.

Окна не были освѣщены, и только, какъ и всегда, въ спальнѣ мерцала лампада.

Докторъ жилъ въ десяти минутахъ пути и я вызвался проводить бабу.

— Еще вчера баринъ-то прилегъ... Сегодня въ церковь ходилъ, а потомъ пришелъ и разнедужился... А теперь совсѣмъ худо... задыхается, въ жару весь, какъ въ огнѣ...

— А что они теперь не ссорятся?

— Не... помирились, слава Те... Господи!.. Намедни, лѣтомъ-то, думала, что онъ ее убьетъ... Какъ хряснетъ

по столу кулакомъ—инда бутылочки разныя съ духами на столѣ заплясали... Въ спальнѣ все больше ссорятся...

— А скажи, пожалуйста, вѣдь у нихъ есть ребенокъ?—спросилъ я, и даже испугался своего вопроса: такимъ ненужнымъ онъ мнѣ показался.

— А какъ же!.. Годовалый, Сереженькой зовутъ... Барина мово Сергѣемъ зовутъ, а его Сереженькой...

На другой день всѣ мы узнали, что жилецъ флигелька заболѣлъ острымъ воспаленіемъ легкихъ.

А черезъ три дня онъ умеръ...

VIII.

«Онъ» умеръ послѣ обѣда на рукахъ старушки, которая носитъ вязаную сумочку.

Когда мать жены закрывала ему омертвѣвшіе глаза, военный старичокъ взгромоздился у стѣны на стулъ и остановилъ часы. Часы показывали 3 часа 40 минутъ, а когда механизмъ ихъ остановился — эти цифры замкнули какую-то длинную цѣпь лѣтъ. Замкнулась цѣпь жизни господина, жившаго во флигелькѣ.

Нашъ дворъ ожилъ... Странно, смерть вдохнула въ него жизнь. Такъ умираетъ все заживо погребенное!..

Во флигелекъ пришли какія-то двѣ женщины въ простенькихъ платьяхъ и въ ситцевыхъ платкахъ. Онѣ обмывали покойника. Прибѣжалъ узкогрудый гимназистъ съ ранцемъ за плечами. Глаза его были какіе-то растерянные, фуражка сдвинута на затылокъ, лобъ въ поту. Приходилъ еще какой-то человѣкъ въ смазныхъ сапогахъ и рыжемъ пальто. Это былъ гробовщикъ. Военный старичокъ долго торговался съ нимъ, но все же онъ побѣдилъ и пошелъ дѣлать свое дѣло. Въ пятомъ часу мужики принесли большіе подсвѣчники съ толстыми свѣчами. Часъ спустя пришелъ батюшка, съ

длинными, запутанными волосами и съ густымъ пѣвучимъ голосомъ. Съ нимъ вмѣстѣ пришелъ и псаломщикъ... Странно, они по ошибкѣ зашли въ нашъ домъ. Наши развалины точно подсказали имъ что-то, но они ошиблись... Когда уже началась панихида, пришли двѣ монахини и прошли по нашему двору какими-то живыми темными пятнами.

А въ раскрытыя окна флигелька на дворъ выплывали тягучіе и печальные напѣвы погребальныхъ пѣснопѣній. Стоя у окна въ своей комнатѣ, я вслушивался въ эти мотивы, улавливалъ смыслъ молитвъ, и мнѣ казалось, что я только теперь понялъ смыслъ жизни людей, поселившихся въ нашемъ флигелькѣ. И мнѣ казалось, что рыжій священникъ съ перепутанными волосами и усатый псаломщикъ отпѣваютъ нашъ старый домъ, и дворъ, и все, все, что уже давно умерло.

На панихидѣ присутствовали и еще какіе-то люди, которыхъ я никогда не видѣлъ у жильцовъ флигелька. Кто они? и почему они пришли къ мертвому?.. Я не знаю, какъ отвѣтить на это. Можетъ быть, они пришли утѣшать вдову.

А какъ она рыдала!.. Она рвала на себѣ волосы, впадала въ обморокъ, а потомъ, очнувшись, опять рыдала. Въ раскрытыя окна, вмѣстѣ съ печальными мотивами, вырывались ея выкрики, изступленные и ужасные. И въ какой-то странной гармоніи сочетались и печальные напѣвы, и ея выкрики и рыданія...

Когда духовныя особы ушли, я увидѣлъ старую няню. Она катала около оконъ флигелька колясочку съ ребенкомъ и молитвенно и робко заглядывала за розовыя занавѣски. А за розовыми занавѣсками мерцали большія свѣчи. Слышалось монотонное, гнусавое чтеніе.

Почему-то я даже высунулся въ окно, точно мнѣ хотѣлось подсмотрѣть и подслушать еще что-то...

Желтенькія канарейки въ клѣткахъ пѣли такъ же,

какъ и раньше, точно ничего не случилось. И няня, какъ всегда, возила колясочку... пустую колясочку... Я опять поймалъ себя на этой странной мысли... Глаза няни были заплаканные, лицо осунулось и весь ея обликъ показался мнѣ какимъ-то жалкимъ, точно стертымъ. Случайно я видѣлъ и кухарку изъ флигеля. Съ подоткнутымъ подоломъ она сошла съ крыльца въ кухню и принесла во дворъ два ведра мутной воды... Глаза ея также были красны отъ слезъ.

IX.

Это случилось часовъ въ 9 вечера.

Какъ ударомъ грома, мы были поражены страшной вѣстью!

Когда мы пили чай, къ намъ въ столовую вбѣжала баба, кухарка изъ флигелька, и, сквозь рыданія и причитанія, заголосила:

— Батюшки мои!.. Что же мы будемъ дѣлать-то?.. Убила она себя! убила!.. Подошла къ евонному гробу и бацъ въ себя изъ револьверта...

Мы не вѣрили и бѣжали... Бѣжали дворомъ, спѣшно шли террасой, протискались въ зало.

Въ своемъ обычномъ капотѣ съ разрѣзами на рукавахъ, она лежала у его гроба. На полу валялся револьверъ и большое пятно крови разлилось по половицамъ...

Я видѣлъ, какъ медленно ползла по полу живая и теплая кровь, замедляла движеніе, сгущалась и умирала.

Въ изголовьи покойника стояла монахиня, съ бѣлымъ лицомъ и съ большими темными кружками вмѣсто глазъ. Около трупа самоубійцы на полу валялась плачущая старая няня. А на диванѣ лежала безпомощная сѣдая старушка, ея мать, и военный старичокъ под-

носилъ къ ея лицу какую-то склянку и чѣмъ-то растиралъ ея виски.

Мы посмотрѣли и вышли изъ зала. Повстрѣчали гимназиста съ графиномъ воды.

Проходя по столовой, я увидѣлъ колясочку. Въ ней дѣйствительно былъ ребенокъ. Наконецъ-то мнѣ удалось его увидѣть!.. Голубоватый тюль былъ отброшенъ на сторону и я собственными глазами видѣлъ малютку. Это—годовалый Сереженька... Отца звали Сергѣемъ, а его зовутъ Сереженькой. Такъ вотъ онъ какой! Лицо пухлое, розовенькое, рѣсницы темныя и длинныя, волосенки на головѣ тоже темные, полныя ручонки перехвачены около кистей ниточками.

Онъ спалъ, сложивши ручонки на груди и тихо, чуть слышно, дышалъ... Я наклонился къ нему, и мнѣ показалось, что по лицу его бродитъ тихая, сладкая улыбка, и точно не знаетъ, что сдѣлать—разжать ли плотно сжатыя коралловыя губенки или приподнять густыя опущенныя рѣсницы и влиться въ его глазки...

Милый Сереженька!..

X.

Ихъ схоронили въ одинъ день и въ одной могилѣ.

Я помню, на нашъ пустынный дворъ, поросшій бурьяномъ, собралось много народа. Дамы въ шляпкахъ, господа, мужики, бабы, подростки стояли у воротъ, въ тѣни, отброшенной нашимъ домомъ. Живыя волны головъ вливались на террасу и въ комнату, гдѣ служилась литія. Трагическая кончина молодыхъ супруговъ переполошила весь городъ.

Запѣли пѣвчіе, толпа колыхнулась. Какіе-то мужчины, съ обнаженными головами, несли два одинаковыхъ глазетовыхъ гроба. Несли тихо и точно не рѣшались

вынести съ нашего мертваго двора эти глазетовые гробы.

За гробами шли военный старичокъ и его жена. Оба плакали навзрыдъ. Старушку вели подъ руки два господина въ сюртукахъ. За ними шелъ гимназистъ, и я видѣлъ, какъ онъ поправлялъ крепову повязку на рукавѣ своего гимназическаго мундира. Какая-то полная дама несла на рукахъ Сереженьку. Его личико было прикрыто вуалью, но теперь вуаль была уже темная. За гробами шла и няня, скорбная няня сиротки, въ темномъ платочкѣ.

Въ толпѣ я видѣлъ и ее, пышную блондинку. Я долго смотрѣлъ на ея темную шляпу съ крепомъ. Прозрачно-воздушный темный тюль эффектно оттѣнялъ ея пышное личико. Глаза ея были заплаканы.

День былъ жаркій, когда ихъ хоронили. По улицѣ надъ печальной процессіей носились клубы пыли. Пыль носилась надъ толпою и мнѣ казалось, что ея сѣрые воздушные клубы идутъ вмѣстѣ съ толпою. Поднятый съ мостовой прахъ провожалъ два гроба къ мѣсту вѣчнаго успокоенія и, какъ эмблема смерти, снова спускался на мостовую, осѣдалъ на платьяхъ, на пальто, на шляпахъ...

Поминки тянулись долго. Послѣдніе гости съ печальной трапезы ушли, когда уже смеркалось. Часа два я слышалъ гулъ голосовъ въ зальцѣ флигелька, звонъ посуды, лязгъ ножей и вилокъ.

Когда стемнѣло, пошелъ дождь. Тучи какъ-то внезапно набѣжали на небо, безоблачное во весь день. Блеснула молнія, раза два раскатился громъ, но какъ-то нерѣшительно, точно ему уже не было нужды пугать чье-то тихое, вѣчное счастье, какъ это было въ ту памятную грозную іюльскую ночь.

Я долго не могъ заснуть въ эту ночь, послѣ печальныхъ похоронъ. Два раза я тушилъ лампу, силился

забыться и опять сидѣлъ при огнѣ. Въ темнотѣ моя комната пугала меня. Мнѣ все казалось, что вотъ двѣ бѣлыя тѣни тихонько приподнимутъ край занавѣски и глянутъ на меня счастливыми и влюбленными глазами, и ихъ нѣжный взглядъ разскажетъ мнѣ, какъ они другъ друга любили... А дождь все шелъ и все шумѣлъ за окномъ.

Я заснулъ при лампѣ и проснулся раннимъ утромъ. Раскрылъ окно и на меня со двора пахнуло сыростью, точно я заглянулъ въ могилу. Разсвѣло. Небо прояснилось.

Я посмотрѣлъ на окна флигеля. Они были темныя и зловѣщія. Въ спальнѣ мерцала лампада. Горѣла лампада и въ зальцѣ, въ переднемъ углу, гдѣ въ прошлую ночь стояли глазетовые гробы. Флигелекъ, окна съ розовыми занавѣсками молчали, и, казалось мнѣ, хранили тайну, не вынесенную изъ флигелька вмѣстѣ съ гробами.

Я прислушивался, всматривался въ окна. Мнѣ хотѣлось разгадать, что дѣлалось теперь тамъ, за окнами съ розовыми занавѣсками. Не бродятъ ли тамъ призраки или тѣни?

Я посмотрѣлъ на клѣтки съ птичками. Канарейки еще спали, подвернувъ головки подъ крылышки, подняли перышки и казались распухшими. Взойдетъ солнце, и онѣ опять запоютъ свои нѣжные гимны тихому, вѣчному счастью...

Странно, только теперь я замѣтилъ ее, изящную колясочку. Она стояла у террасы. Ее забыли убрать, и она всю ночь простояла подъ дождемъ... Какъ бѣлая тѣнь, пронеслось странное представленіе. Мнѣ казалось, что въ колясочкѣ Сереженька, милый Сереженька... Я даже приподнялся на подоконникъ, чтобы провѣрить себя. А потомъ вдругъ я сталъ увѣрять себя, что у нихъ, у покойныхъ, никогда не было ребенка. Старая няня во-

зила пустую колясочку. Меня никто не могъ бы убѣдить въ эту минуту въ противномъ, и мнѣ хотѣлось крикнуть:

— Сотворите его! Сотворите его! если онъ созданъ по образу и подобію Божьему!..

Но мой странный выкрикъ никто не услышалъ бы въ это молчаливое утро, когда всѣ спали. А если бы и услышали, такъ развѣ же кто-нибудь нашелъ бы смыслъ въ этомъ странномъ наборѣ словъ, въ этомъ перефразѣ выкрика моего безумнаго отца?..

А опустѣвшая, забытая колясочка Сереженьки стояла у террасы, и я видѣлъ, какъ съ ея кузова, какъ слезы, падали блестящія капли дождевой воды...

Милый Сереженька, не твои ли это слезы?..

ОТЕЦЪ.

(Очеркъ).

Въ саду шумѣли деревья, въ желѣзную крышу дома барабанилъ дождь, а въ темныя стекла оконъ глядѣла черная ненастная ночь осени...

Въ безлюдныхъ обширныхъ комнатахъ усадьбы было темно, и только столовая, кабинетъ Леонида Петровича и длинный, узкій коридоръ были освѣщены...

Въ залѣ часы пробили двѣнадцать.

Леонидъ Петровичъ сидѣлъ въ кабинетѣ у стола надъ раскрытой книгой, но не читалъ. Онъ прислушивался къ безпокойному шуму деревьевъ за окномъ и думалъ. Иногда онъ поднималъ глаза, смотрѣлъ на темныя стекла оконъ и, словно страшась ненастной ночи и тишины дома, опускалъ глаза, перелистывалъ книгу и тщетно старался занять себя чтеніемъ.

Въ столовой, надъ широкимъ круглымъ столомъ, горѣла большая висячая лампа, заливая яркимъ свѣтомъ бѣлую свѣжую скатерть. На столѣ стоялъ потухшій самоваръ, стаканъ и чашка съ кружочками выжатаго лимона на днѣ, тарелка съ чернымъ хлѣбомъ, масленка и розовыя сдобныя лепешечки домашняго приготовленія въ сухарницѣ.

Четверть часа тому назадъ, въ столовой были люди. Они торопливо пили чай и говорили. У самовара сидѣла

Пелагея Ивановна, экономка, старушка 60 лѣтъ; недалеко отъ нея помѣщалась Дарья Адамовна, земская акушерка, дѣвушка лѣтъ двадцати, а напротивъ нея, съ стаканомъ остывшаго чая, сидѣлъ Леонидъ Петровичъ.

Пелагея Ивановна угощала барышню чаемъ, а та, кутаясь въ теплый платокъ, сдвигала отъ холода свои худенькія плечи и благодарила гостепріимную экономку тихимъ, простуженнымъ голосомъ.

Дѣловой разговоръ какъ-то не вязался, хотя Леонидъ Петровичъ все время чувствовалъ, что ему надо о чемъ-то разспросить у этой «чужой» барышни, съ голубыми глазами, ему надо о чемъ-то серьезно поговорить съ нею и посовѣтоваться. И онъ только спросилъ нетвердымъ, робкимъ голосомъ:

— Ну, что?.. Какъ вы ее нашли?..

Дѣвушка вскинула на него голубые, ясные глаза, откашлялась и отвѣтила:

— Она прекрасно себя чувствуетъ... кажется, все въ порядкѣ... Боюсь только, что-то у нея большой животъ... должно быть, ребенокъ очень большой.

Острыя мурашки пробѣжали по спинѣ Леонида Петровича, и онъ быстро принялся отпивать изъ стакана чай, опустивъ глаза и словно боясь встрѣтиться съ яснымъ взглядомъ голубыхъ глазъ дѣвушки.

— Ничего, Богъ дастъ, все сойдетъ благополучно. Лукерья — дѣвка здоровая, вынесетъ, — грубымъ голосомъ вставила свое замѣчаніе и Пелагея Ивановна.— Не безпокойтесь, барышня, мужики народъ выносливый... Привелъ бы Богъ рожать въ мужицкой хатѣ, нешто васъ призвали бы... Повитуха Аннушка—косоглазая, у насъ споконъ вѣка...

Леониду Петровичу не понравилось вульгарное разсужденіе экономки, и онъ поспѣшно попросилъ старуху долить въ стаканъ горячаго чаю.

Дарья Адамовна тихо вздохнула, посмотрѣла на свои

карманные часики и, поблагодаривъ хозяина за чай, удалилась.

Когда ея тихіе и неровные шаги смолкли въ дальнемъ концѣ коридора, взвизгнулъ блокъ и съ шумомъ притворилась дверь, Леонидъ Петровичъ также приподнялся и сказалъ:

— Пелагея Ивановна, скажите тамъ, на кухнѣ, чтобы сегодня былъ хорошій, сытный ужинъ... чтобы всю ночь здѣсь стоялъ горячій самоваръ.

— Хорошо, баринъ, хорошо,—отвѣтила экономка.

Онъ пришелъ въ кабинетъ и громко добавилъ:

— Посмотрите сами въ комнатѣ, гдѣ будетъ спать барышня; не холодно ли тамъ, хорошо ли вытоплена печь... нѣтъ ли угара...

Пелагея Ивановна подошла къ двери въ кабинетъ и какимъ-то особенно таинственнымъ шопотомъ сообщила:

— Спать она все равно не будетъ всю ночь... Гдѣ тамъ спать: къ утру надо ждать маленькаго...

Леонидъ Петровичъ сдѣлалъ видъ, что занятъ чтеніемъ, и Пелагея Ивановна безмолвно удалилась. Когда ея шаги затихли въ коридорѣ и захлопнулась дверь, отдѣлявшая «чистую» половину дома отъ «людской», Леонидъ Петровичъ всталъ и прошелся по мягкимъ коврамъ, застилавшимъ весь полъ кабинета.

Въ его походкѣ не замѣчалось прежней бодрости и степенности, выпяченная по-военному грудь также, какъ будто, подобралась, голова ушла въ плечи, а въ глазахъ отразилась какая-то безпокойная дума.

Онъ зажегъ свѣчу, подошелъ къ книжному шкапу, раскрылъ дверцы и принялся перечитывать золотистыя надписи на корешкахъ книгъ. Онъ долго искалъ на полкахъ какую-то книгу, то поднимаясь на носки ногъ, то опускаясь къ полу. Ему пришло на память, что въ его библіотекѣ была когда-то одна, теперь необходимая ему, книга, въ старинномъ переплетѣ и съ пожелтѣв-

шими страницами. Въ этой старинной книгѣ, оставшейся послѣ покойной матери, говорилось что-то о дѣторожденіи, и Леониду Петровичу захотѣлось заглянуть въ эту книгу именно теперь.

Его вдругъ осѣнила новая яркая мысль, и онъ, какъ мальчикъ, бросился со всѣхъ ногъ въ столовую, распахнулъ дверь въ гостиную, потомъ быстро прошелъ черезъ пустынное зало, въ которомъ цѣлыми днями и ночами слышался только густой и тягучій отбой маятника старинныхъ часовъ, и, повернувъ налѣво, зашелъ въ маленькую комнатку.

Въ этой нежилой конуркѣ, съ окнами во дворъ, помѣщались громоздкіе шкапы и сундуки. Въ одномъ углу у печки стояла кровать съ матрацемъ, но безъ подушекъ и одѣялъ. У окна помѣщался большой, какъ ковчегъ, старинный письменный столъ, ящики котораго неплотно держались на своихъ мѣстахъ и давно были лишены замковъ и ключей.

Леонидъ Петровичъ осмотрѣлъ верхніе ящики стола и среди хлама и старыхъ конторскихъ книгъ не нашелъ того, что искалъ. Присѣвши на корточки, онъ осмотрѣлъ нижніе ящики и въ одномъ изъ нихъ отыскалъ старинную книгу въ кожаномъ переплетѣ.

Онъ раскрылъ книгу, и ему бросилась въ глаза первая страница, на которой грубыми и аляповатыми штрихами была изображена голова ребенка и двѣ руки взрослаго человѣка. Длинными и несуразными пальцами руки обхватывали флакончикъ съ соской на концѣ, а соска упиралась концомъ въ сжатыя губы младенца съ капризной миной на лицѣ.

Вооружившись книгой, Леонидъ Петровичъ тѣмъ же путемъ вернулся въ кабинетъ и, опустившись въ кресло у письменнаго стола, принялся перелистывать страницу за страницей. Отъ ветхой книги пахло сыростью и затхлостью, но онъ быстро перечитывалъ страницу за стра-

ницей, какъ будто это была книга новыхъ откровеній. Цѣлый часъ, не отрываясь, онъ читалъ книгу, загибалъ углы нѣкоторыхъ листовъ, бралъ съ пепельницы обгорѣвшія спички и прокладывалъ ихъ между нѣкоторыми листами книги, отмѣчая тѣ мѣста текста, которыя казались ему наиболѣе важными.

Чай показался ему холоднымъ, когда онъ прикоснулся губами къ краямъ стакана. Онъ отодвинулъ стаканъ въ сторону, закурилъ папиросу и посмотрѣлъ на темныя стекла оконъ.

Онъ осмотрѣлъ тяжелыя драпировки, спускавшіяся по обѣимъ сторонамъ оконъ, осмотрѣлъ и бѣлую, красиво подобранную шнурами штору, но почему-то не догадался развязать шнурки и опустить шторы. Это простое, пустяшное соображеніе не могло вытѣснить изъ его головы другихъ мыслей, болѣе упорныхъ и тяжелыхъ.

Все шло такъ хорошо и спокойно. Три года онъ выжилъ въ усадьбѣ послѣ бурной столичной жизни и никогда не скучалъ отъ одиночества и никогда не стремился къ прежней жизни. И только за послѣдніе мѣсяцы, особенно же за послѣдніе дни и часы мысли его приняли другой оборотъ.

Это было мѣсяцъ тому назадъ, вечеромъ, послѣ ужина.

Онъ повстрѣчался съ Лушей въ концѣ коридора и съ игривой улыбочкой заглянулъ въ большіе каріе глаза горничной.

Она пріостановилась, переложила изъ одной руки въ другую пустой графинъ изъ-подъ воды и робкимъ, какимъ-то сдавленнымъ голосомъ произнесла:

— Я не могу, баринъ, прійтить къ вамъ сегодня...

— Почему? почему?—быстро заговорилъ онъ.

— Потому... скоро, — сбивчиво начала Луша, — вѣрно черезъ мѣсяцъ маленькій будетъ...

Леонидъ Петровичъ сначала не понялъ того, что сказала Луша, потомъ какъ-то разомъ всего его бросило въ жаръ, и онъ, безмолвный и обезкураженный, смотрѣлъ на взволнованное, неестественно пополнѣвшее лицо дѣвушки, потомъ его взглядъ скользнулъ по ея фигурѣ съ отдувшимся животомъ, и онъ прислонился къ стѣнѣ.

— Что же, тебѣ худо?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—не сразу отвѣтила она,—а только... я теперь ужъ не могу... Аннушка-повитуха сказала, молъ, черезъ мѣсяцъ жди ребеночка...

Она смолкла, не поднимая на барина глазъ, а блѣдныя губы ея дрожали, словно она собиралась заплакать.

Леонидъ Петровичъ не сказалъ больше ни слова, даже не посмотрѣлъ на Лушу и быстро прошелъ въ столовую. Когда взвизгнулъ блокъ и за горничной захлопнулась дверь, онъ прошелъ въ кабинетъ и долго ходилъ отъ окна къ печи, грызъ собственные ногти, ворошилъ на головѣ волосы и думалъ.

Всю слѣдующую ночь онъ спалъ плохо. Нѣсколько разъ онъ зажигалъ свѣчу и принимался читать, а когда зрѣніе утомлялось—гасилъ свѣчу и закрывалъ глаза.

Изъ его памяти не выходили слова Луши, и въ его представленіяхъ, какъ живая, стояла темноокая деревенская красавица. Вотъ она повстрѣчалась съ нимъ, тамъ, въ коридорѣ, ласково взглянула ему въ глаза, попомъ потупилась, и Леониду Петровичу показалось, что въ тотъ моментъ онъ оскорбилъ ее чѣмъ-то...

Помнится, такое же точно чувство волновало его и годъ тому назадъ въ такую же ненастную ночь. Тогда онъ также безпокойно ворочался на постели, зажигалъ свѣчу и принимался читать, но чтеніе не занимало его.

Когда Лукерья была въ его спальнѣ и приготовляла постель, онъ стоялъ въ дверяхъ, любовался ея тонкой тальей, длинной темной косой и красивымъ профилемъ. На ней былъ одѣтъ бѣлый накрахмаленный передникъ

съ какими-то пышными воланами у самой шеи и на пышной груди. Она весело смѣялась и стыдливо опускала глаза, когда баринъ шутилъ, а когда она поворачивала лицо къ Леониду Петровичу и, слушая его, улыбалась, изъ-за ея алыхъ губъ бѣлѣли красивые зубы.

Онъ подошелъ къ ней и, съ улыбкой на лицѣ, приподнялъ ея тяжелую косу. Она вырвалась и побѣжала къ двери, потомъ остановилась и замерла въ глубокомъ молчаніи, точно поджидая, когда онъ подойдетъ къ ней.

И онъ подошелъ къ ней и снова взялъ въ руки ея косу, потомъ нѣжно прикоснулся къ ея рукѣ, потомъ обнялъ ее и поцѣловалъ въ шею.

Она вскрикнула и рванулась къ двери, но онъ не пустилъ ее, а крѣпко прижалъ къ себѣ ея дѣвственную трепещущую грудь и долго цѣловалъ ее въ щеки и въ губы... И она отвѣчала на его поцѣлуи горячими поцѣлуями.

Потомъ безсонная ночь и эти новыя ощущенія и мысли.

И какимъ-то обыкновеннымъ и пошлымъ показался ему тогда этотъ романъ съ крестьянской дѣвушкой, «съ горничной, съ рабой»,—шепталъ онъ со злобой въ глазахъ. Вѣдь Луша, какъ раба, осторожно ходитъ по дому, прибираетъ комнаты, подаетъ обѣдъ, приготовляетъ постель барину и исполняетъ всѣ приказанія своей родной тетки, которая въ подчиненіи держитъ всю прислугу.

«Романъ съ горничной!» Если бы это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ атмосферѣ столичной жизни и даже въ тайнѣ отъ того общества, въ которомъ вращался Леонидъ Петровичъ,—тогда онъ не допустилъ бы себя до этой ошибки, а здѣсь, въ деревенской глуши, онъ точно переродился.

Правда, онъ скучалъ въ деревенскомъ одиночествѣ и, изрѣдка посѣщая ближайшихъ сосѣдей—батюшку, судебнаго слѣдователя и доктора,—ухаживалъ за ихъ

женами, но это была пустая и безобидная болтовня. То же самое онъ дѣлалъ и въ Петербургѣ, посѣщая журфиксы знакомыхъ или принимая у себя друзей и подругъ жены.

При мысли о женѣ досадное острое чувство кольнуло его сердце, и онъ насильно отогналъ отъ себя ея образъ.

Она оказалась также обыкновенной и пошлой. Въ первые годы супружества казалась вѣрной женой и добродѣтельною матерью, пока была жива ихъ дѣвочка, а потомъ, освободившись отъ материнскихъ обязанностей, она, какъ легкомысленная дѣвочка, принялась кокетничать съ мужчинами. За этимъ слѣдовалъ гадкій недостойный обманъ мужа въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и, наконецъ, окончательный разрывъ.

Леонидъ Петровичъ бросилъ службу, проклялъ пустую столичную жизнь съ журфиксами, балами и загородными поѣздками и удалился въ деревню. Онъ съ увлеченіемъ занялся хозяйствомъ и увлекся было земской работой и вдругъ—кончилъ такъ же пошло и банально, какъ кончаютъ многіе саврасы, соблазняющіе молоденькихъ горничныхъ.

Съ теченіемъ времени это острое чувство презрѣнія къ себѣ притупилось, и онъ окончательно подпалъ подъ обаяніе новаго увлеченія. Какъ быстро промчался цѣлый длинный годъ этого угара, и только Луша своимъ до наивности простымъ замѣчаніемъ отрезвила его.

Безсонная ночь послѣ краткаго разговора съ Лушей въ коридорѣ не прошла даромъ. На другой день Леонидъ Петровичъ проснулся поздно, съ головной болью и раздраженнымъ. Выйдя въ столовую, гдѣ обычно каждое утро его поджидала Пелагея Ивановна, сидя за шумящимъ самоваромъ, онъ поздоровался съ нею, не поднимая глазъ, и углубился въ газету.

Почему-то ему совѣстно было встрѣтиться съ взглядомъ сѣрыхъ глазъ экономки. Каждую секунду онъ не

могъ забыть, что эта простоватая съ виду старушка— родная тетка Луши. Три года тому назадъ она сама отрекомендовала барину Лушу для роли горничной, и за все время связи барина съ горничной догадывалась обо всемъ, что дѣлалось съ племянницей и ни однимъ словомъ, ни однимъ взглядомъ не давала барину понять, что все знаетъ.

Сидя за чаемъ въ это утро, Леонидъ Петровичъ больше себя ненавидѣлъ хитрую старушонку. Она казалась ему противной, гадкой, мерзкой и ему хотѣлось вскочить, затопать ногами и выгнать экономку изъ столовой.

Прошла недѣля, за нею протянулась другая.

Какъ-то разъ, послѣ ужина, Пелагея Ивановна, казавшаяся весь истекшій день какой-то необыкновенно таинственной, подошла къ барину и почему-то шопотомъ сказала:

— Баринъ, Леонидъ Петровичъ!..

— Ну, что?—спросилъ онъ, испугавшись ея шопота.

— На это время другую бы дѣвчонку съ деревни взять, а то Луша-то ужъ очень тяжела стала, послѣдніе дни ходитъ...

Въ это мгновеніе ему хотѣлось толкнуть или ударить экономку, но онъ воздержался и не громко отвѣтилъ:

— Никакой дѣвчонки не надо... Сами сдѣлаете, чего Лушѣ нельзя...

Этотъ разговоръ стоилъ Леониду Петровичу новой безсонной ночи. Онъ никакъ не могъ представить себѣ, что въ его домѣ появится новый, чужой человѣкъ въ лицѣ какой-то дѣвчонки изъ деревни. Онъ не могъ спокойно подумать, что какой-то еще новый человѣкъ узнаетъ тайну его дома. До сихъ поръ ему казалось, что о томъ, что ожидаетъ Лушу, знаетъ только онъ, она да

хитрая Пелагея Ивановна. Леонидъ Петровичъ какъ будто совершенно забылъ, что у него во дворѣ есть приказчики, кучера и дворники, конюха и сторожа. Онъ не могъ подумать, что всѣ они давно уже знаютъ, почему Лушѣ такъ вольготно живется въ горничныхъ.

На другой день послѣ утренняго чаю Леонидъ Петровичъ, обращаясь къ Пелагеѣ Ивановнѣ, сказалъ:

— Скажите Ѳедору, чтобы съѣздилъ въ Пушкино и привезъ земскую акушерку.

— Зачѣмъ, баринъ, акушерку, у насъ Аннушка-косоглазая споконъ вѣка...

— Вамъ говорятъ, чтобы Ѳедоръ съѣздилъ, и не ваше дѣло разсуждать!—крикнулъ на экономку Леонидъ Петровичъ.

Она смутилась и покорно вышла исполнить барское приказаніе.

Леонидъ Петровичъ удалился въ кабинетъ и почти весь день провалялся на оттоманкѣ, обложивъ себя газетами и журналами.

Когда пріѣхала акушерка, онъ вышелъ въ залъ и почему-то покраснѣлъ. Конфузясь онъ просилъ дѣвушку сѣсть, угощалъ ее чаемъ, совѣтуя влить въ стаканъ рому, и легко вздохнулъ только послѣ того, когда Дарья Адамовна, выпивъ на-скоро стаканъ чаю, прошла на «людскую» половину дома, гдѣ рядомъ съ кухней, въ маленькой комнаткѣ, на постели лежала Луша, съ часу на часъ готовая стать матерью.

Когда потомъ акушерка снова появилась въ столовой, Леонидъ Петровичъ съ удесятереннымъ стараніемъ принялся угощать ее, говорилъ о холодныхъ ненастныхъ дняхъ осени, говорилъ о тягости службы акушерокъ, фельдшерицъ и докторовъ и, какъ только умѣлъ, старался отклонить разговоръ на непріятную тему о больной и поминутно то краснѣлъ, то блѣднѣлъ. Изрѣдка встрѣчаясь съ голубыми ясными глазами дѣвушки, онъ чи-

талъ въ нихъ отвѣтъ на свое тайное безпокойство и мысленно твердилъ самому себѣ: «она все знаетъ, она все поняла».

Акушерка уѣхала, а когда сегодня снова появилась въ ихъ домѣ, Леонидъ Петровичъ снова ощутилъ какую-то неловкость. Неловкость эта не оставляла его весь вечеръ и во всю эту долгую безпокойную ночь.

Въ коридорѣ взвизгнулъ блокъ, хлопнулась о косяки тяжелая дверь и черезъ секунду послышались тихіе и осторожные шаги. Немного спустя, на порогѣ въ кабинетъ появилась Пелагея Ивановна и съ холодно-жесткимъ выраженіемъ въ глазахъ таинственно прошептала:

— Начались потуги, баринъ... Барышня акушерка проситъ стаканчикъ хорошаго вина для Луши... прикажете дать?..

— Возьмите, возьмите тамъ въ ларцѣ свѣжую бутылку,—вставая, громко заговорилъ Леонидъ Петровичъ и словно ожилъ въ это мгновеніе. Въ его головѣ мелькнуло соображеніе, что и онъ чѣмъ-то можетъ быть полезнымъ для Луши и, позволивъ взять для Луши хорошаго вина, облегчитъ ея какія-то тамъ страданія.

Ему припомнилось то время, когда мучилась въ родахъ его жена; тогда ее также поили дорогимъ виномъ. Когда Пелагея Ивановна появилась въ столовой съ бутылкой заграничнаго портвейна, Леонидъ Петровичъ собственноручно вскрылъ бутылку и громко сказалъ:

— Несите туда всю, всю... скорѣе...

Пелагея Ивановна быстро пошла вдоль коридора, а онъ стоялъ у порога въ столовую и слѣдилъ за нею. Когда экономка скрылась за дверью, онъ прошелъ въ темную гостиную, потомъ въ залъ и здѣсь остановился около часовъ, маятникъ которыхъ, какъ всегда, отбивалъ тягучіе удары. Минуту спустя, онъ снова прошелъ въ

кабинетъ и опять сталъ просматривать пожелтѣвшія страницы старинной книги.

Безпокойство овладѣвало имъ все больше и больше. Наконецъ, онъ уже окончательно не могъ читать и все время ходилъ по комнатамъ. Сумракъ и тишина громаднаго зала смущали его и онъ зажегъ въ канделабрахъ свѣчи, настежъ отворилъ двери въ гостиную и снова принялся ходить по комнатамъ, ловя чуткимъ слухомъ слабые голоса ночи.

Въ домѣ царила жуткая тишина, какъ будто тамъ, на «людской» половинѣ ничего особеннаго не совершалось, и все живое спало мертвымъ сномъ.

Не переставая курить, Леонидъ Петровичъ ходилъ по комнатѣ и нетерпѣливо поджидалъ Пелагею Ивановну. Иногда онъ останавливался передъ окнами, прикладывался къ стекламъ горячимъ лбомъ и смотрѣлъ въ сумракъ ненастной ночи, а когда въ комнатахъ снова слышались его неровные шаги, онъ чего-то все ждалъ и ждалъ.

Когда часы въ залѣ отбили три, въ коридорѣ появилась Пелагея Ивановна. Она не сразу нашла барина въ залѣ на маленькомъ диванчикѣ въ углу. Онъ сидѣлъ съ потухшею папиросою въ рукѣ.

— Начались роды,—сообщила экономка такимъ тономъ, какъ будто сообщила барину самую пріятную ему новость.

— Ну, а что она, Луша?..

— Мучается, Леонидъ Петровичъ, страсть, какъ мучается...

И снова въ глазахъ Пелагеи Ивановны отразилось такое выраженіе, какъ будто она сообщила барину нѣчто совсѣмъ-совсѣмъ пріятное.

— Мучается? сильно?..—взволнованнымъ голосомъ спросилъ Леонидъ Петровичъ.

— Сильно,—въ тонъ барину отвѣчала экономка,—

Ну, да, Богъ дастъ, все сойдетъ благополучно: Луша—дѣвка здоровая; въ мать покойницу и въ меня... У меня вонъ ихъ семь сыновъ было да двѣ дочери и ничего—Богъ помиловалъ...

Леонидъ Петровичъ ходилъ по залу, слушалъ болтовню старухи и не слышалъ, что она говорила.

Когда Пелагея Ивановна вышла въ коридоръ, онъ хотѣлъ было пойти за нею и сказать ей что-то, но потомъ круто повернулся и быстро прошелъ въ кабинетъ. Опустившись въ кресло, онъ въ ту же минуту быстро всталъ и, осторожно ступая, вышелъ въ коридоръ, прошелъ до тяжелой двери съ взвизгивающимъ блокомъ. Одинокая лампочка, освѣщая коридоръ, отбрасывала длинную и неуклюжую тѣнь всей его фигуры, и Леониду Петровичу казалось, что впереди него идетъ еще кто-то, отчего его лицо залилось краскою стыда и смущенія.

Онъ подошелъ къ двери и остановился, напрягая слухъ. Ему хотѣлось подсмотрѣть, что дѣлается тамъ, за этой тяжелой дверью, ему хотѣлось подслушать хотя бы самый слабый звукъ, проникавшій съ «людской» половины дома. Но въ домѣ было тихо. Глухо вылъ вѣтеръ за стѣнами дома, въ желѣзную кровлю попрежнему стучалъ дождь, въ залѣ маятникъ часовъ отбивалъ степенные удары.

Такъ же тихо и крадучись Леонидъ Петровичъ вернулся въ кабинетъ и посмотрѣлъ въ темное окно.

Онъ не замѣтилъ, какъ быстро промчалось время до разсвѣта. Временами ему казалось, что онъ спитъ и видитъ тревожный и немилосердно затянувшійся сонъ, и что все, что случилось въ его домѣ,—это не дѣйствительность, это—кошмарный тяжелый сонъ, и стоитъ только ему проснуться, какъ всѣ эти видѣнія исчезнутъ.

Въ коридорѣ снова взвизгнулъ блокъ и хлопнула дверь. Онъ явственно слышалъ, что какъ-то особенно

взвизгнулъ этотъ памятный ему на всю жизнь желѣзный блокъ.

На порогѣ комнаты появилась Пелагея Ивановна и съ торжественной миной на лицѣ тихо прошептала:

— Родился, слава тебѣ, Господи... мальчикъ... красненькій такой...

Леониду Петровичу показалось, что экономка ударила его чѣмъ-то въ лобъ, потомъ взяла въ свои руки его тучное тѣло и мотнула имъ въ воздухѣ такъ, что стѣны, темныя окна, письменный столъ съ лампой и все, все повернулось, приподнялось и мотнулось въ воздухѣ.

— И она, Луша-то, слава Богу, здорова... все благополучно...—продолжала экономка.

Когда Пелагея Ивановна ушла, Леонидъ Петровичъ прошелся по комнатѣ, потирая руки, и вышелъ въ коридоръ.

Ему хотѣлось отворить, наконецъ, эту тяжелую дверь съ блокомъ и заглянуть въ тотъ, иной міръ, гдѣ что-то такое совершилось помимо его. Что-то таинственное было тамъ, за дверью, и что-то такое большое, страшное и могучее, точно онъ оставилъ тамъ за дверью всего себя, а здѣсь, въ коридорѣ, осталась только его неуклюжая и смѣшная тѣнь, отброшенная тусклой лампочкой.

Были минуты, когда онъ съ трудомъ сдерживалъ себя. Ему хотѣлось открыть эту дверь и оттолкнуть, разрушить все то, что отдѣляло всего его и весь укладъ его жизни отъ уклада жизни, совершающейся за этой темной и тяжелой дверью.

Минутами ему хотѣлось крикнуть Пелагею Ивановну и спросить ее, что дѣлается тамъ, гдѣ онъ, этотъ маленькій человѣкъ, появившійся на свѣтъ? Но другое смутное сознаніе останавливало его, и онъ быстро отступалъ отъ двери, страшась, какъ бы въ этотъ моментъ не вошла Пелагея Ивановна или еще кто-нибудь и какъ бы кто-

нибудь не замѣтилъ его у двери, поблѣднѣвшаго, съ дрожащими колѣнками и съ безпокойнымъ взглядомъ въ глазахъ.

Онъ быстро прошелъ въ залъ, посмотрѣлъ на часы и изумился. Такъ быстро промчалась эта безпокойная, безсонная ночь! Часы показывали половину седьмого. Въ широкія окна зала лился слабый свѣтъ ненастнаго утра. Леонидъ Петровичъ подошелъ къ окну и заглянулъ въ садъ.

Буря утихла. Въ саду стояли березы, липы и клены съ влажными, опущенными и какъ будто уставшими за ночь вѣтками и словно погружены были въ сладкій сонъ.

По небу такъ же, какъ и вчера, тянулись сѣрыя тяжелыя облака. Вдали надъ лугами и надъ оврагомъ клубился туманъ, тяжелый и неподвижный. Отъ нѣкоторыхъ хатокъ деревушки тянулись къ небу сѣроватыя полоски дыма. Леонидъ Петровичъ посмотрѣлъ на небо, вспомнилъ послѣднія слова Пелагеи Ивановны о страданіяхъ Луши, вспомнилъ и о новомъ человѣкѣ, появившемся въ это ненастное утро, и подумалъ:

— Господи! какъ страшно за человѣка!..

ЗАПИСКИ СКВЕРНАГО ЧЕЛОВѢКА.

I.

Собственно говоря, сквернымъ человѣкомъ называютъ меня по двумъ причинамъ: во-первыхъ, я даю деньги подъ векселя и, въ случаѣ неуплаты въ срокъ, предъявляю грозныя бумажки въ банкъ и подрываю дѣла моихъ денежныхъ рабовъ въ глазахъ всего коммерческаго люда... во-вторыхъ, я живу съ чужой женой.

Объ этомъ знаетъ не одна сотня петербуржцевъ. Мы съ Лидіей Петровной не скрываемъ этого даже и отъ мужа.

Онъ прекрасно знаетъ, что Лидія пріѣзжаетъ ко мнѣ, когда мнѣ захочется поцѣловать ее въ розовыя губки или въ бѣлую шейку. Я звоню по телефону и говорю:

— Попросите къ телефону Лидію Петровну.

Если въ столовой случайно окажется она, то вопросъ, разумѣется, рѣшается просто, я говорю:

— Лида, я хочу тебя поцѣловать... пріѣзжай...

И она пріѣдетъ въ назначенный мною часъ.

Если же на мой звонокъ къ телефону подойдетъ ея мужъ, я съ нимъ поздороваюсь, иногда пожелаю ему добраго утра или добраго вечера и добавлю:

— Константинъ Иванычъ, попросите Лидію Петровну къ телефону.

Онъ почему-то извинится и скажетъ:

— Сію минуту...

И она пріѣдетъ въ назначенный часъ.

Какъ-то разъ на мой призывъ Константинъ Иванычъ сказалъ свое «извините» и добавилъ:

— Она сегодня не можетъ пріѣхать: у нея, кажется, инфлуенца...

Я поѣхалъ на квартиру Константина Иваныча, предупредивъ его объ этомъ по телефону, и онъ самъ встрѣтилъ меня въ передней. Взялъ даже у меня изъ рукъ цилиндръ и поставилъ его на столикъ у зеркала.

Какъ мало знакомаго врача, онъ провелъ меня въ маленькую спальню, отдѣланную подъ цвѣтъ розовыхъ лепестковъ, а самъ ушелъ.

Лидія лежала въ постели подъ краснымъ одѣяломъ. Голова ея, съ пышными, вьющимися волосами, лежала на высоко приподнятыхъ подушкахъ, лицо было блѣдное, съ красивымъ, легкимъ румянцемъ на щекахъ.

Особенно красиво горѣли ея глаза жгучимъ, лихорадочнымъ блескомъ... Я не могу спокойно смотрѣть въ глаза женщины, когда она въ лихорадкѣ...

А тѣло ея въ этотъ вечеръ было такое красивое! Пышное, бѣлое, горячее! Я помню, какъ я подошелъ къ ея кровати. Она встрѣтила меня блестящимъ, горящимъ взглядомъ своихъ большихъ темныхъ глазъ. Я знаю, что при видѣ меня, въ ея душѣ всколыхнулась ненависть и, быть можетъ, даже презрѣніе... Но это меня никогда не смущаетъ. Ненависть сдѣлала ея глаза еще больше и красивѣе.

Это подкупило меня и я вынулъ изъ бумажника одну очень интересную для Константина Иваныча бумажку и сказалъ:

— Лида, я оставлю здѣсь векселекъ Константина Иваныча на три тысячи... Пусть онъ на досугѣ разорветъ его или сожжетъ...

Она промолчала, а большіе темные глаза ея вспых-

нули такими искрами, какими не вспыхиваютъ самые дорогіе бриллiанты.

Потомъ я пожалъ ея горячую руку, опустился на край постели и нѣжно, и медленно стянулъ съ ея высокой бѣлой груди конецъ одѣяла, въ которое она почему-то куталась.

Она сдѣлала движеніе рукою, какъ будто, стыдилась чего-то, но потомъ уступила. По опыту двухъ лѣтъ, она прекрасно знаетъ, что если я захочу, чтобы ея грудь была обнажена, то она это сдѣлаетъ, хотя, быть можетъ, ей это и непріятно.

Я отстегнулъ пуговицу на узкой полоскѣ рубашки, обхватывавшей плечо, и сталъ цѣловать ея красивую грудь. Въ этотъ вечеръ грудь ея была горячая, пріятная для поцѣлуя... И я долго цѣловалъ эту грудь, а она спѣшно дышала, чуть-чуть сощуривъ свои дивные глазки.

Я люблю, когда она щуритъ глаза; длинныя темныя рѣсницы смыкаются, и изъ-за нихъ блестятъ двѣ крошечныя точечки, прожигающія меня до глубины души. Я чувствую, какъ по моей спинѣ пробѣгаютъ холодныя мурашки, потомъ меня бросаетъ въ жаръ, а дальше...

Лучше объ этомъ не вспоминать! Я чувствую, что и теперь, тотъ, кто перечитываетъ эти строки, грѣшитъ... грѣшитъ духовно, въ мысляхъ, и передъ нимъ рисуется образъ женщины, лежащей на постели, съ горячей обнаженной грудью и съ полузакрытыми глазами...

II.

Черезъ часъ я вышелъ изъ спальни Лиды.

Въ гостиной, у маленькаго столика, сидѣлъ Константинъ Иванычъ съ газетой въ рукахъ. Свѣтъ электри-

ческой лампочки изъ-подъ красиваго абажура заливалъ его симпатичное румяное лицо, съ темной бородкой и усами.

Онъ тоже красивый брюнетъ. Къ нему очень идетъ красноватый жилетъ и совсѣмъ, совсѣмъ красный галстукъ шарфомъ.

Заслыша мои шаги, онъ поднялся и отложилъ газету въ сторону.

— Кстати, Константинъ Иванычъ,—сказалъ я,—я захватилъ съ собой вашъ векселекъ на двѣ тысячи... Срокъ послѣзавтра... Не будете ли вы добры переписать его на какой вамъ угодно срокъ...

Онъ какъ-то нерѣшительно взялъ изъ моихъ рукъ роковую бумажку и промолчалъ.

Мы простились.

Спускаясь съ лѣстницы и медленно ступая по мягкому ковру, я думалъ: почему Константинъ Иванычъ меня не убьетъ? Вѣдь онъ же прекрасно знаетъ, что я живу съ его женою. Объ этомъ знаетъ не одна сотня петербургскихъ «дѣльцовъ». И все же онъ не рѣшается меня застрѣлить или отравить. Ужели онъ нисколько не ревнивъ? Ужели же ему не стыдно самого себя?

Швейцаръ, добрый старикъ, съ сѣдыми бакенбардами, какъ у министра, развѣялъ мои размышленія насчетъ Константина Иваныча.

— Снѣжокъ опять пошелъ, сударь, — сказалъ онъ, улыбнулся и распахнулъ дверь.

Я далъ ему трешницу.

Послѣ свиданія съ Лидой, я всегда дѣлаюсь необыкновенно добрымъ. Впрочемъ, это случается и во время свиданія...

Нынче, передъ Рождествомъ, когда она заѣхала ко мнѣ часа въ четыре дня, я доказалъ ей, какимъ добрымъ и предупредительнымъ я могу быть.

Она уже собиралась домой и застегивала лифъ. Я

помогалъ ей, оправляя шелковыя, душистыя кружева на рукавѣ.

— Сегодня всѣ дамы Петербурга сходятъ съ ума!— сказала она, и сдѣлала она это только потому, что надо же было сказать что-нибудь, такъ какъ битые два часа я не слышалъ отъ нея ни слова.

— Почему такъ, моя крошка?—спросилъ я и поцѣловалъ ея руку выше локтя.

— У Реймана на окнѣ выставлено необычайное колье.

— И оно тебѣ понравилось?

Лида промолчала.

Я приказалъ подать кофе, а Лиду упросилъ остаться еще на часъ, пока мой управляющій успѣетъ съѣздить къ Рейману и вернуться съ бездѣлкой, остановившей вниманіе моего второго бога.

Три четверти часа мы шутили и пили кофе.

Мнѣ показалось даже, что на этотъ разъ Лида снисходительнѣе ко мнѣ и не такъ ужъ сильно меня ненавидитъ.

Слѣдующія за тѣмъ пятнадцать минутъ я водилъ ее по комнатамъ, показывалъ ей картины и статуетки,— а у меня ихъ много, и все на подборъ работа лучшихъ мастеровъ,—заходили мы съ нею даже и въ мою библіотеку, но сумрачные, наглухо запертые шкапы съ книгами не заинтересовали ее, и мы скоро вернулись въ кабинетъ.

У двери въ прихожую стояли: мой управляющій и управляющій магазина.

Я обвилъ колье вокругъ чудной шейки Лиды и приказалъ управляющему:

— Маркъ Львовичъ, заплатите этому господину сколько слѣдуетъ.

Когда они оба ушли, Лида все еще продолжала

стоять передъ зеркаломъ и, не отрывая глазъ, разсматривала неожиданный для нея подарокъ.

Странно: прощаясь, она меня поцѣловала. Этого, кажется, никогда не было...

III.

Впрочемъ, это было только разъ, въ тотъ вечеръ, когда она мнѣ отдалась впервые... Вспоминаетъ ли она объ этомъ—я не знаю... но... я часто вспоминаю...

Это было въ началѣ августа, у меня на дачѣ, въ Павловскѣ.

Помнится, утромъ этого дня ко мнѣ пріѣзжалъ господинъ Струкъ. Это фамилія Константина Иваныча.

Мнѣ нравился мало знакомый, красивый брюнетъ, но не нравилось его поведеніе. Онъ, какъ школьникъ въ кабинетѣ инспектора, сидѣлъ на кончикѣ стула и слезно молилъ меня, чтобы я далъ ему 25 тысячъ рублей подъ вексель. При этомъ онъ сознался, что проигралъ эти деньги, позаимствовавъ ихъ изъ казенной кассы.

Помнится, онъ долго говорилъ о незапятнанности «ихъ» старинной фамиліи, упоминалъ о возможности порчи его карьеры. Говорилъ, что только что годъ, какъ женатъ, и что его жена не перенесетъ позора, такъ какъ и она изъ такой семьи, которая боится позора.

При этомъ онъ буквально рыдалъ и, какъ плохой актеръ, такъ старательно заламывалъ руки, что мнѣ стало его жаль...

— Позвольте, какія оригинальныя у васъ запонки!— сказалъ я, совершенно невольно обративъ вниманіе на эмалевыя запонки съ чуднымъ бюстомъ брюнетки.

— Это моя жена,—сказалъ онъ.

Что случилось послѣ этого, точно не помню, но только хорошо помню и никогда не забуду, что въ тотъ же вечеръ, въ шесть часовъ, мнѣ подали красивую визитную карточку, а на ней значилось: «Лидія Петровна Струкъ».

Разумѣется, я тотчасъ же принялъ красивую даму и усадилъ ее въ мягкое кресло у двери на террасу.

Солнце садилось, и, просачивая яркіе лучи сквозь листву кленовъ, заливало ея милое личико ровнымъ красноватымъ налетомъ. Ея лицо казалось мнѣ вылитымъ изъ свѣтлой бронзы, а глаза ея горѣли: въ нихъ отражался свѣтъ, яркій, красный, жгучій...

Когда она кончила разсказъ о проигрышѣ ея мужа, глаза блестѣли слезами.

О, что случилось со мною! Я видѣлъ, какъ плакала одна старуха на улицѣ, но слезы ея не походили на слезы моей гостьи. Я видѣлъ, какъ плакала одна дѣвушка, уходя отъ меня черезъ калитку сада на разсвѣтѣ бѣлой ночи. Въ глазахъ той дѣвушки и слезы были бѣлыя и некрасивыя. Я видѣлъ, какъ плакала одна монахиня и упрекала меня въ томъ, что, будто бы, я ввелъ ее въ грѣхъ... Слезы монахини не походили на слезы Лидіи Петровны: они тускло свѣтились, какъ капли дешеваго лампаднаго масла...

Въ слезахъ Лидіи Петровны отражался весь міръ ея души. Она плакала о судьбѣ любимаго человѣка, она слезами хотѣла его спасти. И солнце поняло ея скорбь, и отразило въ ея глазахъ весь свой жаръ и всю свою красоту.

И она покорила меня именно своими слезами. Я досталъ изъ несгораемаго шкапа деньги и положилъ ихъ на край стола. Она не смотрѣла, когда я считалъ деньги, но я чувствовалъ, что она всѣмъ своимъ существомъ занималась со мною этой скучной операціей.

Считать деньги скучно, когда ихъ много, какъ скучно расчесывать красивые женскіе волосы, если они путаются...

Въ этотъ вечеръ я расплеталъ косу Лидіи Петровны, и она иногда морщилась и взвизгивала:

— Ой, вы очень больно! Я совсѣмъ не расчесала головы, торопилась на поѣздъ,—говорила она.

И блѣдный свѣтъ электрической лампочки, заставленный портретомъ моего отца, тусклыми искрами отражался въ ея глазахъ. Она тогда уже не плакала, а какъ-то стыдливо опускала глаза, а руки ея и, особенно, ноги, почему-то вздрагивали.

Эта дрожь волновала меня, я торопливо расплеталъ ея косу и дѣлалъ ей больно...

Я опять не буду разсказывать о томъ, что было дальше. Да и зачѣмъ эти подробности? Если я пережилъ ихъ, то никому уже изъ васъ не удастся ихъ повторить, потому что нельзя во второй разъ видѣть закатъ солнца въ одинъ и тотъ же день.

А въ этотъ день солнце закатилось не рано. Когда мы вышли на террасу, была уже ночь, темная, звѣздная.

На террасѣ Лидія Петровна спрятала за бортъ корсажа небольшой свертокъ и уставилась на меня пытливыми глазами. Я пожалъ ея все еще трепещущую руку и тихо и нѣжно сказалъ:

— Ты теперь пріѣдешь ко мнѣ дня черезъ два?

Она отвѣтила не сразу. Я обнялъ ее и поцѣловалъ въ щечку. Она поцѣловала меня въ губы въ первый разъ...

Когда экипажъ отъѣхалъ отъ калитки дачнаго сада, я посмотрѣлъ на звѣздное небо и вошелъ въ кабинетъ. Въ немъ еще пахло тѣми духами, которыми было надушено свѣтло-розовое платье Лиды...

IV.

О, что это была за ночь! Первая ночь моего счастья! Мнѣ казалось, что и небо ночи окрашено въ свѣтло-розовую краску, и въ блескѣ звѣздъ мерещился блескъ слезъ дивныхъ глазъ жгучей брюнетки...

Какъ жаль, что Лида никогда не плачетъ. Впрочемъ, она уже никогда, никогда не будетъ плакать такими слезами, какими плакала тогда въ лучахъ заходящаго солнца. Между ея глазами и ея мужемъ, какъ между солнцемъ и ею, стою я, съ своей жгучей, безумной страстью.

Я знаю, что она меня не любитъ, она меня не любитъ, она даже презираетъ меня. Но что же изъ этого? Я ничего не теряю.

Полчаса тому назадъ я позвонилъ, и на мой звонокъ отозвался онъ, ея мужъ, ея солнце и Богъ, какъ она, вѣроятно, называетъ его, когда они принадлежатъ другъ другу...

А теперь онъ спѣшно подошелъ къ телефону,—въ трубку, вѣдь, слышны шаги,—и на мой запросъ сказалъ:

— Хорошо, я передамъ Лидѣ... Она пріѣдетъ въ шесть...

Сегодня онъ ни въ чемъ не извинялся, но я чувствовалъ, что онъ стоитъ у телефона и ждетъ, что я еще скажу. Я молча опустилъ телефонную трубку и закурилъ сигару.

Лида любитъ запахъ сигарнаго дыма. Она говоритъ, что это напоминаетъ ей ея отца, который курилъ сигары, и при этомъ она почему-то добавила, что ея отецъ курилъ дорогія сигары.

Иногда она любитъ вспоминать о томъ, какъ они жили богато и имѣли квартиру на Большой Конюшенной. Я и теперь предложилъ ей переѣхать, вмѣстѣ съ

Константиномъ Иванычемъ, на эту улицу, по крайней мѣрѣ, были бы ближе ко мнѣ, но она говоритъ, что Константинъ Иванычъ пользуется казенной квартирой, что полагается ему и по чину, и по занимаемой имъ должности.

Ну, Богъ съ ними, не буду лишать ихъ этого счастья.

Однако, меня все больше и больше занимаетъ мысль: почему Константинъ Иванычъ меня не убьетъ? Ужели же онъ нисколько не равнивъ? Вотъ странный человѣкъ! Говорятъ, онъ очень ревнивъ въ карточной игрѣ, и не можетъ допустить мысли, чтобы кто-нибудь изъ сидящихъ за зеленымъ столомъ взялъ взятокъ больше, чѣмъ у него...

Очевидно, онъ пересталъ любить Лиду и полюбилъ карты. Почему же она его любитъ? И любитъ ли?..

Впрочемъ, и это меня не интересуетъ.

V.

Часы пробили пять. Черезъ часъ она будетъ у меня. Сегодня я немного утомленъ. Чортъ меня сунулъ ѣхать на дневной спектакль, да еще благотворительный. Но нельзя было не ѣхать. Я не люблю сердить дамъ-патронессъ, потому что онѣ всегда заступаются за меня. И когда кто-нибудь бранитъ меня за то, что я даю деньги подъ векселя, онѣ дѣлаютъ солидныя цифровыя выкладки и говорятъ о томъ, сколько я жертвую на благотворительныя дѣла.

Онѣ говорятъ также и о моей былой семейной добродѣтели и увѣряютъ всѣхъ, что я отличался необычайной семейственностью, когда была жива моя жена.

Видите, какую пользу приносятъ мнѣ благотворительные спектакли, они дѣлаютъ меня изъ «сквернаго человѣка», человѣкомъ «ничего себѣ».

Только нѣкоторыя изъ благотворительныхъ дамъ не-

навидятъ меня за то, что онѣ мнѣ давно уже надоѣли, и я выпилъ изъ нихъ весь пахучій ароматъ. Онѣ, разумѣется, молчатъ, когда говорятъ о моей семейной добродѣтели и о моей вѣрности покойной женѣ. И онѣ имѣютъ на это право.

Въ сущности, возможность давать деньги подъ векселя—хорошее право жить такъ, какъ хочется. Вѣдь, если бы я этого не дѣлалъ, мнѣ пришлось бы покупать женскія ласки тѣми же способами, какими ихъ покупаютъ тысячи людей. Я, по крайней мѣрѣ, въ этомъ смыслѣ оригиналенъ.

Да, наконецъ, если бы я этимъ не занимался, Лида не принадлежала бы мнѣ, а этого счастья я не хочу лишаться.

Я люблю ее и не могу не любить. Я живу безъ ея ласкъ, но зато, она все же моя. Черезъ четверть часа одна должна пріѣхать... Надо распорядиться относительно кофе и ликеровъ. Она любитъ ликеры, и, когда бываетъ у меня, пьетъ много. Это мнѣ нравится.

Когда дама пьетъ, ея сердце управляется двумя изумительными жидкостями жизни, если только такъ позволятъ мнѣ выразиться наши патентованные стилисты. Если въ опьянѣвшей дамѣ потухнетъ жаръ крови, то теплота вина, хоть немного, да согрѣетъ сердце...

Тоже самое, по всей вѣроятности, случается и съ Лидой. Она меня не любитъ, и въ мгновенія моихъ ласкъ по ея жиламъ струится пряный, сладкій ликеръ, и сердце повелѣваетъ имъ, какъ настоящей кровью.

Такимъ образомъ, и съ этой стороны я еще надолго обезпеченъ. Скверно будетъ, если Лида перестанетъ пить ликеры... Вообще, я не люблю трезвыхъ дамъ! Опьяненныя, онѣ меньше похожи на людей, и въ моихъ представленіяхъ рисуются тѣми воздушными существами, о которыхъ я мечталъ еще тогда, когда былъ юношей, и когда наша бонна, Эмилія Карловна, особенно

любила гладить меня по волнистымъ волосамъ и при этомъ часто, точно невзначай, прижимала меня къ своей пышной груди и дышала какъ-то особенно порывисто...

Когда она умерла, всѣ говорили, что она умерла дѣвственницей. Будучи пятнадцатилѣтнимъ гимназистомъ, я могъ бы блестящимъ образомъ опровергнуть это, но тогда я и свои опроверженія завѣдомой неправды считалъ грѣхомъ.

Эмилія Карловна тоже любила ликеры, хотя за общимъ столомъ отказывалась и отъ рюмки бургондскаго.

Мы пили съ нею ликеры въ ея крошечной, свѣтленькой комнаткѣ, въ мезонинѣ нашего стараго дома.

Въ эти счастливые часы нашъ старый домъ, съ его старыми, добродѣтельными обитателями, обыкновенно, спалъ крѣпкимъ сномъ. У молчаливыхъ стѣнъ дома, въ саду, бродили одинокія, скучающія тѣни ночи, и одинокая душа съ печалью засматривала въ окна мезонина, гдѣ я былъ неодинокъ съ пробуждающимися запросами моей души и тайными влеченіями моего тѣла.

Луна нѣжнымъ, дѣвственнымъ свѣтомъ заливала подушки и простыни на постели Эмиліи Карловны. И сама она, въ тонкой бѣлой сорочкѣ и въ бѣлой крахмальной юбкѣ, казалась мнѣ сотканной изъ молочнаго, эфирнаго луннаго свѣта.

Помнится, она носила черные чулки и маленькія туфельки съ помпонами, и я любилъ гладить эти тонкія черныя ноги, я любилъ шуршащую крахмальную юбку, тонкую рубашку, съ вырѣзомъ на груди... И я любилъ цѣловать ея бѣлую, упругую, нѣжную грудь...

Тяжело дыша и обдавая меня жаркимъ дыханіемъ, она обнимала меня и цѣловала... Потомъ мы, тихо крадучись, подходили къ столику... Она наливала красивый, пахучій ликеръ въ крошечныя рюмочки, и мы пили... Пили медленно, улыбались, обнимались и цѣловались...

По мѣрѣ опьяненія, она становилась порывистѣй, а поцѣлуи ея еще болѣе жгучими.

У меня кружилась голова, и жгучія, острыя мурашки проползали по моему тѣлу, кололи сердце, щекотали кровь...

И намъ свѣтила одинокая, безстрастная луна, посылая къ намъ въ комнату, вмѣстѣ съ своимъ свѣтомъ, свою, никому не излитую, страсть.

Я, собственно, не понимаю, за что въ дѣтствѣ меня называли сквернымъ, испорченнымъ мальчишкой? Я не знаю, за что меня и теперь считаютъ сквернымъ человѣкомъ. Вѣдь, если бы и безстрастная луна не была одинока, она тоже грѣшила бы, а люди стали бы говорить: скверная луна!

VI.

Звонокъ. Это пришла Лида.

Да, я не ошибся. Какъ всегда, изящная, знойная! Щечки ея раскраснѣлись отъ мороза, глаза кажутся глубокими, темными, но не загадочными: я легко читаю въ нихъ презрѣніе ко мнѣ...

Впрочемъ, не все ли мнѣ равно? Она пришла ко мнѣ, она моя...

Мы прошли въ кабинетъ.

— Какая сегодня отвратительная погода!—неестественно громко, почти выкрикнула она избитую фразу и сдѣлала это только для того, чтобы сказать что-нибудь.

Стыдъ, какъ страхъ или боль, также можно умалить, если вскрикнуть.

— Но, вѣдь, у меня здѣсь тепло и уютно!—сказалъ я, цѣлуя ея холодныя руки и обнимая ее за тонкую талію...

Она покорно встрѣчала мои ласки...

Она выпила первую рюмку ликеру и сняла шляпу съ бѣлой вуалью. Я предложилъ ей вторую рюмку... Она выпила, но не такъ уже скоро: точно ей хотѣлось надолго растянуть пріятное ощущеніе...

Мы пили ликеръ...

Не понимаю, за что же, собственно, всѣ зовутъ только меня одного сквернымъ человѣкомъ?

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Мужчина 1

Они жили втроемъ 179

Колясочка 196

Отецъ 218

Записки сквернаго человѣка 233

М. АРЦЫБАШЕВЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I. РАЗСКАЗЫ. Паша Тумановъ. Купріянъ. Подпрапорщикъ Гололобовъ. Кровь. Бунтъ. Жена. Ужасъ.

Томъ II. РАЗСКАЗЫ. Изъ подвала. Смерть Ланде. Тѣни утра. Кровавое пятно. Изъ записокъ одного человѣка. Богъ.

Томъ III. РАЗСКАЗЫ. Сильнѣе смерти. Деревянный чурбанъ. Мститель. О ревности. Преступленіе доктора Лурье. Разсказъ объ одной пощечинѣ. Романъ маленькой женщины. Злодѣй. Пропасть. Докторъ. Счастье. Записки писателя. О смерти Чехова. Смерть Башкина. О Толстомъ. Отъ малаго ничтожнымъ. По поводу одного преступленія. Частное письмо. Учителя жизни. Эпидемія самоубійствъ. Кольцо Пушкина. Проповѣдь и жизнь. Самоубійство. (Печатается).

Томъ IV. РАЗСКАЗЫ. Человѣческая волна. Милліоны.

Томъ V. РАЗСКАЗЫ. Рабочій Шевыревъ. Сказка стараго прокурора. Старая исторія. Палата неизлѣчимыхъ. Братья Аримаѳейскіе. Смѣхъ. Изъ дневника одного замѣчательнаго покойника. Разсказъ о великомъ знаніи.

Томъ VI. У послѣдней черты. Романъ, ч. I.

Томъ VII. У послѣдней черты. Романъ, ч. II.

Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к. Въ изящномъ кожаномъ переплетѣ 2 р.

Леонидъ Андреевъ.

ТОМЪ XIV.

САШКА ЖЕГУЛЕВЪ,

Цѣна 1 р. 25 к.

В. ВИННИЧЕНКО.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I. РАЗСКАЗЫ. Моментъ. Невольникъ красоты. Глумленіе. Голытьба. Истинно-украинецъ. Нѣчто большее насъ. Купля. Странное происшествіе Ц. 1 р. 25 к.

Томъ II. РАЗСКАЗЫ. Мелочь. Два эпизода. Записная книжка. Контрасты. Таинственный случай. Антрепренеръ Гаркунъ-Задунайскій. Кузь и Грыцюнь. Ц. 1р. 25 к.

Томъ III. РАЗСКАЗЫ. Федька-Халамидникъ. Красота и сила. Мнимый господинъ. Зина. У молотилки. Таинственность. Исторія Акимова зданія. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ IV. РАЗСКАЗЫ. Талисманъ. Хвостатые. Ожиданіе. Лучъ солнца. Тайна. Маленькая тайна. На рабочемъ пунктѣ. Исторія съ Костей. Базаръ. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ V. На вѣсахъ жизни. (Романъ). Ц. 1 р. 25 к.

Н. КРАШЕНИННИКОВЪ.

МЕЧТЫ о ЖИЗНИ. Лѣсной сторожъ. Меблированныя комнаты. Віолончель. Одичалые. Памятка. Конецъ купца Столѣтова. „Чижиково горе". Тишайшій. Капитанъ Степановъ 2-й. Хуторъ Терехова. Анжелика. Жизнь Игнатія Ильича. Въ чужомъ городѣ. Ц. 1 р. 25 к.

БАРЫШНИ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к. (4-е изд.).

СКАЗКА ЛЮБВИ. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.

ДѢВСТВЕННОСТЬ. Романъ. Съ предисловіемъ автора. Ц. 1 р. 25 к.

Евгеній Чириковъ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I (съ портретомъ автора). **Раннія всходы.** Ранніе всходы. Единица. Грѣшникъ. Предатель. Обостренныя отношенія. Бродячій мальчикъ. Лошадка. Коля и Колька. Сосѣдка. Хаврюшка. Дунюшка. Добрый баринъ. Волшебникъ. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ II. СТУДЕНТЫ ПРІѢХАЛИ. Студенты пріѣхали. Gaudeamus igitur. Въ лѣсу. Калигула. На стоянкѣ. Съ ночевой. Прогрессъ. Цензоръ. Лунная ночь. Одуванчикъ. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ III. ЧУЖЕСТРАНЦЫ. Чужестранцы. Инвалиды. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ IV. ВЪ ЛОЩИНѢ МЕЖЪ ГОРЪ. Въ лощинѣ межъ горъ. Фаустъ. Мужъ. Хромой. Капитуляція. Учитель. Испортилась. Въ сугробахъ. Человѣкъ съ прошлымъ. Чортова жалость. (Печатается).

Томъ V. МАРЬКА ИЗЪ ЯМЪ. Марька изъ Ямъ. Танино счастье. (Печатается).

Томъ VI. ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ КОМЕДІЯ. На дворѣ во флигелѣ. Иванъ Миронычъ. Марья Ивановна. Царь природы. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ VII. МЯТЕЖНИКИ. Мятежники. Романъ въ клѣткѣ. Блудный сынъ. На порукахъ. Въ отставку. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ VIII. ОБЩЕСТВЕННАЯ ДРАМА. Евреи. Мужики. Домъ Кочергиныхъ. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ IX. ДРАМЫ-СКАЗКИ. Колдунья. Лѣсныя тайны. Черная смерть. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ X. ТИХІЙ ОМУТЪ. Въ погонѣ за прогрессомъ. Что такое исправница. Злобы дня. Таланты и поклонники. Обыватель и микробы. Некому заступиться. Въ услуженіи. На окраинахъ. Балетъ въ пользу дома трудолюбія. Голосъ купца. Про мужиковъ. Объединеніе сословій. Награда къ праздничкамъ. Разговоры. Врагъ внутренній. Юбилей Якова Ивановича. Инциденты. Развлеченія. О взяткѣ и ея эволюціи. Бей его, мерзавца! Доброе имя квартальнаго надзирателя. Дѣло о палкѣ съ набалдашникомъ. Захаръ Петровичъ. Народный театръ. Бѣдные дворяне. Обыватель и полиція. Сосуны. Гражданское мужество. Народные просвѣтители. Ученые обыватели. Орловская Коробочка. Бѣда съ мужикомъ! Либеральный директоръ. О воспитателяхъ. Театръ—школа народа. Подъ гнетомъ подозрительности. О родителяхъ и учителяхъ. Посвященіе русскому народу. Что такое—правда. Не суйся, куда не спрашиваютъ! Столпы уѣзднаго земства. О незамѣтныхъ труженикахъ земства. Гоненіе на книгу. Футлярные люди. Инженеры сухопутные. Батюшка съ матушкой. О „свѣтлыхъ явленіяхъ". Религіозное воспитаніе. Въ поискахъ за правосудіемъ. Лягушки. Одинъ въ полѣ воинъ. Радикальное средство. На родинѣ Некрасова. Провинціальная печать. Новая организація гласности. Престижъ власти. Въ сахарномъ королевствѣ. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ XI. ПЛѢНЪ СТРАСТЕЙ. Плѣнъ страстей человѣческихъ. Сказка жизни. На порогѣ жизни. Товарищъ. Соломонъ и Розалія. Передъ смертью. Баба. Сердянская республика. Волкъ. Миніатюры. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ XII. ЦВѢТЫ ВОСПОМИНАНІЙ. Сирень. Тяга. Кладъ. На козлахъ. Въ дорогѣ. Лушка. Водяной. На току. Русалка. Сосѣдка. Городокъ. Королевна. Эхо. Осенній сонъ. Сказка. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ XIII. ЮНОСТЬ. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ XIV. ИЗГНАНІЕ. Романъ. (Продолженіе романа „Юность"). Ц. 1 р. 50 к.

Томъ XV. ВОЗВРАЩЕНІЕ. Романъ. (Продолженіе романа „Изгнаніе"). (Печатается).

ПОѢЗДКА НА БАЛКАНЫ. Замѣтки военнаго корреспондента. Ц. 75 к.

Обложки работы М. И. Соломонова.

Цѣна каждаго тома въ изящномъ полукожаномъ переплетѣ на 75 к. дороже.

Александръ Амфитеатровъ.

СЛАВЯНСКОЕ ГОРЕ. I. **Отъ автора.** II. **На порогѣ** I—II. Римъ,—итальянцы и балканскій вопросъ.—Вѣнская дипломатія и dr. Мандль.—Славянская молодежь изъ австрійскихъ земель.—III. **Скорбь Черной горы** I—II. Страна, которой некуда итти.—Неизбѣжность войны.—Князь Николай.—Антивари и Спицца.—Цетинье.—I. **Сербское горе** I—IX. Аннексія.—Прошлое Австріи въ Босніи и Герцоговинѣ.—Народное настроеніе къ самозащитѣ.—Жалкія роли русской дипломатіи.—Тяжелые дни, когда „погибла Сербія".—Георгій Карагеоргіевичъ.—Вопросы сербско-русскаго единенія и торговли.—V. **Македонія и младотурки** I—II. Цѣна 1 р. 50 к.

ЭХО: Въ наши дни. Эзопова линія. Междудумье. Змій. Джигитъ. Отцы и дѣти 1. Отцы и дѣти 2. Евгеній Пассекъ 1. Евгеній Пассекъ 2. Не тотъ Толстой. Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Балканская гроза: 1. Наканунѣ. 2. Фердинандъ подъ Константинополемъ. 3. Албанскій вопросъ. 4. Живковичъ. Цѣна 1 р. 50 к.

ЗАБЫТЫЙ СМѢХЪ.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ „Московское Книгоиздательство" выпускаетъ три сборника **Александра Амфитеатрова**, посвященные русскимъ сатирикамъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ.

„Въ первомъ десятилѣтіи XX вѣка", говоритъ составитель въ своемъ предисловіи, „русское общество рванулось было къ сатирѣ: отрадное явленіе, постоянно сопровождающее эпохи пробужденія стран отъ гражданской спячки и вѣрный знакъ, что пробужденіе это совершается во время. Но порывъ оказался безплоднымъ и безсильнымъ. Освободительное движеніе быстро было смято, а контръ-революціонные годы не замедлили уложить пробудившуюся было сатиру опять на подушку безсрочнаго сна. Нѣкоторую же привычку, пріобрѣтенную обществомъ, предписано удовлетворять суррогатомъ такъ называемаго безобиднаго юмора. Послѣдній въ роли поставщика забавностей на хохотъ мичмана Пѣтухова и Иванушки-дурачка, чувствуетъ себя сейчасъ весьма недурно: и публика его любитъ и полиція одобряетъ, такъ что ласковому теляти остается только, ведя себя умненько, двухъ матокъ сосать...

Въ эти невыгодные для русской сатиры дни невольно обращаешься мыслью къ воспоминаніямъ о прошлыхъ ея дняхъ, которые были ея побѣднымъ праздникомъ, когда она была весела и грозна, зла и сильна, талантлива и цѣлесообразна. Когда ея отрицаніе, по истинѣ, „строило разрушеніемъ". Когда ея политическая мысль и темпераментъ поставили русское общество подъ свою повелительную ферулу, и страхъ стать жертвою сатиры перевоспитывалъ самыя дикія и упрямыя стороны русскаго общественнаго организма на новый ладъ, обтесывая русскую „новь" въ культуру и гражданственность".

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ (печатается).

I. Отъ составителя. „Поморная муза". Вмѣсто предисловія. Девизы „Поморной музы". II. В. С. Курочкинъ. Стихи В. С. Курочкина. Примѣчаніе къ стихамъ В. С. Курочкина. III. Г. Н. Жулевъ („Скорбный поэтъ"). Стихи Г. Н. Жулева. Примѣчаніе къ стихамъ Г. Н. Жулева. IV. Н. С. Курочкинъ. Стихи Н. С. Курочкина. Примѣчаніе къ стихамъ Н. С. Курочкина. V. В. И. Богдановъ („Власъ Точечкинъ"). Стихи Власа Точечкина. Примѣчаніе къ стихамъ Власа Точечкина. VI. Н. И. Кроль. Стихи Н. И. Кроля. Примѣчаніе къ стихамъ. VII. Козьма Прутковъ въ „Искрѣ".

СБОРНИКЪ ВТОРОЙ (подготовляется къ печати).

I. П. И. Вейнбергъ. II. В. П. Буренинъ. III. Амосъ Шишкинъ. IV. Владиміръ Гихановичъ. V. Л. И. Пальминъ. VI. Ломанъ-Гнутъ и стихотворная пародія „Искры". VII. Приложеніе: Друзья и союзники „поморныхъ": И. И. Панаевъ, Н. А. Добролюбовъ, II. В. Шумахеръ.

СБОРНИКЪ ТРЕТІЙ (подготовляется къ печати).

I. Д. Д. Минаевъ. II. Дядя Пахомъ. III. А. Лукида. IV. Позднѣйшіе и второстепенные сотрудники: Стародубскій, Страннолюбскій, Комаровъ, Клеймо и т. д. V. Случайные сотрудники. VI. Приложеніе: друзья, гости и союзники „Искры": Губеръ, Бенедиктовъ, Бернетъ, Грековъ, Полонскій, Гербель, Алмазовъ, Мей.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Александра Ивановича Эртеля

въ 7-ми томахъ, около 170 печатныхъ листовъ, съ портретомъ автора (въ перв. томѣ), критико-біографической статьей **Ѳ. Д. Батюшкова** и предисловіемъ **гр. Л. Н. Толстого** къ роману „Гарденины“.

СОДЕРЖАНІЕ:

Томъ I. Записки Степняка. Часть 1-я.
„ II. „ „ „ 2-я.
„ III. Волхонская барышня. Минеральныя воды.
„ IV. Двѣ пары. Бабій бунтъ. Жадный мужикъ. Карьера Струкова.
„ V. Гарденины. Часть 1-я.
„ VI. „ „ 2-я.
„ VII. Смѣна. Въ сумеркахъ. Пятихины дѣти. Духовидцы. Спеціалистъ. Восторги. Разговоръ.

Изъ предисловія графа Льва Николаевича Толстого къ роману „Гарденины“.

„Я очень радъ былъ случаю перечесть Гардениныхъ. Несмотря на нездоровье и занятія, начавъ читать эту книгу, я не могъ оторваться, пока не прочелъ всю и не перечелъ нѣкоторыхъ мѣстъ по нѣскольку разъ.

„Главное достоинство, кромѣ серьезности отношенія къ дѣлу, кромѣ такого знанія народнаго быта, какого я не знаю ни у одного писателя, кромѣ сильной, часто несознаваемой авторомъ любви къ народу, который онъ иногда хочетъ изображать въ темномъ свѣтѣ,—неподражаемое, невстрѣчаемое нигдѣ достоинство этого романа, это удивительный по вѣрности, красотѣ, разнообразію и силѣ народный языкъ. Такого языка не найдешь ни у старыхъ, ни у новыхъ писателей. Мало того, что народный языкъ его вѣренъ, силенъ, красивъ, онъ безконечно разнообразенъ. Старикъ дворовый говоритъ однимъ языкомъ, мастеровой другимъ, молодой парень третьимъ, бабы четвертымъ, дѣвки опять инымъ. . . . .

„. . Для того, кто любитъ народъ, чтеніе Эртеля—большое удовольствіе. Для того же, кто хочетъ узнать народъ, не живя съ нимъ, чтеніе это самое лучшее средство. Для того же, кто хочетъ узнать языкъ народный, не древній, которымъ уже никто не говоритъ, и не новый, которымъ, слава Богу, говорятъ еще не многіе изъ народа, а тотъ настоящій, сильный, гдѣ нужно—нѣжный, трогательный, гдѣ нужно—строгій, серьезный, гдѣ нужно—страстный, гдѣ нужно—бойкій и живой языкъ народа, которымъ, слава Богу, еще говоритъ огромное большинство народа, особенно женщинъ, старыхъ женщинъ, тому надо не читать только, а изучать народный языкъ Эртеля“.

Левъ Толстой.

Ясная Поляна, 10 декабря 1908 г.

Цѣна за всѣ 7 томовъ въ обложкѣ работы И. Я. Билибина—10 р., въ изящныхъ полукожаныхъ переплетахъ—15 р.

М. Пришвинъ.

Заворошка. Манифестъ 17-го октября въ деревнѣ. Какъ я укрѣплялъ тещу Никифора. Польна и Аграмачъ. Какъ быть съ мужиками. Дубовый долъ. Дружная весна. Тютенькинъ логъ. На свѣтлой землѣ. Адамъ и Ева. Первые земледѣльцы. У Чортова озера. Соловки. Спасъ-чекрякъ. О братцахъ. Не отъ міра сего. Голгофское христіанство. Отклики на смерть Толстого. Сборная улица и др. Ц. 1 р. 25 к.

Ал. Будищевъ.

СЪ ГОРЪ ВОДА. Съ горъ вода. На красномъ холмѣ. Въ лѣсной избѣ. Петрушка Рокамболь. Одуванчикъ. Пикаръ. Пари. Благополучіе. Портсигаръ. Черная топь. Ц. 1 р. 25 к.

СТРАШНО ЖИТЬ. Страшно жить. Тата. Въ людской. Бѣсъ ревности. Долгъ совѣсти. Страшный фургонъ. Нервы. Въ городѣ. Игнатка. Глюглю. Голубая жирафа. Ц. 1 р. 25 к.

ЛЮБОВЬ—ПРЕСТУПЛЕНІЕ. Любовь—преступленіе. Королева Марго. На другой день. Бѣлая рѣсница. Родька. Боязнь ужасовъ. Сонный зѣвъ. Искушеніе Саверія. Неладное дѣло. Его оруженосецъ. Я и онъ. Ц. 1 р. 25 к.

ДАЛИ ТУМАННЫЯ. Дали туманныя. Оптимистъ и пессимистъ. Болото. Хуторокъ. Уродъ. Кольцо. Собачья жизнь. Бурной ночью. Молодой другъ. Нордъ-Остъ. Разбойникъ Измерой. Дикарь. Агашка. Доброе дѣло. Письмо. Фидель. Женихи. Епифоркино счастье. Бритва. Среди дымныхъ бугровъ. Ц. 1 р. 25 к.

ДИКІЙ ВСАДНИКЪ. Дикій всадникъ. Оргіи. Она. Лучшій другъ.

БѢДНЫЙ ПАЖЪ. Бѣдный пажъ. На палубѣ. Евтишкино дѣло. Въ дѣтской. Гибель. Мишенька Разуваевъ. Была ночь. Солнечные дни. Ц. 1 р. 25 к.

ИЗЛОМЫ ЛЮБВИ. Изломы любви. Безуміе ли. Вешніе зовы. Распря. Уголекъ. Помпей. Астра. Неравный бракъ. Разныя понятія. Черный ангелъ. Лебединая пѣсня. Которая изъ двухъ. Братья. Дуракъ. Жертва полемики. Благодатное небо. Счастье. Сюрпризъ. Кто я. Препятствіе. Свѣтлый гость. Въ лѣсу. Смерть. Лѣсная идиллія. Жажда жизни. (Печатается).

Зинаида Гиппіусъ.

ЧЕРТОВА КУКЛА. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
РОМАНЪ-ЦАРЕВИЧЪ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

А. Кипенъ.

Изданіе второе.

РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Метеорологическая станція. Шпіонъ. Вицъ. Запасный лафетъ. Бирючій островъ. Аграрный вопросъ. На берегу залива. Ливерантъ. Иже еси на небеси. Мга. Ц. 1 р. 25 к.

Семенъ Юшкевичъ.

УЛИЦА. Повѣсть. Ц. 75 к.
ГОЛУБИ. Повѣсть. Ц. 1 р.

Анна Маръ.

НЕВОЗМОЖНОЕ. Невозможное. На волю. Жена. Мертвые листья. Обычное. Вода. Вѣтеръ. Люля Бэкъ. Пріѣздъ Риты. Любовь. Двѣ. Горе. Ой, бѣда! Одинъ день. Вербочки. Дурманъ. Ея сочельникъ. Янина. Голоса. За вышиваніемъ. Настроенія. Подруги. Исповѣдь. Женщина. Признаніе. Стаканъ кофе. Мертвое. Правда. Ц. 1 р. 25 к.

ИДУЩІЕ МИМО. Идущіе мимо. Богъ. Лампады незажженныя. (Печаетется).

Владиміръ Ленскій.

ПОДЪ ГНѢЗДОМЪ АИСТА. Подъ гнѣздомъ Аиста. Невѣста. Такъ бываетъ. Мать. Ц. 1 р. 25 к.

Н. КИСЕЛЕВЪ.

МИРАЖИ. Жестокость. Подъ одѣяломъ. Леночка. Мигъ единый. На зарѣ. Темный домъ. У грани. Ошибка. Амариллисъ. Смерть. Марево. Ц. 1 р. 25 к.

Н. ОЛИГЕРЪ.

РАЗСКАЗЫ. Ночныя тѣни.—Вишни.—Заповѣдное.—Обреченные.—За штатомъ.—Разломъ.—Одинъ. Ц. 1 р. 25 к.

Д. Крачковскій.

ЗОЛОТАЯ КАРЕТА. Золотая карета. Знаменитый скульпторъ. Весна въ Москвѣ. Ледяныя сосульки. Жемчужное ожерелье. Тайна. Розовое перо. *(Печатается).*

Иванъ Рукавишниковъ.

АРКАДЬЕВКА (Романъ). *Печатается.*
РАЗСКАЗЫ. Когда пали стѣны храма. Анна. Эврика. Кáрма. Я, ты, онъ. Романъ въ Крыму и др. *(Подготовляется къ печати).*

В. В. Брусянинъ.

МУЖЧИНА. Мужчина. Они жили втроемъ. Колясочка. Отецъ. Изъ записокъ сквернаго человѣка *(Печатается).*

ЛЮБОВЬ

въ письмахъ выдающихся людей XVIII и XIX вѣка.

Письма собраны и переведены **Анастасіей Чеботаревской.** Предисловіе **Ѳедора Сологуба.** Обложка **С. Ю. Судейкина.** Заставки **С. Ю. Судейкина** и **Н. К. Калмакова.**

Въ собраніе вошли письма: Бодлэра, Байрона, Бальзака, Бетховена, Бѣлинскаго, Берне, Вагнера, Вольтера, Гамбетты, Гарибальди, Гейне, Гёте, Грибоѣдова, Гюго, Герцена, Державина, Екатерины II, Ж. Зандъ, Жуковскаго, Ибсена, Клейста, Лассаля, Ланкло, Ленуа, Мирабо, Мюссе, Эдгара По, Наполеона I, Огарева, Пушкина, Потемкина, Г-жи Роланъ, Г-жи Сталь, Вл. Соловьева, Стендаля, А. Толстого, Л. Толстого, Тургенева, Успенскаго, Фихте, Флобера, Чернышевскаго, Шатобріана, Шиллера, Шумана, Эртеля и др.

Страницъ 568. Цѣна **2** р.

Эльза Іерузалемъ.

КРАСНЫЙ ДОМЪ. Романъ въ двухъ томахъ. Переводъ подъ редакціей **Я. Бермана.** Обложка А. М. Арнштама. Цѣна за оба тома 1 р. 75 к.

Анри Бернштейнъ.

ИЗРАИЛЬ. Драма въ 3-хъ актахъ. Переводъ **Н. П. Корелиной,** съ предисловіемъ **Г. А. Рачинскаго.** Ц. 75 к.

Томасъ Маннъ.

ЕГО КОРОЛЕВСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО. Романъ. Переводъ подъ редакціей **Г. А. Рачинскаго.** Ц. 1 р. 50 к.

КРУШЕНІЕ СЕМЬИ (Будденброки). Романъ, ч. I. Переводъ **Ю. Спасскаго.** Ц. 1 р. 25 к.

К. Марксъ.

КАПИТАЛЪ.

Первый полный переводъ подъ редакціей **В. Базарова** и **И. Степанова.** Общая редакція **А. Богданова.**

Томъ	**I**	(съ приложеніемъ алфавитныхъ указателей ко всѣмъ тремъ томамъ)	Цѣна 2 р. 75 к.
„	**II**		„ 2 „ 50 „
„	**III**,	часть I	„ 1 „ 75 „
„	**III**	„ II	„ 1 „ 75 „

Въ трехъ изящныхъ полукожаныхъ переплетахъ **11 р. 50 к.**

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ:

„... но и въ 1905 г. второй и третій томы „**Капитала**“ существовали на русскомъ языкѣ только въ явно негодномъ переводѣ Николая—она. Пробѣлъ этотъ взялись восполнить Н. Ленинъ, А. Богдановъ, В. Базаровъ, и И. Степановъ... Они начали со второго тома и въ 1907 и 1908 годахъ выпустили второй томъ и оба выпуска третьяго. Скоро долженъ выйти и первый томъ... Я не свѣрялъ всѣ 1300 страницъ новаго перевода съ подлинникомъ, но я свѣрилъ достаточно мѣстъ, чтобы имѣть право сказать, что новый переводъ—вполнѣ серьезное научное предпріятіе, выполненное, дѣйствительно, съ полной добросовѣстностью и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Чего-либо подобнаго невѣжественнымъ курьезамъ Николая—она здѣсь нѣтъ и слѣда. Попадаются, правда, неточности, но все это мелочи, неизбѣжныя при такомъ колоссальномъ трудѣ, какъ переводъ „**Капитала**“, и не искажающія коренныхъ теоремъ автора). А переводъ Николая—она сплошь и рядомъ давалъ именно такое искаженіе“...

А. Изгоевъ („Русская Мысль“, августъ 1908 г...

ДУШЕВНАЯ ЖИЗНЬ ДѢТЕЙ.

БИБЛІОТЕКА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГІИ.

Подъ ред. прив.-доц. Н. Д. Виноградова и А. А. Громбаха.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ „Московское Книгоиздательство“ имѣетъ въ виду издать рядъ наиболѣе выдающихся сочиненій по дѣтской психологіи, принадлежащихъ иностраннымъ авторамъ и до сихъ поръ недоступныхъ значительной части русскихъ читателей.

Цѣль этихъ сочиненій—освѣтить внутренній міръ ребенка, прослѣдить развитіе его душевныхъ способностей, уяснить совершающіеся въ немъ процессы, поскольку это достигнуто современною наукою, т.-е. дать извѣстныя положительныя знанія, которыя помогутъ воспитателю понять душевную жизнь ребенка и, слѣдовательно, наиболѣе цѣлесообразно на нее воздѣйствовать.

ВСЕ ИЗДАНІЕ СОСТАВИТЪ 15 ТОМ., ВЪ КОТОРЫЕ ВОЙДУТЪ СЛѢД. СОЧИНЕНІЯ:

У. Друммондъ. Введеніе въ изученіе ребенка.

Книга Друммонда представляетъ собою, какъ показываетъ самое заглавіе—„Введеніе въ науку о дитяти“. Въ очень доступной и интересной формѣ авторъ характеризуетъ различные методы изслѣдованія обѣихъ сторонъ дѣтскаго существа—физической и духовной, не забывая при этомъ указать на предосторожности, которыя необходимы въ этой сложной и тонкой работѣ. Какъ врачъ, авторъ удѣляетъ достаточно мѣста изученію біологическихъ основъ дѣтской психики, но онъ не игнорируетъ и высшихъ проявленій духа ребенка, останавливаясь на выясненіи роли и такого фактора въ жизни дитяти, какъ религія. Въ послѣдней части работы содержатся краткія указанія относительно различныхъ ненормальныхъ проявленій въ области дѣтской жизни.

Д. А. Колоцца. Дѣтскія игры. Ихъ психологическое и педагогическое значеніе.

Эта работа профессора Палермскаго университета, какъ указываетъ ея подзаголовокъ, разбираетъ одно изъ важнѣйшихъ явленій дѣтской жизни—игру—съ двухъ точекъ зрѣнія. Прежде всего здѣсь дѣлается попытка выяснить психологическое значеніе игры, прослѣдить ея возникновеніе и развитіе, опредѣлить ея роль въ общемъ строѣ душевной жизни ребенка. Затѣмъ игра разсматривается какъ средство воспитанія, и авторъ, критикуя часто неразумное отношеніе взрослыхъ къ играмъ и игрушкамъ дѣтей, даетъ въ то же время нѣкоторые цѣнные положительные совѣты въ этой области. Средняя часть книги—„Игра въ исторіи педагогики“—представляетъ собою обзоръ мыслей, высказанныхъ по вопросу объ игрѣ крупнѣйшими мыслителями древняго и новаго времени.

Ѳ. Пэре. Нравственное воспитаніе, начиная съ колыбели.

Терминъ „моральный“ берется авторомъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ наше понятіе „нравственный“, и, благодаря этому, въ этомъ сочиненіи предлагается достаточно матеріала для характеристики самыхъ разнообразныхъ проявленій дѣтской психики. Авторъ разсматриваетъ послѣдовательно развитіе воли у ребенка, значеніе повиновенія, возникновеніе нравственныхъ привычекъ, роль чувствъ (обонянія, зрѣнія, слуха, осязанія, мускульнаго и температурнаго чувства) въ нравственномъ воспитаніи, а затѣмъ переходитъ къ высшимъ (нравственнымъ и безнравственнымъ) формамъ душевной жизни дѣтей. Здѣсь отдѣльныя главы посвящены вопросамъ о гнѣвѣ, страхѣ, инстинктѣ собственности, ревности, любопытствѣ, симпатіи къ людямъ и животнымъ, стыдливости, лжи, самолюбіи и пр.

М. О'Ши. Роль активности въ жизни ребенка.

Возставая противъ современной системы воспитанія, которая отводитъ главное мѣсто „знаніямъ", авторъ стремится показать, что бо́льшее значеніе имѣетъ для дѣтей собственное „дѣланіе". Только дѣлая что-нибудь, ребенокъ вполнѣ усваиваетъ различныя познанія—проповѣди этой истины посвящена книга О'Ши. Но способности ребенка къ различнымъ дѣйствіямъ развиваются въ опредѣленной послѣдовательности, и авторъ выясняетъ эту послѣдовательность, показывая въ то же время, какъ къ ней должно примѣняться обученіе.

А. Чемберлэнъ. Дитя. Очерки по эволюціи человѣка. (Въ двухъ томахъ).

Подобно Болдуину, и Чемберлэнъ разсматриваетъ развитіе ребенка въ связи съ развитіемъ человѣческаго рода. Но онъ подходитъ къ вопросу съ иныхъ сторонъ, и главы его книги трактуютъ о значеніи безпомощности въ младенческомъ возрастѣ, о смыслѣ дѣтскаго возраста и игры, о дѣтской рѣчи и дѣтскомъ искусствѣ, объ общихъ чертахъ у ребенка и дикаря, у ребенка и преступника, у ребенка и женщины.

Д. Болдуинъ. Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода.

(Въ двухъ томахъ).

Привести въ связь индивидуальное развитіе ребенка съ развитіемъ человѣческаго рода, объяснить первое послѣднимъ—такова задача этой книги. Авторъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ современныхъ психологовъ, разсматриваетъ цѣлый рядъ проявленій душевной жизни ребенка—распознаваніе цвѣтовъ, движенія (въ частности, причины преобладанія правой руки), внушаемость, подражаніе, вниманіе и т. д.—и даетъ обстоятельный научный анализъ каждаго изъ нихъ.

С. Холлъ. Собраніе статей по педологіи и педагогикѣ.

С. Холлъ—одинъ изъ первыхъ и наиболѣе ревностныхъ проповѣдниковъ той истины, что для руководства ребенкомъ необходимо прежде всего научиться его понимать. И Холлъ самъ много сдѣлалъ какъ для изученія психологіи дѣтства, такъ и для широкой популяризаціи знаній въ этой области. Имя его пользуется большой извѣстностью не только на его родинѣ, въ Америкѣ, но и въ Европѣ (собраніе статей Холла существуетъ въ нѣмецкомъ переводѣ) и ознакомленіе русскихъ читателей съ работами Холла нельзя не считать желательнымъ. Въ настоящій сборникъ войдутъ статьи американскаго психолога, печатавшіяся разрозненно въ періодическихъ изданіяхъ и касающіяся различныхъ сторонъ душевной жизни дѣтей, напримѣръ, дѣтской лжи, страха и т. д.

Б. Перэ. Дитя отъ трехъ до семи лѣтъ.

Въ настоящей работѣ авторъ разсматриваетъ тотъ періодъ. когда у ребенка вполнѣ сознательная жизнь начинаетъ преобладать надъ жизнью растительною. Здѣсь разбираются высшія формы умственной дѣятельности, воображеніе и отвлеченное мышленіе, разсматривается развитіе памяти и вниманія, эстетическихъ чувствованій и воли. Какъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, авторъ и здѣсь пользуется многочисленными примѣрами изъ дѣтской жизни, иллюстрируя и оживляя ими свое изложеніе.

Д. Болдуинъ. Духовное развитіе съ соціологической и этической точки зрѣнія.

(Въ двухъ томахъ).

Это сочиненіе удостоено преміи Датскою Королевскою Академіею по докладу Г. Геффдинга. Здѣсь авторъ, опираясь въ значительной степени на выводы предшествующей своей работы, старается показать, какъ слагается въ ребенкѣ „соціальное существо", благодаря вліяніямъ окружающей среды. Поставленные и разрѣшаемые здѣсь вопросы находятся въ тѣсной связи съ важнѣйшими вопросами воспитанія, и такимъ образомъ книга Болдуина на ряду съ научной цѣнностью пріобрѣтаетъ также большое практическое значеніе.

М. Шиннъ. Записки о развитіи ребенка. (Въ двухъ томахъ).

Это—одна изъ немногихъ работъ, гдѣ вдумчивый психологъ излагаетъ свои систематическія наблюденія надъ жизнью ребенка. Миссъ Шиннъ слѣдила изо дня въ день за развитіемъ своей племянницы, начиная со дня рожденія послѣдней до трехлѣтняго возраста. Близость къ ребенку и естественное пристрастіе къ нему уравновѣшивались здѣсь серьезною научною подготовкою, которая заставляла автора строго отдѣлять дѣйствительные факты отъ того, что обычно склонны видѣть въ ребенкѣ любящіе взрослые. Въ этой объективности, которая учитъ познавать и понимать постепенно усложняющіеся процессы, происходящіе въ душѣ безсловеснаго вначалѣ, а затѣмъ лишь лепечущаго дитяти,—главное значеніе книги.

С. Холлъ. Ранняя юность.

Вопросу о переходномъ или критическомъ возрастѣ посвящена эта работа, представляющая собою сжатое изложеніе (мѣстами измѣненное и дополненное) большого двухтомнаго труда того же автора. Сознавая всю важность этого возраста, требующаго особаго вниманія со стороны воспитателя, авторъ не ограничивается однимъ лишь сообщеніемъ чисто научныхъ данныхъ, но присоединяетъ къ нимъ практическіе выводы, вытекающіе для педагога изъ научныхъ положеній. Одну изъ главъ авторъ посвящаетъ спеціально дѣвочкамъ и ихъ развитію въ тотъ періодъ, когда въ нихъ начинаетъ формироваться женщина. Какъ и О'Ши, Холлъ настоятельно рекомендуетъ удѣлять много вниманія физическимъ упражненіямъ, и этотъ походъ противъ современнаго, преимущественно словеснаго обученія, составляетъ одно изъ существенныхъ достоинствъ его книги.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

7. **Друммондъ.** Введеніе въ изученіе ребенка. Ц. 2 р. **Д. А. Колоцца.** Дѣтскія игры, ихъ психологическое и педагогическое значеніе. Ц. 1 р. 50 к. **Б. Перэ.** Нравственное воспитаніе, начиная съ колыбели. Ц. 1 р. 50 к. **О'Ши.** Роль активности въ жизни ребенка. Ц. 1 р. 50 к. **А. Чемберлэнъ.** Дитя. Ч. 1-я. Ц. 1 р. 50 к. **А. Чемберлэнъ.** Дитя. Ч. 2-я. Ц. 1 р. 50 к. **Д. Болдуинъ.** Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода. Ч. 1-я. **Д. Болдуинъ.** Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода. Ч. 2-я. Ц. 1 р. 50 к. **С. Холлъ.** Сборникъ статей по педологіи и педагогикѣ. Ц. 2 р. 50 к. **Б. Перэ.** Дитя отъ трехъ до семи лѣтъ. Ц. 1 р. 50 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Д. Болдуинъ. Духовное развитіе съ соціологической и этической точки зрѣнія.

Принимается подписка.

Подписная цѣна за 15 томовъ—**22 р. 50 к.** Въ изящныхъ каленкоровыхъ переплетахъ—**31 р.**

Условія уплаты: при подпискѣ на изданіе въ переплетахъ—задатокъ 1 р. и при полученіи каждаго—тома, по 2 р.; безъ переплетовъ—задатокъ 1 р. 50 к. и при полученіи каждаго—тома, по 1 р. 60 к. Доставка и пересылка са счетъ издательства.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ФРИДРИХА НИЦШЕ

при сотрудничествѣ: **Андрея Бѣлаго, В. Я. Брюсова, Т. Б. Гейликмана Е. К. и А. К. Герцыкъ, М. О. Гершензона, Вячеслава Иванова, И. А. Ильина, Л. С. Мееровича, Э. К. Метнера, А. С. Петровскаго, С. Л. Роговина и др.**

„Московское Книгоиздательство", желая пойти навстрѣчу давно назрѣвшей среди русской читающей публики потребности, предприняло изданіе на русскомъ языкѣ полнаго собранія сочиненій великаго нѣмецкаго философа-поэта. Оно рѣшило дать всѣмъ интересующимся творчествомъ Ницше, но не имѣющимъ возможности изучить его сочиненія въ подлинникѣ, образцовый, наиболѣе близкій къ оригиналу переводъ, для чего привлекло къ участію въ переводной работѣ лучшія литературныя и научныя силы, преимущественно изъ числа писателей, занимавшихся спеціально изученіемъ Ницше.

Задавшись цѣлью, по мѣрѣ возможности, облегчить русскому читателю задачу изученія твореній Ницше, издательство нашло цѣлесообразнымъ воспроизвести на русскомъ языкѣ не только сочиненія Ницше, законченныя и изданныя при жизни автора, но и важнѣйшія изъ оставшихся въ рукописяхъ работъ его, а также почти весь библіографическій матеріалъ, данный въ нѣмецкомъ изданіи фирмы C. G. Naumann въ Лейпцигѣ; **кромѣ того, изданіе будетъ пополнено оригинальными статьями, объясненіями, комментаріями и т. д., написанными для русскаго изданія спеціалистами**; въ послѣднемъ же томѣ будетъ дана **біографія** Ницше, составленная на основаніи всѣхъ опубликованныхъ до настоящаго времени матеріаловъ.

Все изданіе составитъ **десять роскошныхъ томовъ** (около 5000 стр. текста) съ приложеніемъ портретовъ Ницше, факсимиле его рукописей, видовъ мѣстностей, гдѣ онъ жилъ и пр.

Томъ I-й. **Рожденіе трагедіи** и др. Пояснительныя статьи: проф. Ѳ. Зѣлинскаго, Е. Фёрстера-Ницше. Ц. 3 р. 50 к. Томъ II-й. **Несвоевременныя размышленія. Мы филологи.** Пояснительныя статьи: Е. Фёрстеръ-Ницше, Э. Метнера, С. Франка. Ц. 3 р. Томъ III-й. **Человѣческое слишкомъ человѣческое. Отдѣльныя замѣчанія о культурѣ, государствѣ и воспитаніи.** Указатель афоризмовъ. Пояснительныя статьи: Е. Фёрстеръ-Ницше, С. Франка. Ц. 3 р. Томъ IX-й. **Воля къ власти.** Пояснительныя статьи: Е. Фёрстеръ-Ницше, Г. Рачинскаго. Ц. 3 р.

Цѣна каждаго тома въ роскошн. полукож. переплетѣ по рис. А. М. Арнштама на 1 руб. дороже.

ПЕЧАТАЮТСЯ: Томъ IV-й. **Человѣческое слишкомъ человѣческое. II. Статьи о Рихардѣ Вагнерѣ.** Томъ V-й. **Утренняя заря.** Взглядъ на прошлое и будущее народовъ. ПОДГОТОВЛЯЕТСЯ КЪ ПЕЧАТИ: **Такъ говорилъ Заратустра,** въ пер. Вячеслава Иванова, и др. томы.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА:

За 10 томовъ безъ переплета—30 р. Въ десяти роскошныхъ полукожаныхъ переплетахъ—40 р. РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 2 р. и при полученіи каждаго тома въ переплетѣ 3 р. 80 к. и безъ переплета 2 р. 80 к. Пересылка и доставка за счетъ издательства.

1 р. 25 к.

